

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина»

На правах рукописи

Ильяшенко Екатерина Алексеевна

**УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ,
СВЯЗАННЫМ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЙ
ОБЩЕСТВЕННО ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ**

Специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель –
доктор юридических наук, доцент
Долгополов Александр Александрович

Краснодар – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Теоретико-правовые основы уголовной ответственности за преступления, связанные с распространением заведомо ложной общественно значимой информации	21
1.1. Ретроспективный анализ отечественного уголовного законодательства об ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации	—
1.2. Основания и пределы криминализации преступлений, связанных с распространением заведомо ложной общественно значимой информации	32
1.3. Компаративное исследование зарубежного уголовного законодательства об ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации	44
Глава 2. Уголовно-правовая характеристика преступлений, связанных с распространением заведомо ложной общественно значимой информации	57
2.1. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма	—
2.2. Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан	79
2.3. Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия	98
2.4. Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач,	

возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации	108
Глава 3. Основные пути повышения эффективности уголовно- правового противодействия преступлениям, связанным с распространением заведомо ложной общественно значимой информации	120
3.1. Особенности квалификации преступлений, связанных с распространением заведомо ложной общественно значимой информации	—
3.2. Перспективные направления оптимизации отечественного уголовного законодательства об ответственности за преступления, связанные с распространением заведомо ложной общественно значимой информации	141
Заключение	153
Список литературы	168
Приложение	198

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Важнейшим атрибутом современного мира является информация, различные проявления которой сегодня выступают ценным ресурсом и инструментом. Общеизвестно, что информация позволяет влиять на качество управления многими процессами – политическими, экономическими, социальными. При этом вследствие научно-технического прогресса информация в настоящее время обладает свойством молниеносного распространения.

Конституцией РФ провозглашено, что каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается (ст. 29). В то же время это конституционно значимое благо в последние годы нередко злонамеренно искажается. Масштабность и вредоносность распространения заведомо ложной информации – это новые вызовы современному обществу.

Погруженность общества в информационные процессы предъявляет к информации особые требования, поскольку хаотичное распространение сведений, в том числе недостоверных, в условиях существующего уровня развития социума уже неприемлемо. И если изначально УК РФ 1996 г. предусматривал ответственность только за заведомо ложное сообщение об акте терроризма, то сейчас пределы криминализации фактов распространения заведомо ложной информации расширены за счет установления уголовной ответственности за противоправные манипуляции общественно значимой информацией.

В условиях происходящих трансформаций, которые по своей сути выступают законодательно установленными ограничениями свободы слова, обусловленными необходимостью обеспечения общественной безопасности, актуализируется потребность соблюдения строгого баланса между интересами личности, общества и государства в указанной сфере. Соответствующие нормы уголовного закона,

ориентированные на пресечение наиболее общественно опасных случаев распространения недостоверной информации, не должны нарушать конституционно гарантированную свободу слова.

Имеются основания полагать, что законодательные нововведения 2020 г. об установлении уголовной ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации дали начало процессу формирования и становления нового уголовно-правового института охраны населения от недостоверных сведений, способных оказывать существенное влияние на жизнедеятельность общества. При таких обстоятельствах важно обеспечить правоприменителя полными и непротиворечивыми рекомендациями и разъяснениями о применении действующего законодательства в этой сфере. Теории уголовного права предстоит с учетом новейшей следственно-судебной практики разработать научно обоснованные предложения по совершенствованию нормативного регулирования уголовной ответственности за преступления, связанные с распространением заведомо ложной общественно значимой информации.

Изложенные обстоятельства определяют актуальность и социальную значимость проведения специального комплексного исследования проблем уголовно-правового противодействия преступлениям, связанным с распространением заведомо ложной общественно значимой информации.

Степень разработанности темы исследования. В уголовно-правовой науке рассматривались отдельные аспекты уголовно-правовой охраны социально значимой информации (К.К. Грошиков). Ряд работ посвящен проблемам ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма (А.Н. Безрук, А.Б. Коновалова, Г.Л. Куликова, А.А. Магомедова, В.И. Торговченков).

Среди работ последних лет, специально посвященных вопросам уголовной ответственности за преступления, связанные с распространением заведомо ложной общественно значимой информации, следует выделить публикации П.В. Агапова, З.М. Бешуковой, К.В. Вишневецкого, О.Р. Догузовой,

Л.В. Дулькиной, А.А. Кашкарова, Н.Ш. Козаева, А.П. Кузнецова, Н.А. Лихачева, З.М. Сизо, Н.А. Табаковой, А.И. Терских. В то же время необходимо отметить, что в них не решен целый ряд важнейших вопросов уголовно-правовой оценки преступлений, связанных с распространением заведомо ложной общественно значимой информации, с учетом законодательных новелл последних лет. Комплексных уголовно-правовых исследований проблем противодействия преступлениям, связанным с распространением заведомо ложной общественно значимой информации, не проводилось.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, возникающие в связи с совершением преступлений, состоящих в распространении заведомо ложной общественно значимой информации, регламентацией уголовной ответственности за совершение таких преступлений и их уголовно-правовой оценкой.

Предметом диссертационного исследования выступают уголовно-правовые нормы, предусмотренные ст. 207, 207¹, 207², 207³ УК РФ, устанавливающие ответственность за распространение заведомо ложной общественно значимой информации; вопросы дифференциации уголовной ответственности за указанные преступления; проблемы их квалификации; смежное отечественное законодательство; зарубежное уголовное законодательство; материалы правоприменительной практики; статистические данные о рассматриваемых преступлениях; труды специалистов по теме научного исследования.

Цель диссертационного исследования – комплексная разработка уголовно-правовых аспектов противодействия преступлениям, связанным с распространением заведомо ложной общественно значимой информации, научное обоснование перспективных направлений совершенствования уголовного законодательства в этой сфере и практики его применения, получение нового научного знания по поводу совершения рассматриваемых преступлений и противодействия им.

Необходимость достижения указанной цели обусловила постановку и решение следующих **основных задач**:

определить особенности развития отечественного уголовного законодательства об ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации;

сформулировать авторское определение общественно значимой информации как предмета рассматриваемых преступлений;

раскрыть основания и пределы криминализации преступлений, связанных с распространением заведомо ложной общественно значимой информации;

выявить положительный зарубежный опыт уголовно-правового противодействия преступлениям, связанным с распространением заведомо ложной общественно значимой информации;

установить особенности уголовно-правовой характеристики заведомо ложного сообщения об акте терроризма;

раскрыть специфику объективных и субъективных признаков состава публичного распространения заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и состава публичного распространения заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшего тяжкие последствия;

определить отличительные признаки состава публичного распространения заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации;

выявить особенности правоприменительной практики юридической оценки преступлений, связанных с распространением заведомо ложной общественно значимой информации, а также обосновать рекомендации по разграничению

данных преступлений между собой и по их отграничению от смежных составов преступлений;

разработать предложения по совершенствованию отечественного уголовного законодательства об ответственности за преступления, связанные с распространением заведомо ложной общественно значимой информации, и практики его применения.

В качестве **нормативной базы диссертационного исследования** выступают Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» и иные нормативные правовые акты. Компаративные аспекты исследования потребовали обращения к зарубежному уголовному законодательству.

Теоретическую основу диссертационного исследования составили фундаментальные положения отечественной доктрины уголовного права, а также относящиеся к объекту исследования труды в области теории права, социологии, политологии, криминологии. Среди уголовно-правовых публикаций, непосредственно относящихся к теме диссертационного исследования, необходимо выделить труды П.В. Агапова, З.М. Бешуковой, К.В. Вишневецкого, О.Р. Догузовой, Л.В. Дулькиной, А.А. Кашкарова, А.Г. Кибальника, Н.Ш. Козаева, А.П. Кузнецова, Н.А. Лихачева, С.Л. Нуделя, Ю.Е. Пудовочкина, В.В. Сверчкова, З.М. Сизо, Н.А. Табаковой, А.И. Терских, М.Н. Шипуновой, П.С. Яни.

Эмпирической основой диссертационного исследования выступили статистические данные Главного информационно-аналитического центра МВД России и Судебного Департамента при Верховном Суде РФ; результаты изучения материалов судебной практики, относящейся к теме исследования; 86 уголовных дел о преступлениях, связанных с распространением заведомо ложной общественно значимой информации; данные опроса 160 сотрудников правоохранительных органов (64 судей и их помощников, 70 следователей

Следственного комитета Российской Федерации, 26 следователей и дознавателей органов внутренних дел Российской Федерации). При подготовке диссертации использовались результаты исследований, выполненных другими авторами.

Методологической основой диссертационного исследования является общенаучный диалектический метод познания. Специфика объекта и предмета диссертации предопределила необходимость использования ряда частнонаучных методов, характерных для юридических исследований (формально-юридический, системно-структурный, моделирование, логический, сравнительно-правовой, анализ документов, экспертный опрос).

Научная новизна диссертационного исследования определяется выбором темы, которая до настоящего времени не получила необходимой теоретической разработки, а также содержанием основных положений и выводов исследования.

В результате ретроспективного исследования вопросов уголовной ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации определены основные этапы развития данных уголовно-правовых предписаний. Сформулировано авторское определение общественно значимой информации, имеющей уголовно-правовое значение. Дана развернутая характеристика оснований и пределов уголовной ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации, выявлены факторы, обуславливающие общественную опасность этих преступлений. В результате компаративного исследования зарубежного уголовного законодательства об ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации установлено, что в европейских странах, позиционирующихся в качестве передовых демократий, регламентирован аналогичный российскому или более строгий подход к уголовной ответственности за совершение таких деяний.

Уголовно-правовая характеристика преступлений, связанных с распространением заведомо ложной общественно значимой информации, позволила выявить особенности непосредственных объектов данных

преступлений, которыми нарушается информационная безопасность, выступающая компонентом общественной безопасности. Детально проработаны признаки предметов преступлений, связанных с распространением заведомо ложной общественно значимой информации, определены их отличительные черты. Выявлены унифицированные характеристики объективной стороны преступлений, связанных с распространением заведомо ложной общественно значимой информации. Раскрыто содержание субъективных признаков данных преступлений, на основе материалов судебной практики выявлены проблемные аспекты в этой части.

Исследованы особенности правоприменительной практики юридической оценки преступлений, связанных с распространением заведомо ложной общественно значимой информации. Представлены правила квалификации данных преступлений, в том числе порядок их разграничения со смежными деяниями (с угрозой совершения террористического акта, дискредитацией Вооруженных Сил РФ и др.). Определены основные направления оптимизации отечественного уголовного законодательства об ответственности за преступления, связанные с распространением заведомо ложной общественно значимой информации, в том числе сформулировано предложение о разработке единой универсальной нормы, предусматривающей ответственность за рассматриваемые преступления.

Научную новизну диссертационного исследования подтверждают **основные положения, выносимые на защиту:**

1. История развития отечественного уголовного законодательства об ответственности за преступления, связанные с распространением заведомо ложной общественно значимой информации, представлена следующими этапами:

1) появление зачаточных предписаний об ответственности за распространение ложной информации со времен Русской правды, где предусматривалась наказуемость деяний, состоящих в ложных обвинениях другого лица;

2) интенсивное развитие уголовно-правовых запретов распространения заведомо ложной общественно значимой информации, отраженное в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., с доведением до уровня регламентации, максимально приближенного к современному, в Уголовном уложении 1903 г.; криминальными в этот период признавались распространение заведомо ложного, способного возбудить общественную тревогу слуха о правительственном распоряжении, общественном бедствии или ином событии; причинение общественной тревоги без каких-либо для этого оснований ударом в набат или иным способом;

3) стагнация в советский период, когда соответствующие положения были представлены нормами об ответственности за антисоветскую пропаганду в различных формах, включая распространение слухов и иной дискредитирующей государственную власть информации;

4) появление в УК РФ 1996 г. нормы об ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма и ее периодическая трансформация;

5) кардинальное изменение уголовного законодательства об ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации, обусловленное резонансными общественными процессами в виде пандемии коронавирусной инфекции в 2020 г. и проведения специальной военной операции с 2022 г.

2. Под общественно значимой информацией в уголовном праве необходимо понимать сведения о событиях или фактах, которые касаются неопределенного круга лиц, способны оказывать влияние на их жизнедеятельность и состояние защищенности жизненно важных общественных интересов.

Общественная опасность распространения заведомо ложной общественно значимой информации, выступающая в качестве основания его криминализации, предопределяется следующими факторами:

1) масштабность случаев распространения недостоверной информации, зачастую достигающая уровня инфодемии;

2) дезинформационный характер распространяемых сведений, когда ложные сведения преподносятся под видом достоверной и проверенной информации;

3) способность распространения чувствительной информации вызвать резонанс, подрывающий состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства;

4) молниеносный характер распространения информации, инициирующей страх и панику среди населения;

5) лавинообразное распространение недостоверной общественно значимой информации, которая в дальнейшем транслируется лицами, не осознающими ее ложный характер;

6) причинение в результате распространения заведомо ложной социально значимой информации фактического вреда не только населению, но и в целом обществу и государству, состоящего в дезорганизации деятельности различных учреждений, массовых волнениях, причинении вреда здоровью людей.

3. Наличие уголовно-правового запрета заведомо ложного сообщения об акте терроризма является прочно устоявшейся нормой для законодательства преобладающего большинства государств ближнего зарубежья (УК Республики Таджикистан, УК Азербайджанской Республики, УК Республики Молдова, УК Туркменистана).

Оригинальное предписание закреплено в УК Республики Узбекистан в ст. 244.6 «Распространение ложной информации», в котором ответственность предусмотрена за распространение ложной информации, в том числе в средствах массовой информации, сетях телекоммуникаций или всемирной информационной сети Интернет.

В белорусском уголовном законодательстве под запрет поставлена дискредитация Республики Беларусь, под которой понимается распространение заведомо ложных сведений о политическом, экономическом, социальном, военном или международном положении Республики Беларусь, правовом

положении граждан в Республике Беларусь, деятельности государственных органов, дискредитирующих Республику Беларусь (ст. 369.1).

В уголовном законодательстве государств дальнего зарубежья предписания об ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации являются весьма распространенными. Так, в ст. 15 УК Швеции содержится практически аналог исследуемых российских уголовно-правовых норм. Уголовно-правовые запреты ряда европейских стран ориентированы на недопущение распространения паники среди населения, обеспечение общественного спокойствия. При этом законодатель зачастую не закрепляет в качестве условия возникновения ответственности факт ложности распространяемой информации, что демонстрирует весьма широкое содержание такого предписания (§ 266а УК Дании).

Результаты компаративного исследования, с одной стороны, подтверждают обоснованность криминализации распространения заведомо ложной общественно значимой информации, а с другой стороны, свидетельствуют о необходимости установления в российском уголовном законодательстве унифицированной нормы об ответственности за совершение данных преступлений.

4. Обосновано, что угроза совершения террористического акта в целях дестабилизации деятельности органов власти может быть квалифицирована в качестве заведомо ложного сообщения об акте терроризма (ч. 3 ст. 207 УК РФ). Данная уголовно-правовая оценка основана на выявленной правовой коллизии, заключающейся в том, что состав террористического акта (ст. 205 УК РФ) в действующей редакции не предусматривает уголовную ответственность за угрозу его совершения в целях дестабилизации деятельности органов власти, а юридическое содержание состава заведомо ложного сообщения об акте терроризма (ст. 207 УК РФ), наоборот, в настоящее время расширено и включает в себя не только распространение соответствующей заведомо ложной общественно значимой информации, но еще и случаи заведомо ложной угрозы

совершения террористического акта в целях дестабилизации деятельности органов власти (ч. 3 ст. 207 УК РФ).

5. На основе буквального толкования уголовного закона опровергнут тезис о том, что только официальная информация может быть признана достоверной. Диспозиция ст. 207¹ УК РФ подобных указаний не содержит. Активно формирующаяся следственно-судебная практика признания критерием достоверности информации ее происхождения из официальных государственных источников представляет собой искаженное понимание признаков состава данного преступления. Обосновано, что под ложной информацией необходимо понимать информацию, противоречащую объективной действительности, независимо от источников ее происхождения.

Указание на ложность распространяемой информации не означает, что все передаваемые сведения должны быть ложными. В современном информационном мире наибольший эффект от ложной информации зачастую достигается при ее тщательной маскировке под истинную, в том числе при смешивании действительных и искаженных сведений.

6. Установление общественно опасных последствий и их причинно-следственной связи с деянием предрекает вопрос о выборе между нормами, предусмотренными ст. 207¹ и 207² УК РФ. В случае причинения по неосторожности вреда здоровью человека, смерти или иных тяжких последствий в результате распространения заведомо ложной общественно значимой информации содеянное подлежит квалификации только по ст. 207² УК РФ.

Вместе с тем деяния, потенциально охватываемые ст. 207² УК РФ, при неустановлении общественно опасных последствий квалифицируются по ст. 207¹ УК РФ. При таких обстоятельствах очевидно, что уголовно-правовая норма, предусмотренная ст. 207² УК РФ, по сути, выполняет роль нормы, содержащей квалифицированный вид преступления, закрепленного в ст. 207¹ УК РФ.

7. Отношения, складывающиеся в связи с обеспечением общественной безопасности, образуют основной непосредственный объект преступления,

предусмотренного ст. 207³ УК РФ. Нарушение общественной безопасности в данном случае проявляется в создании панических настроений. Распространение заведомо ложной информации о неконституционном применении Вооруженных Сил РФ способно вызвать беспокойство среди населения, пошатнуть уверенность в защищенности нашего государства.

Распространение заведомо ложной информации о деятельности Вооруженных Сил РФ непременно оказывает соответствующее дискредитирующее воздействие. В итоге, наряду с нарушением общественной безопасности, негативному воздействию подвергаются общественные отношения, возникающие по поводу поддержания авторитета и уважения Вооруженных Сил РФ. Данные общественные отношения образуют дополнительный непосредственный объект состава преступления, предусмотренного ст. 207³ УК РФ.

8. При одновременном наличии в содеянном признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 207 и 207¹ УК РФ, применение данных норм по совокупности недопустимо, поскольку это будет нарушением принципа справедливости, исключающего возможность двойной уголовно-правовой оценки одного деяния. Выбор в этом случае надлежит сделать в пользу нормы об ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма, так как в ней детализирован предмет преступления – это общественно значимая информация о предстоящем взрыве, поджоге и т. п. Кроме того, состав заведомо ложного сообщения об акте терроризма охватывает своим содержанием хулиганские побуждения либо цель дестабилизации деятельности органов власти, а при совершении преступления, предусмотренного ст. 207¹ УК РФ, такие признаки отсутствуют.

9. Несмотря на возможность полного совпадения предмета преступления и его объективной стороны, а также субъективных признаков, уголовно-правовые нормы, предусмотренные ст. 207³ и ст. 280³ УК РФ, не могут быть признаны находящимися в отношениях конкуренции, поскольку данные преступления

посягают на разные объекты правовой охраны. Они не соотносятся как часть и целое, а также не образуют признаков конкуренции общей и специальной нормы. Дискредитация и распространение заведомо ложной информации имеют совершенно различное социально-правовое содержание. В связи с этим преступления, предусмотренные ст. 207³ и ст. 280³ УК РФ, при одновременном наличии совпадающих признаков подлежат квалификации по совокупности. Причем вполне допустима констатация идеальной совокупности преступлений, когда одно деяние образует признаки двух составов преступлений.

10. Уголовно-правовое предписание, сформулированное в ст. 207 УК РФ, требует корректировки в целях устранения неоправданного сужения объема действия этой нормы, заключающегося в указании в качестве составообразующего признака на специальный мотив – хулиганские побуждения (ч. 1) или специальную цель – дестабилизацию деятельности органов власти (ч. 3). Одновременно в изменении нуждается существующая законодательная конструкция ч. 2 ст. 207 УК РФ, в соответствии с которой квалифицирующие признаки в виде совершения данного преступления в отношении объектов социальной инфраструктуры либо с причинением крупного ущерба относятся только к преступлению, регламентированному ч. 1 ст. 207 УК РФ (проект новой редакции ст. 207 УК РФ изложен в тексте автореферата и диссертации).

11. Обосновано предложение об объединении исследуемых однородных предписаний в единый уголовно-правовой запрет, так как это будет способствовать формированию системных мер уголовно-правового противодействия преступлениям. Конструирование единой уголовно-правовой нормы об ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации позволит использовать ее вместо уголовно-правовых норм, предусмотренных ст. 207¹–207³ УК РФ. Целесообразность унификации данных предписаний подтверждается их уголовно-правовой характеристикой, свидетельствующей о том, что каждое из перечисленных преступлений

представляет собой частный случай публичного распространения заведомо ложной общественно значимой информации. Их отличительными особенностями являются предмет преступления (различные типы информации) и некоторые признаки объективной стороны, которые могут быть сохранены в единой уголовно-правовой норме (проект новой единой нормы, предлагаемой к закреплению в ст. 207¹ УК РФ, изложен в тексте автореферата и диссертации). Одновременно ст. 207² и 207³ УК РФ потребуется исключить из российского уголовного законодательства.

Теоретическая значимость результатов диссертационного исследования заключается в том, что они развивают и углубляют доктринальные представления о преступлениях, связанных с распространением заведомо ложной общественно значимой информации, их квалификации, определяют направления для дальнейших исследований проблем уголовно-правового противодействия данным общественно опасным деяниям и тем самым обогащают уголовно-правовую науку. Положения и выводы исследования могут выступать в качестве теоретической базы для совершенствования уголовного законодательства, постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации и правоприменительной практики.

Практическая значимость диссертационного исследования выражается в том, что оно создает основу для разрешения сложных правоприменительных проблем, возникающих при уголовно-правовой оценке преступлений, связанных с распространением заведомо ложной общественно значимой информации. Результаты исследования могут быть использованы: при совершенствовании уголовного законодательства Российской Федерации, в праворазъяснительной деятельности Верховного Суда Российской Федерации, при повышении эффективности практики применения норм о преступлениях, связанных с распространением заведомо ложной общественно значимой информации, в учебном процессе высших образовательных организаций, в процессе повышения квалификации сотрудников правоприменительных органов.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные положения и выводы диссертационного исследования обсуждались в рамках научно-представительских мероприятий различного уровня: IV Международной научной конференции «Государство и право: проблемы и перспективы совершенствования» (Юго-западный государственный университет, Курск, 19 ноября 2021 г.), XIII Российского конгресса уголовного права «Уголовное право в системе межотраслевых связей: проблемы теории и правоприменения» (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, 26–27 мая 2022 г.), X Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона», посвященной 100-летию Верховного Суда Российской Федерации (Российский государственный университет правосудия, Москва, 10 ноября 2022 г.), Международной научно-практической конференции «Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные механизмы обеспечения экономической безопасности» (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, 16 декабря 2022 г.), III Саратовского юридического форума «Законотворческая политика и правоприменение в современной России» (Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, 9 июня 2023 г.), XI Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона» (Российский государственный университет правосудия, Москва, 15 ноября 2023 г.), VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические вопросы борьбы с преступностью» (Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, Краснодар, 23 ноября 2023 г.), XXI Международной научно-практической конференции «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке» (Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, 25–26 января 2024 г.), Международной научно-практической конференции

«Институциональные основы уголовного права Российской Федерации: к 70-летию юбилею профессора В.П. Коняхина» (Кубанский государственный университет, Краснодар, 1–2 февраля 2024 г.), XIV Российского конгресса уголовного права «Общественная опасность в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии» (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, 30–31 мая 2024 г.), IV Саратовского юридического форума «Роль права в обеспечении национальной безопасности современной России» (Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, 7 июня 2024 г.), Международной научно-практической конференции «Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы», посвященной 90-летию со дня рождения профессора Г.А. Аванесова (Академия управления МВД России, Москва, 27 сентября 2024 г.), XII Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона» (Российский государственный университет правосудия, Москва, 20 ноября 2024 г.).

Результаты диссертационного исследования отражены в 17 научных статьях, 9 из которых опубликованы в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России.

Положения диссертации используются в учебном процессе Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Кубанского государственного университета и Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина, внедрены в практическую деятельность Четвертого кассационного суда общей юрисдикции, Прокуратуры г. Севастополя, Главного управления МВД России по Краснодарскому краю и Главного управления МВД России по Ставропольскому краю.

Степень достоверности результатов диссертационного исследования определяется использованием надлежащей методологической основы, адекватной поставленным задачам и обеспечивающей всесторонность и объективность

исследования, соблюдением методологических требований теории уголовного права, а также репрезентативной эмпирической базой. Теоретические выводы диссертации построены на новых и проверяемых данных, которые согласуются с иными опубликованными работами по теме исследования.

Структура диссертации определяется ее целью, поставленными задачами и логикой исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, объединяющих девять параграфов, заключения, списка литературы и приложения.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЙ ОБЩЕСТВЕННО ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ

1.1. Ретроспективный анализ отечественного уголовного законодательства об ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации

В период пандемии коронавирусной инфекции участились случаи появления в сети «Интернет» ложной информации, дезинформирующей население об истинном состоянии здоровья граждан. Недостоверная информация о заболеваемости и смертности по всему миру заставила отечественного законодателя внести коррективы в нормативную базу, регулирующую сферу общественной безопасности, благополучия и благосостояния человека в России. Безусловно, внесение изменений в уголовный закон в части криминализации деяния, связанного с распространением недостоверной информации, является необходимым и своевременным решением отечественного законодателя.

Следует отметить, что институт уголовной ответственности за распространение заведомо ложной информации известен со времен существования древнерусского государства. В первую очередь ложная информация может рассматриваться через призму обмана. В период своего правления Владимир Мономах внес коррективы в законодательство о лживых поступках, которое регламентировало следующее: «кто обманом выпросит у другого деньги с целью бежать в чужую землю, с тем поступать как с татом»¹.

Признаки распространения заведомо ложной информации усматриваются в деяниях, состоящих в ложных обвинениях другого лица в совершении

¹ Маркунцов С.А. Древнейшее русское уголовное право: возникновение первичных уголовно-правовых запретов: учебное пособие. М.: Юриспруденция, 2012. С. 84.

преступления. Русская правда пространной редакции² в статьях 18, 21 и 22 предусматривала ответственность за необоснованное обвинение в убийстве («поклепная вира») или краже. Следовательно, на рубеже XII-XIV вв. законодатель Киевской Руси стоял у истоков борьбы с распространением ложной информации.

Спустя около 400 лет в Судебнике 1497 г. появляется новый термин – «ябедничество», означающий «ложный донос, злостная клевета с целью обвинить невинного»³. За данное преступление назначалось наказание в виде смертной казни, при этом боярину осуществлялась выплата 2 алтынов, дьяку – 8 денег, которые взыскивались с лица, совершившего преступление.

Тем самым проявляется тенденция на закрепление круга деяний, связанных с распространением заведомо ложной информации. Наказуемыми в тот период продолжали признаваться ложные обвинения другого лица.

Общество постепенно развивалось, проводились реформы по укреплению социально-политических основ государства, что сопровождалось закреплением в законе новых составов преступлений, в частности узаконена ответственность за лжесвидетельство. С учетом проведенных изменений, в Судебнике 1550 г. стал использоваться термин «солгать». Виновному во лжи в качестве дополнительного наказания назначалось битье кнутом и тюремное заключение.

Становление православного христианства как религии государства повлекло случаи принесения ложных клятв среди верующих, что привело к криминализации ответственности за ложное крестное целование в Стоглавом соборе 1551 г. В период формирования московского государства данное преступление имело двойственный характер. Так, согласно Стоглаву и Соборному уложению 1649 года, ложное крестное целование считалось преступлением,

² Пространная редакция Русской правды (по Троицкому списку второй половины XIV в.) URL: http://olegusenko1965.narod.ru/olderfiles/1/Russkaya_pravda.pdf. (дата обращения: 10.11.2023).

³ Чистякова О.И. Российское законодательство X–XX веков: в 9-ти томах. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М.: Юридическая литература, 1985. С. 68.

посягающим на общественные отношения в сфере государственной власти и религии. Как правило, наказание осуществлялось в виде церковной епитимьи (дополнительный пост, поклоны, молитва) и тюремном заключении.

Понятие «ябедничество» полностью поглотило термин «клевета» и рассматривалось в качестве ложного обвинения лица в преступных деяниях перед судебной властью⁴.

В дальнейшем Соборное уложение 1649 г. укрепило институт ответственности за клевету, государство, превознося роль церкви в обществе, определило на первое место все составы преступлений, умысел которых охватывает религия. Наказание за клевету («клепать») также содержалось в ст. 60 Псковской судной грамоте 1397–1467 гг.⁵, в ст. 6 Новгородской судной грамоте 1440–1471 г. и в Кормчей книге⁶.

В XIX веке был принят первый кодифицированный акт уголовно-правовых норм, который признавал клевету и неискренность виновного в качестве обстоятельства, усиливающего вину и увеличивающего наказание за совершенное преступление. Также рассматриваемый закон предусматривал ответственность за лживую присягу.

В ст. 296 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных регламентировалась ответственность за составление и распространение каких-либо писем или сочинений, публичное выступление или распускание ложных слухов с намерением склонить к противодействию или сопротивлению властям. В качестве квалифицированного вида данного преступления предусмотрено его совершение, повлекшее важное нарушение установленного порядка⁷.

⁴ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М.: Территория будущего, 2005. С. 346.

⁵ Греков Б.Д. Судебники XV–XVI веков. М.-Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. С. 76.

⁶ Чистяков О.И. Российское законодательство X–XX веков: в 9-ти томах. Т. 3: Акты Земских соборов. М.: Юридическая литература, 1985. С. 264–265.

⁷ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб, 1845. С. 117.

Следует отметить, что такое деяние представляет собой специальный вид распространения общественно значимой информации, имеющий политическую составляющую. Очевидно, что данным уголовно-правовым запретом достигается главная цель в виде обеспечения нормального функционирования действующей власти. Отдельно стоит подчеркнуть, что предметом анализируемого преступления может выступать как истинная, так и ложная информация.

Оригинальная норма предусмотрена в ст. 329 анализируемого Уложения. В ней закреплена ответственность за публичное выступление, совершенное без разрешения компетентных властей. При этом если по своему содержанию распространяемая информация не является противоправной, аморальной и ни для кого не оскорбительна, то содеянное образует основной состав данного преступления.

В свою очередь публичное выступление без разрешения компетентных властей, противоречащее требованиям закона, нравственности, приличию или же являющееся оскорбительным, а равно способное причинить вредные последствия, образует квалифицированный вид преступления⁸.

По Уголовному уложению 1903 г. наказуемыми в разрезе уголовно-правового противодействия распространению заведомо ложной общественно значимой информации признавались следующие деяния:

1) распространение заведомо ложного, способного возбудить общественную тревогу слуха о правительственном распоряжении, общественном бедствии или ином событии;

2) причинение общественной тревоги без каких-либо для этого оснований ударом в набат или иным способом.

В качестве квалифицирующего обстоятельства было закреплено последовавшее после деяния народное волнение, противодействие власти или нарушение порядка в воинских частях⁹.

⁸ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб, 1845. С. 135-136.

⁹ Уголовное уложение 1903 г. СПб.: Сенатская типография, 1903. С. 57.

Представляется, что данные нормы следует признать прообразом ныне действующих отечественных предписаний об ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации.

Специфической особенностью данного уголовно-правового предписания является его унифицированность. Это своего рода общая норма, которая охватывает своим содержанием различные общественно опасные деяния в анализируемой сфере. Также необходимо обратить внимание на законодательный акцент о том, что это преступление способно вызвать общественную тревогу. То есть уголовную ответственность влечет не любое распространение заведомо ложной информации, а только такое, которое может повлечь социальный резонанс, вызвать общественную тревогу.

С приходом советской власти уголовное законодательство было кардинально трансформировано, в том числе и в вопросах ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации.

В целях защиты общественного порядка и рабоче-крестьянского класса УК РСФСР 1922 г.¹⁰ закреплял ответственность за «распространение ложных слухов и непроверенных сведений в контрреволюционных целях, с целью дискредитации власти». Положения статей УК РСФСР 1926 г. (по состоянию на 1 марта 1957 г.) также предусматривали уголовную ответственность за распространение дезинформации.

Следует подчеркнуть, что данными уголовно-правовыми запретами главным образом обеспечивалась не столько общественная безопасность, сколько интересы государства. В большей степени таким подходом достигалась цель поддержания авторитета органов государственной власти и недопущения распространения какой-либо ложной информации об их функционировании.

Весьма интересным для исследования обращения общественно значимой информации представляется Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. Статья 70 данного

¹⁰ Уголовный кодекс РСФСР от 01 июня 1922 г. (ред. 1 апреля 1923 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

закона регламентировала ответственность за агитацию или пропаганду, проводимую в целях подрыва или ослабления советской власти либо совершения отдельных особо опасных государственных преступлений, распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно распространение либо изготовление или хранение в тех же целях в письменной, печатной или иной форме произведений такого же содержания (антисоветская агитация и пропаганда).

В данном случае по образу аналогичных предписаний УК РСФСР 1926 г. обеспечивается строгая охрана государственных интересов от заведомо ложной дискредитирующей информации.

В редакции от 16 сентября 1966 г. появляется новая ст. 190.1, посвященная ответственности за систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно изготовление или распространение в письменной, печатной или иной форме произведений такого же содержания.

Основное отличие данного законодательного положения от ст. 70 УК РСФСР 1960 г. заключается в отсутствии указания на цель подрыва или ослабления Советской власти либо совершения отдельных особо опасных государственных преступлений. Тем самым была расширена сфера этого уголовно-правового запрета, поскольку не требовалось устанавливать наличие соответствующих специальных целей. Однако, с другой стороны, если квалификация содеянного по ст. 70 УК РСФСР 1960 г. допускалась и в случае выявления однократного факта распространения сведений, то для наличия состава преступления, предусмотренного ст. 190.1 УК РСФСР 1960 г., требовалось установление признака систематичности соответствующих противоправных действий.

Закрепление нового состава преступления было обусловлено тем, что советская власть пыталась на более ранних стадиях предотвратить совершение преступления с более тяжким составом в виде антисоветской пропаганды и агитации (ст. 70 УК РСФСР 1960 г.).

На протяжении последующих 20 лет указанный состав преступления кардинально не реформировался, а лишь подвергался незначительным корректировкам, обусловленным приоритетом ужесточения наказания за их совершение. В 1989 г. законодатель упразднил уголовно-правовую норму об ответственности за распространение заведомо ложных измышлений.

Таким образом, уголовный закон в рассматриваемой сфере претерпевал изменения ввиду смены государственной власти и общественного строя. С принятием новых законов и внесением изменений в действующее законодательство увеличился объем возможностей органов власти в сфере защиты прав граждан от распространения недостоверных сведений. Однако правотворческий орган не посчитал необходимым дальнейшее совершенствование правового регулирования оборота ложной информации. Это объясняется тем, что в период существования советского государства информационные технологии не были развиты в полном объеме, расцветом эпохи Интернет-сетей принято считать начало 2000-х гг.¹¹

Советские государственные органы контролировали содержание и распространение информации во всех сферах деятельности, в том числе сохранялась цензура в печатных изданиях, в целях недопущения появления сведений, являющихся нежелательными для граждан. Совокупность приведенных факторов привела к декриминализации статьи, предусматривающей уголовную ответственность за распространение заведомо ложной информации.

Отдельный этап развития характеризовался появлением в УК РФ 1996 г. нормы об ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ) и ее периодическая трансформация.

Позиция законодателя кардинально изменилась в период распространения инфекционных болезней в ряде стран и появления сведений, которые искажают истинное состояние здоровья людей по всему миру. Именно пандемия 2020 г.

¹¹ Воронкин А.С. Социальные сети: эволюция, структура, анализ // ОТО. 2014. № 1. С. 655.

заставила законодателя иначе взглянуть на сферы правового контроля над информационным полем.

В сложившихся условиях возникла необходимость установления ограничений для распространения информации, особенно являющейся чувствительной для общества и государства. При этом создаваемые ограничения не должны пересекать границ конституционно гарантированной свободы слова.

Согласно ст. 1 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»¹² цензура недопустима, однако запрещено злоупотребление свободой массовой информации, в том числе воздействующей на подсознание людей и оказывающих вредное влияние на их здоровье.

В действительности, как показала практика обмена информации в условиях пандемии коронавирусной инфекции Covid-19, уже существующих нормативных актов оказалось недостаточно для контроля и фильтрации информации, угрожающей общественной безопасности.

В целях укрепления безопасности информационного пространства и пресечения распространения фейков в сети Интернет законодательный орган принял решение внести изменения в Уголовный кодекс РФ¹³, дополнив 24 главу новыми статьями 207¹, 207², устанавливающей ответственность за публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации¹⁴.

Безусловно, государство быстро и своевременно среагировало на внезапно возникшую проблему в сфере оборота информации посредством Интернет-ресурсов. И следующим законодательным шагом стало установление в 2022 г. уголовной ответственности за распространение заведомо ложной общественно

¹² О средствах массовой информации: закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 (в ред. от 1 июля 2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 14 (часть I). Ст. 2030.

¹⁴ Бешукова З.М., Трахов А.И. Распространение заведомо ложной информации (ст. 207.1 и 207.2 УК РФ): новые составы преступлений с признаком публичности // Теория и практика общественного развития. 2020. № 6. С. 78-82.

значимой информации, связанной с использованием Вооруженных Сил РФ (ст. 207³ УК РФ).

Данная новелла была предопределена резонансными историческими событиями, вызванными проведением Специальной военной операцией. Государство и общество впервые столкнулись с широкомасштабными информационными провокациями со стороны недружественных государств. И эти провокации зачастую реализовывались, в том числе на территории РФ и были ориентированы на население нашей страны. Подобные деяния оказывают весомое дестабилизирующее влияние, поэтому существовала острая потребность в принятии оперативных мер противодействия им, в том числе уголовно-правовыми средствами.

На основании изложенного представляется целесообразным сделать следующие основные выводы:

1) исторический опыт развития отечественного уголовного законодательства об ответственности за распространение заведомо ложной информации показал, что данный уголовно-правовой запрет эволюционировал в зависимости от конкретной политической обстановки, происходящей в государстве. Начиная свой путь как устрашение и запугивание, в настоящее время институт уголовной ответственности за распространение заведомо ложной информации направлен на защиту личности, охрану ее прав и свобод;

2) зачаточные проявления некоторых признаков деяний, выражающихся в распространении заведомо ложной общественно значимой информации, проявлялись уже в отдельных положениях Русской правды, где предусматривалась наказуемость деяний, состоящих в ложных обвинениях другого лица;

3) значимый этап развития законодательных положений об ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации отражен в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. В ст. 296 данного памятника права регламентировалась ответственность за составление и

распространение каких-либо писем или сочинений, публичное выступление или распускание ложных слухов с намерением склонить к противодействию или сопротивлению властям. В качестве квалифицированного вида данного преступления предусмотрено его совершение, повлекшее важное нарушение установленного порядка.

Такое деяние представляет собой специальный вид распространения общественно значимой информации, имеющий политическую составляющую. Очевидно, что данным уголовно-правовым запретом достигается главная цель в виде обеспечение нормального функционирования действующей власти. Предметом анализируемого преступления может выступать как истинная, так и ложная информация;

4) оригинальная норма предусматривалась в ст. 329 Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. В ней закреплена ответственность за публичное выступление, совершенное без разрешения компетентных властей. При этом если по своему содержанию распространяемая информация не является противоправной, аморальной и ни для кого не оскорбительна, то содеянное образует основной состав данного преступления.

В свою очередь публичное выступление без разрешения компетентных властей, противоречащее требованиям закона, нравственности, приличию или же являющееся оскорбительным, а равно способное причинить вредные последствия, образует квалифицированный вид преступления;

5) наиболее приближенными по смысловому содержанию относительно действующих уголовно-правовых запретов в сфере противодействия распространению заведомо ложной общественно значимой информации, являются нормы Уголовного уложения 1903 г. В ст. 263 наказуемыми признавались следующие деяния:

распространение заведомо ложного, способного возбудить общественную тревогу слуха о правительственном распоряжении, общественном бедствии или ином событии;

причинение общественной тревоги без каких-либо для этого оснований ударом в набат или иным способом;

6) уголовно-правовые запреты в сфере противодействия распространению заведомо ложной общественно значимой информации в советский период представлены нормами об ответственности за антисоветскую пропаганду в различных формах, включая распространение слухов и иной дискредитирующей государственную власть информации;

7) отдельный этап развития характеризовался появлением в УК РФ 1996 г. нормы об ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ) и ее периодическая трансформация;

8) стимулом для кардинального развития уголовного законодательства об ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации выступили резонансные общественные процессы в виде пандемии коронавирусной инфекции в 2020 г. и проведение Специальной военной операции с 2022 г. Следствием этих процессов выступили соответствующие уголовно-правовые предписания, несмотря на определенную казуистичность которых, они все же обладают потенциалом своего действия за рамками общественных процессов, обусловленных пандемией и Специальной военной операцией¹⁵.

¹⁵ См. также: Ильяшенко Е.А. Историко-правовой анализ развития отечественного уголовного законодательства об ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации // Институциональные основы уголовного права РФ: к 70-летию юбилею профессора В.П. Коняхина: Материалы Международной научно-практической конференции; г. Краснодар, 1-2 февраля 2024 г. / отв. ред. Коняхин В.П. и Прохорова М.Л. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2024. С. 454-458.

1.2. Основания и пределы криминализации преступлений, связанных с распространением заведомо ложной общественно значимой информации

Прогрессивно возрастающее значение информации в современном мире приводит к трансформации многих сфер жизнедеятельности общества. Не остается в стороне и соответствующее правовое регулирование. Причем в существующих условиях распространение информации оказывает все большее влияние не столько на межличностные взаимоотношения, сколько на общественное мнение и настроение, зачастую способно порождать панику и беспорядки.

В связи с этим законодательной реакцией на указанные угрозы общественной безопасности выступило установление норм об ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации. Эти процессы актуализировались в последние годы и получили разрешение в отечественном законодательстве в период пандемии коронавирусной инфекции¹⁶.

Однако, несмотря на прямую связь появления уголовно-правовых запретов распространения заведомо ложной общественно значимой информации с пандемией коронавирусной инфекции, законодатель избежал казуистичности соответствующих норм уголовного закона, не допустив непосредственных упоминаний пандемии. В итоге в УК РФ были использованы обобщающие понятия – общественно значимая информация (ст. 207² УК РФ), информация об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (ст. 207¹ УК РФ). Тем самым возникло новое направление уголовно-правовой охраны, которое связано не только с пандемией, но и со случаями распространения другой ложной информации, способной влиять на общественную безопасность.

¹⁶ Клюковская И.Н., Тер-Аванесова И.Н. Умышленное распространение заведомо ложной информации в СМИ и информационно-телекоммуникационных сетях новый вызов государственной безопасности в современном мире // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 2. С. 121-127.

При этом в примечании к ст. 207¹ УК РФ содержится нормативное определение обстоятельств, представляющих опасность для жизни или безопасности граждан. К числу таковых отнесены чрезвычайные ситуации, аварии, катастрофы, бедствия. Представляется, что перечень потенциальных явлений, которые могут быть отнесены к категории указанных обстоятельств, является не исчерпывающим. Причем он и не может быть исчерпывающим, поскольку невозможно определить полный спектр обстоятельств, которые могут угрожать безопасности человека.

В свою очередь законодательное определение общественно значимой информации отсутствует. Более того, на сегодняшний день отсутствуют и формальные критерии отнесения информации к категории общественно значимой¹⁷.

В юридической литературе в этих условиях предпринимаются попытки разработки определения понятия общественно значимой информации. Так, Н.Т. Блинкова и Р.В. Амелин формулируют следующее определение общественно значимой информации: «под социально значимой информацией можно понимать такие данные и сведения, которые обладают особой значимостью для общества и отражают состояние экономики государства, освещают важные события общественной жизни внутри страны и за рубежом, свидетельствуют о деятельности политических партий, лидеров общества и государства, общественных организаций и т.д.»¹⁸.

Не возражая в целом по существу предложенной трактовки, считаем необходимым подчеркнуть, что общественно значимая информация не может быть привязана к какой-нибудь одной или нескольким сферам жизнедеятельности общества, будь то экономика, экология, политика, промышленность или что-то иное.

¹⁷ Левандовская М.Г. Общественно значимая информация как предмет преступлений против общественной безопасности // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Материалы XVIII Международной научно-практической конференции. М., 2021. С. 177-181.

¹⁸ Блинкова Н.Т., Амелин Р.В. Конституционно-правовое обеспечение достоверности социально значимой информации // Молодой ученый. 2022. № 34 (429). С. 42-46.

Общественно значимая информация, в силу буквального толкования данного термина, подразумевает любую значимую для общества информацию, то есть сведения о событиях или фактах, которые касаются неопределенного круга лиц и способны оказывать влияние на их жизнедеятельность.

При таких обстоятельствах под категорию общественно значимой информации подпадает, в том числе, информация об обстоятельствах, представляющих угрозу для жизни и безопасности граждан. По пути признания информации об обстоятельствах, представляющих угрозу для жизни и безопасности граждан, в качестве общественно значимой идет и правоприменительная практика¹⁹. Совершенно очевидно, что понятие общественно значимой информации по своему содержанию шире понятия информации, угрожающей жизни и безопасности граждан (ст. 207¹ УК РФ)²⁰, и полностью его охватывает.

Кроме того, общественно значимой следует признать и информацию, выступающую предметом преступлений, смежных в структуре уголовного закона со ст. 207¹ и 207² УК РФ. В первую очередь, необходимо указать на информацию об использовании Вооруженных Сил РФ, о которой ведется речь в ст. 207³ УК РФ. Сведения такого рода также безусловно являются общественно значимыми, поскольку касаются чувствительных аспектов жизнедеятельности общества.

Также общественно значимой является и информация об акте терроризма в контексте ст. 207 УК РФ. Обычно считается, что юридическим значением обладает преимущественно публичное оперирование общественно значимой

¹⁹ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 5.

²⁰ Левандовская М.Г. Общественно значимая информация как предмет преступлений против общественной безопасности // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Материалы XVIII Международной научно-практической конференции. М., 2021. С. 177-181.

информацией²¹. Однако применительно к составу заведомо ложного сообщения об акте терроризма, где информация может передаваться единственному адресату, это не означает отсутствие признака публичности. Данные сведения могут оглашаться публично, но могут быть переданы только единичным субъектам, но в итоге такие сведения в любом случае становятся достоянием общественности, поскольку вызывают предусмотренную законом реакцию компетентных служб.

Таким образом, в действующем отечественном уголовном законодательстве сформирована группа норм, где предметом преступления выступает общественно значимая информация (ст. 207, 207¹, 207² и 207³ УК РФ).

В уголовно-правовой литературе отмечается, что распространение заведомо ложной общественно значимой информации способно причинить серьезный урон общественной безопасности, поскольку может спровоцировать панику, массовые беспорядки, применение насилия²².

На наш взгляд, данный аспект заслуживает особого внимания, поскольку под уголовно-правовой запрет поставлено распространение не любой общественно значимой информации. Совершенно очевидно, что общественно значимой может быть признана информация о широком спектре явлений и фактов, способных вызвать резонанс в обществе. Например, с определенной долей условности общественно значимой по своей сути может выступать информация культурного характера о деятельности известных деятелей искусства, артистов. Но главной особенностью такой информации, отличающей ее от сведений, образующих предмет анализируемых преступлений, является ее характер. В современном отечественном уголовном законодательстве наказуемыми признаны только

²¹ Пономаренко Е.В., Копшева К.О. Обоснованность криминализации деяний, связанных с распространением заведомо ложной общественно значимой информации // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 2. С. 199-204. См. также: Алиева М.Н. Кибертерроризм как внутригосударственная и международная проблема // Юридический вестник ДГУ. 2017. Т. 22. № 2. С. 61-65.

²² Левандовская М.Г. Общественно значимая информация как предмет преступлений против общественной безопасности // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Материалы XVIII Международной научно-практической конференции. М., 2021. С. 177-181.

случаи распространения заведомо ложной общественно значимой информации, представляющей угрозу общественной безопасности, то есть состоянию защищенности жизненно важных интересов личности, общества или государства.

Именно этим и объясняется включение уголовно-правовых норм, предусмотренных ст. 207, 207¹, 207² и 207³ УК РФ, в главу о преступлениях против общественной безопасности. Законодатель тем самым ограничил довольно объемное содержание формулировки «общественно значимая информация».

Таким образом, уголовно-правовым значением может обладать значимая для общества информация, то есть сведения о событиях или фактах, которые касаются неопределенного круга лиц, способны оказывать влияние на их жизнедеятельность и которые нарушают состояние защищенности жизненно важных общественных интересов.

По нашему мнению, нормативное закрепление определения общественно значимой информации вряд ли может быть признано уместным, поскольку представляет собой весьма объемные формулировки, не характерные для российского уголовного законодательства, во многом содержащие подразумевающиеся взаимосвязи с родовым и видовым объектами соответствующих преступлений. При этом допустимым видится включение необходимых рекомендаций в руководящие разъяснения высшей судебной инстанции.

В то же время под сомнение может быть поставлена обусловленность существующей формулировки обстоятельств, представляющих угрозу для жизни и безопасности граждан. Дело в том, что она не определяет данные обстоятельства, а лишь содержит их приблизительный перечень, при этом в отсутствие нормативного определения общественно значимой информации может создавать предпосылки для противоречивого толкования данных категорий.

В юридической литературе отмечается, что информация является наиболее ценным ресурсом в современном мире, которая позволяет оказывать непосредственное влияние на человека. При этом особую озабоченность

вызывают факты распространения информации, не соответствующей действительности. Активный рост объема распространения недостоверной информации (фейковых сведений), по мнению Всемирной организации здравоохранения, приобрел масштабы «инфодемии»²³.

Конечно же, дезинформация в различных ее проявлениях для человечества не является чем-то новым и необычным. Но проблема заключается в том, что именно в свете существующего уровня развития информационного общества распространение заведомо ложной информации приобрело качественно иное значение²⁴. Объясняется это не только молниеносным характером распространения информации, но и такими явлениями, выделяемыми современными психологами, как таргетирование информации, информационный пузырь и т.п. В результате чего дезинформация может быть представлена под видом достоверных и проверенных сведений.

Как пишет О.А. Снежко, «проблема обостряется еще и тем, что с развитием технологий искусственного интеллекта появляется возможность синтеза нужных изображений и их замена на желаемые образы. Поэтому рядовому пользователю становится гораздо сложнее выявить недостоверную информацию. Так, например, представляет опасность для граждан недостоверная информация, распространяемая с использованием сетевых ресурсов, о проведении различного рода розыгрышей призов, получении компенсационных выплат, проведении специальных акций и т.д.»²⁵.

Под влиянием современной фейковой информации могут оказываться значительные массы населения, порой различных социальных слоев и уровней. В последние годы неподтвержденная информация становилась причиной всплеска

²³ Совик Ю.И. Ограничение распространения недостоверной общественно значимой информации: опыт европейских государств // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 8. С. 72-80; ВОЗ объявила о «пандемии фейков» // Российская газета. 2020. 17 апреля.

²⁴ Агапов П.В., Закомолдин Р.В., Дулькина Л.В. Фейкинг как инструмент дискредитации армии и деструктивного воздействия на общество: уголовно-правовой аспект // Сибирский юридический вестник. 2024. № 2. С. 75-82.

²⁵ Снежко О.А. Обеспечение права на достоверную информацию в цифровом пространстве // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 6. С. 38-43.

спроса даже на товары массового потребления. Но это скорее безобидное проявление влияния распространения недостоверной информации, хотя оно и весьма иллюстративно.

По мнению А.В. Сигарева, общественно опасные деяния, связанные с распространением заведомо ложной общественно значимой информации, являются, по сути, разновидностью экстремизма, так как они имеют провокационный и даже агрессивный характер²⁶.

На наш взгляд, фейковая информация может отличаться диаметрально противоположным влиянием на происходящие в обществе процессы. Не любые ложные сведения, конечно же, носят агрессивный характер. Многие слухи являются безобидными. Но в то же время распространение другой информации может весьма стремительно дестабилизировать деятельность органов государственной власти, функционирование транспортной инфраструктуры, работы медицинских учреждений, правоохранительных органов и др.

Вывод о признании распространения заведомо ложной общественно значимой информации экстремизмом следует признать не вполне корректным. Ведь, в уголовно-правовом смысле экстремизм, все же, связан с нетерпимостью к представителям каких-либо социальных групп. Криминальное распространение фейковой информации, очевидно, может быть совершенно не связано с подобными проявлениями ксенофобии.

А.Б. Коновалова приравнивает, например, заведомо ложное сообщение об акте терроризма к информационному терроризму. В результате такого преступления, в том числе, происходит «разрушение общественной безопасности, дестабилизация общественно-политического устройства и парализация социально-полезной деятельности», а оказываемое виновным на социум

²⁶ Сигарев А.В. Законодательство о противодействии экстремизму: требуется не либерализация, а модернизация // Российская юстиция. 2021. № 1. С. 55-57.

информационно-коммуникативное воздействие обеспечивает долговременный резонанс террористической агрессии²⁷.

Распространение информации, являющейся «чувствительной» для общества, как например, о готовящемся акте терроризма или иных заведомо ложных сведений, способных вызвать резонанс, непременно подрывает состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства.²⁸ В условиях правдоподобности распространяемой информации такого рода в обществе вызывается паника и страх. В таком состоянии люди способны на необдуманные поступки, массовый характер которых может обладать вредоносным воздействием.

Следует отметить, что общественная опасность поведения, состоящего в распространении заведомо ложной социально значимой информации, наглядно проявляется в условиях пандемии коронавирусной инфекции Covid-19. Причем соответствующие проявления носят многоплановый характер. Одним из которых, в частности, служат факты распространения информации о вреде вакцинации. В итоге значительная доля населения оказывается во власти зачастую недостоверной информации о научно обоснованных способах профилактики опасных инфекционных заболеваний²⁹.

В.В. Сверчков обращает внимание, что «распространение указанной информации обладает общественной опасностью уголовно-правового уровня, поскольку, во-первых, поражает социальную среду; во-вторых, характеризуется умышленным дезинформационным воздействием на сознание неопределенного

²⁷ Коновалова А.Б. Террористический акт в форме угрозы и заведомо ложное сообщение об акте терроризма как проявления информационного терроризирования: Дис. ... канд. юрид. наук. Киров, 2008. С. 42.

²⁸ Азаренкова Е.А., Мордовец А.А., Старых С.М. Угрозы общественной безопасности, связанные с публичным распространением заведомо ложной информации // Современное общество и право. 2023. № 5(66). С. 98-105.

²⁹ Бешукова З.М., Трахов А.И. Распространение заведомо ложной информации как угроза устойчивому развитию // Приоритеты и перспективы устойчивого развития российских регионов: правовое измерение: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 30-летию юридического факультета АГУ, Майкоп, 27-28 октября 2023 года. Майкоп: Адыгейский государственный университет, 2023. С. 28-32.

круга физических лиц; в-третьих, нарушает законные интересы не только личности, но и общества, государства; в-четвертых, подрывает доверие населения к социальным и государственным институтам»³⁰.

На наш взгляд, утверждение о том, что общественная опасность распространения заведомо ложной социально значимой информации обладает уголовно-правовым уровнем, заслуживает безоговорочной поддержки. Такое мнение высказали 83 % респондентов, опрошенных в ходе проведенного нами исследования.

В современных условиях криминализация такого деяния является неизбежностью. Сегодня это очевидно своевременный шаг. Более того, имеются основания полагать, что уровень общественной опасности распространения недостоверной социально значимой информации обладает потенциалом для увеличения. Объясняется это тем, что различного рода манипуляции с информацией, социальные эксперименты с ее применением, находятся в стадии бурного развития. Широкий спектр использования случаев распространения заведомо ложной информации связан как с политической сферой, экономикой, так и банальным хулиганством и терроризированием населения.

Распространение заведомо ложной общественно значимой информации характеризуется способностью молниеносного подрыва общественной безопасности – состояние защищенности нарушается посредством быстрой, а порой практически мгновенной передачи информации, инициирующей страх и панику среди населения.

Одновременно данное криминальное поведение способно оказывать серьезное влияние на действия и бездействие неопределенного круга лиц. В этом ракурсе уместно отметить и потенциально возможное действие эффекта толпы, когда первые адресаты заведомо ложной информации не только распространяют ее дальше, но и, поддавшись влиянию, начинают склонять других лиц к варианту

³⁰ Сверчков В.В. Уголовная ответственность за диффамацию: идея модернизации российского законодательства // Российская юстиция. 2020. № 12. С. 41-43.

навязанного им поведения. И эти процессы могут иметь лавинообразный характер, когда число «пораженных» ложной информацией увеличивается в геометрической прогрессии.

Общественная опасность распространения заведомо ложной социально значимой информации определяется также разноуровневым характером адресатов соответствующего воздействия. В результате распространения фейковой информации вред причиняется не только населению, но и в целом обществу и государству.

Таким образом, необходимо сделать следующие основные выводы:

1) уголовно-правовым значением может обладать значимая для общества информация, то есть сведения о событиях или фактах, которые касаются неопределенного круга лиц, способны оказывать влияние на их жизнедеятельность и состояние защищенности жизненно важных общественных интересов;

2) информация является наиболее ценным ресурсом в современном мире, которая позволяет оказывать непосредственное влияние на человека. При этом особую озабоченность вызывают факты распространения информации, не соответствующей действительности. Активный рост объема распространения недостоверной информации (фейковых сведений), по мнению Всемирной организации здравоохранения, приобрел масштабы «инфодемии»;

3) дезинформация в различных ее проявлениях для человечества не является чем-то новым и необычным, но проблема заключается в том, что именно в свете существующего уровня развития информационного общества распространение заведомо ложной информации приобрело качественно иное значение. Объясняется это не только молниеносным характером распространения информации, но и такими явлениями, выделяемыми современными психологами, как таргетирование информации, информационный пузырь и т.п. В результате чего дезинформация может быть представлена под видом достоверных и проверенных сведений;

4) распространение информации, являющейся «чувствительной» для общества, как например, о готовящемся акте терроризма или иных заведомо ложных сведений, способных вызвать резонанс, непременно подрывает состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства. В условиях правдоподобности распространяемой информации такого рода в обществе вызывается паника и страх. В таком состоянии люди способны на необдуманные поступки, массовый характер которых может обладать вредоносным воздействием;

5) общественная опасность поведения, состоящего в распространении заведомо ложной социально значимой информации, наглядно проявилась в условиях пандемии коронавирусной инфекции Covid-19. Причем соответствующие проявления носили многоплановый характер. Одним из которых, в частности, служили факты распространения информации о вреде вакцинации. В итоге значительная доля населения оказывалась во власти зачастую недостоверной информации о научно обоснованных способах профилактики опасных инфекционных заболеваний;

6) распространение заведомо ложной общественно значимой информации характеризуется способностью молниеносного подрыва общественной безопасности – состояние защищенности нарушается посредством быстрой, а порой практически мгновенной передачи информации, инициирующей страх и панику среди населения;

7) данное криминальное поведение способно оказывать серьезное влияние на действия и бездействие неопределенного круга лиц. В этом ракурсе возможно действие эффекта толпы, когда первые адресаты заведомо ложной информации не только распространяют ее дальше, но и, поддавшись влиянию, начинают склонять других лиц к варианту навязанного им поведения. И эти процессы могут иметь лавинообразный характер, когда число «пораженных» ложной информацией увеличивается в геометрической прогрессии;

8) общественная опасность распространения заведомо ложной социально значимой информации определяется также разноуровневым характером адресатов соответствующего воздействия. В результате распространения фейковой информации фактический вред причиняется не только населению, но и в целом обществу и государству в виде дезорганизации деятельности различных учреждений, массовых волнений, причинении вреда здоровью людей³¹.

³¹ См. также: Ильяшенко Е.А. Общественная опасность распространения заведомо ложной социально значимой информации // Государство и право: проблемы и перспективы совершенствования: сборник научных трудов IV Международной научной конференции / Отв. ред. А.А. Горохов. Курск: Юго-Зап. гос. ун-т, 2021. С. 268-272; Ильяшенко Е.А. Общественно значимая информация как предмет преступлений против общественной безопасности // Российский следователь. 2024. № 6. С. 15-17.

1.3. Компаративное исследование зарубежного уголовного законодательства об ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации

Одним из актуальных направлений модернизации отечественного уголовного законодательства в современных условиях являются вопросы уголовно-правового противодействия распространению заведомо ложной общественно значимой информации. Традиционно под запретом находилось заведомо ложное сообщение об акте терроризма. Но сегодня круг криминализованных деяний в этой сфере уже значительно шире, поскольку уголовная ответственность теперь наступает за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (ст. 207¹ УК РФ), публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия (ст. 207² УК РФ), публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил РФ, исполнении государственными органами РФ своих полномочий (ст. 207³ УК РФ)³².

В этой связи возникает вопрос о наличии подобных тенденций в зарубежных странах, которые могут быть условно сгруппированы на государства ближнего и дальнего зарубежья.

В первую группу обычно включают страны, ранее образывавшие единое советское государство. Правовые системы этих стран, как правило, имеют множество схожих характеристик с отечественной правовой системой.

Итак, в первую очередь необходимо отметить, что наличие уголовно-правового запрета заведомо ложного сообщения об акте терроризма является

³² Иванов Н.Г. Общественная опасность деяния // Уголовное судопроизводство. 2024. № 2. С. 35-40.

прочно устоявшейся нормой³³. Так, ответственность за данное деяние в УК Кыргызской Республики установлена ст. 259. Эта норма имеет простой описательный характер, деяние описано следующим образом: «заведомо ложное сообщение о готовящемся взрыве, поджоге или иных действиях, создающих опасность гибели людей либо наступления тяжкого вреда»³⁴.

Аналог отечественной нормы об ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма в УК Республики Беларусь именуется «Заведомо ложное сообщение об опасности». Ответственность согласно ч. 1 ст. 340 данного закона наступает за «заведомо ложное сообщение о готовящемся взрыве, поджоге или иных действиях, создающих опасность для жизни и здоровья людей, либо причинения ущерба в крупном размере, либо наступления иных тяжких последствий»³⁵. В качестве квалифицированного вида состава заведомо ложного сообщения об опасности предусмотрено его совершение «повторно, либо группой лиц по предварительному сговору, либо повлекшее причинение ущерба в крупном размере, либо повлекшее иные тяжкие последствия»³⁶.

Подобные нормы предусмотрены в большинстве уголовных кодексов государств ближнего зарубежья: ст. 180 УК Республики Таджикистан³⁷, ст. 216 УК Азербайджанской Республики³⁸, ст. 281 УК Республики Молдова³⁹, ст. 299 УК Туркменистана⁴⁰.

³³ Коновалова А.Б. К вопросу о научной полемике в отношении правовой природы заведомо ложного сообщения об акте терроризма // Российский следователь. 2005. № 10. С. 23-25.

³⁴ Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 127 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 02.12.2024) / Информационная система «ПАРАГРАФ» / URL: <https://online.zakon.kz/> (дата обращения 09.12.2024).

³⁵ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 12.07.2024) / Информационная система «ПАРАГРАФ» / URL: <https://online.zakon.kz/> (дата обращения 13.11.2024).

³⁶ Там же.

³⁷ Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.06.2024) / Информационная система «ПАРАГРАФ» / URL: <http://online.zakon.kz/> (дата обращения 11.11.2024).

³⁸ Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. № 787-IQ (с изменениями и дополнениями по состоянию на 23.02.2024) / Информационная система «ПАРАГРАФ» / URL: <http://online.zakon.kz/> (дата обращения 05.12.2024).

Весьма интересное предписание закреплено в УК Республики Узбекистан в ст. 244.6 «Распространение ложной информации». В ч. 1 данной статьи регламентирована ответственность за «распространение ложной информации, в том числе в средствах массовой информации, сетях телекоммуникаций или всемирной информационной сети Интернет, приводящее к унижению достоинства личности или дискредитации личности, совершенное после применения административного взыскания за такие же действия»⁴¹.

В ч. 2 этой же статьи под запрет поставлено «распространение ложной информации, в том числе в средствах массовой информации, в сетях телекоммуникаций, всемирной информационной сети Интернет, содержащей угрозу общественному порядку или безопасности, при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 244.1 настоящего Кодекса, совершенное после применения административного взыскания за такие же действия»⁴².

Распространение заведомо ложной общественно значимой информации имеет некоторые общие черты с клеветой, поскольку в обоих случаях подразумевается передача другим лицам недостоверных сведений. Именно поэтому узбекский законодатель объединил в рамках одной статьи предписания об ответственности за распространение ложной информации о конкретной личности, а также о таком распространении, которое создает угрозу общественной безопасности и общественному порядку.

Представляется, что такой подход выражает весьма рациональное решение, включающее идеи систематизации и упорядочивания родственных уголовно-правовых запретов.

³⁹ Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 г. № 985-XV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 06.06.2024) / Информационная система «ПАРАГРАФ» / URL: <http://online.zakon.kz/> (дата обращения 07.12.2024).

⁴⁰ Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июня 1997 г. № 222-I (с изменениями и дополнениями по состоянию на 25.11.2023) / Информационная система «ПАРАГРАФ» / URL: <http://online.zakon.kz/> (дата обращения 05.11.2024).

⁴¹ Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2012-XII (с изменениями и дополнениями по состоянию на 21.11.2024) / Информационная система «ПАРАГРАФ» / URL: <https://online.zakon.kz/> (дата обращения 09.12.2024).

⁴² Там же.

В качестве квалифицирующих признаков в ст. 244.6 УК Республики Узбекистан предусмотрено совершение деяния: «а) повторно или опасным рецидивистом; б) с причинением крупного ущерба». Особо квалифицирующими признаками признаны случаи совершения таких общественно опасных деяний: «а) во время массовых мероприятий или в случае возникновения чрезвычайной ситуации; б) с причинением особо крупного ущерба или повлекшие другие тяжкие последствия; в) организованной группой или в ее интересах»⁴³.

Следует отметить, что такая совокупность обстоятельств, отягчающих ответственность, проявляет определенные недостатки законодательного подхода, объединяющего запрет на распространение информации о личности и информации, угрожающей общественной безопасности и общественному порядку. В частности, очевидно, что отдельные квалифицирующие признаки относимы лишь к одному из деяний, предусмотренных ст. 244.6 УК Республики Узбекистан. Например, вряд ли будет влиять на степень ответственности за клевету тот факт, что виновный совершил деяние во время массовых мероприятий.

В рамках самостоятельной нормы уголовного закона Республики Узбекистан предусмотрена ответственность за «распространение не соответствующих действительности сведений о распространении карантинных и других опасных для человека инфекций» (ст. 244.5). При этом распространение данных сведений «в печатном или иным способом размноженном тексте либо в средствах массовой информации, а также всемирной информационной сети Интернет» влечет повышенную ответственность⁴⁴.

Как видно, изложенная норма представляет собой частный случай распространения информации, представляющей угрозу общественной

⁴³ Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2012-ХП (с изменениями и дополнениями по состоянию на 21.11.2024) / Информационная система «ПАРАГРАФ» / URL: <https://online.zakon.kz/> (дата обращения 09.12.2024).

⁴⁴ Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2012-ХП (с изменениями и дополнениями по состоянию на 21.11.2024) / Информационная система «ПАРАГРАФ» / URL: <https://online.zakon.kz/> (дата обращения 09.12.2024).

безопасности и общественному порядку (ст. 244.6 УК Республики Узбекистан). Появление такой нормы, как представляется, обусловлено современными явлениями в виде пандемии, в ходе которых муссируются различные слухи, догадки и предположения, нередко порождающие панические настроения в обществе.

В белорусском уголовном законодательстве под запрет поставлена дискредитация Республики Беларусь, под которой понимается «распространение заведомо ложных сведений о политическом, экономическом, социальном, военном или международном положении Республики Беларусь, правовом положении граждан в Республике Беларусь, деятельности государственных органов, дискредитирующих Республику Беларусь, совершенное в публичном выступлении, либо в печатном или публично демонстрирующемся произведении, либо в средствах массовой информации, либо в информации, размещенной в глобальной компьютерной сети Интернет, направленное на причинение существенного вреда государственным или общественным интересам»⁴⁵ (ст. 369.1).

В сопоставлении с отечественными предписаниями об ответственности за распространение ложной общественно значимой информации, предусмотренными ст. 207¹ и 207² УК РФ, соответствующее белорусское предписание является более объемным по своему содержанию. Во-первых, в нем речь ведется не только об обстоятельствах, создающих угрозу жизни или здоровью граждан, и во-вторых, для наступления уголовной ответственности не требуется фактического наступления каких-либо последствий, как это необходимо для квалификации по ст. 207² УК РФ.

В то же время данный объемный запрет по УК Республики Беларусь охватывает и действия в виде публичного распространения заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил, исполнении государственными

⁴⁵ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 12.07.2024) / Информационная система «ПАРАГРАФ» / URL: <https://online.zakon.kz/> (дата обращения 13.11.2024).

органами своих полномочий (аналог ст. 207³ УК РФ)⁴⁶. На наш взгляд, соответствующие действия подпадают под формулировку о дискредитации деятельности государственных органов. В российском УК лишь уточняется, что речь ведется об использовании Вооруженных сил РФ в целях защиты интересов РФ и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности.

Примечательно, что в УК Республики Беларусь установлена ответственность за распространение ложной информации о товарах и услугах. В соответствии с ч. 1 ст. 250 УК Республики Беларусь наказывается «распространение заведомо ложной информации либо применение рекламы, вводящих в заблуждение потребителей относительно качества, количества, состава, способа изготовления и иных характеристик продукции (товаров, работ, услуг)». В качестве квалифицированного вида данного преступления закреплено его совершение «в отношении продукции (товаров, работ, услуг), могущей причинить вред здоровью потребителей»⁴⁷.

С одной стороны, данный уголовно-правовой запрет имеет сходство с ранее действовавшим отечественным предписанием об уголовной ответственности за незаконную рекламу. Но, с другой стороны, в ст. 250 УК Республики Беларусь прямо указывается, что ответственность по этой норме наступает не только в случае распространения ложной рекламы, но и в ситуациях распространения иной ложной информации относительно какой-либо продукции или услугах. То есть, помимо собственно рекламы, преподносящей положительные характеристики продукции, данной нормой предусматриваются и деяния, состоящие в дискредитации соответствующих предметов.

В этих условиях уголовно-правовая норма, регламентированная ст. 250 УК Республики Беларусь, может быть охарактеризована как комплексное предписание об ответственности за распространение как ложной рекламы товаров

⁴⁶ Шипунова М.Н. О квалификации распространения недостоверных сведений о Вооруженных силах Российской Федерации // Российский следователь. 2024. № 3. С. 41-45.

⁴⁷ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 12.07.2024) / Информационная система «ПАРАГРАФ» / URL: <https://online.zakon.kz/> (дата обращения 13.11.2024).

и продукции, так и их антирекламы, то есть распространение ложных дискредитирующих сведений о каких-либо товарах, продукции или услугах.

Имеются основания утверждать, что оба указанных деяния могут быть идентифицированы как распространение ложной общественно значимой информации и при определенных обстоятельствах даже образовывать признаки преступлений, предусмотренных ст. 207¹ или 207² УК РФ.

На основании обзора уголовного законодательства государств ближнего зарубежья можно заключить, что общепринятым является уголовно-правовой запрет на заведомо ложное сообщение об акте терроризма. Что касается распространения иной ложной общественно значимой информации, то подобные деяния криминализованы в единичных случаях. Такие уголовно-правовые запреты предусмотрены в УК Республики Беларусь и УК Республики Узбекистан и они в объеме уголовно-наказуемых деяний отчасти превосходят соответствующие российские аналоги.

В странах дальнего зарубежья уголовно-правовые запреты распространения заведомо ложной общественно значимой информации встречаются довольно часто. Встречаются как аналоги соответствующих российских уголовно-правовых норм, так и положения, имеющие смежный характер, отчасти перекликающийся с проблематикой исследуемых нами уголовно-правовых предписаний.

Так, по ст. 15 УК Швеции наступает уголовная ответственность лица, «которое путем распространения ложного утверждения о том, что существует опасность для жизни или здоровья одного или более лиц, или опасность значительного уничтожения имущества, вызывает ненужные меры безопасности»⁴⁸.

Представляется, что в общем виде данная уголовно-правовая норма может быть отождествлена с российскими уголовно-правовыми предписаниями об

⁴⁸ Уголовный кодекс Королевства Швеция / Официальный сайт БДИПЧ ОБСЕ // URL: <https://legislationline.org/Sweden> (дата обращения 20.01.2025).

ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации.

В Законе об уголовном праве Израиля регламентируется ответственность за пораженческую агитацию (ст. 103). В данной норме ответственность установлена для того, «кто с намерением причинить панику в обществе распространил во время военных действий сведения, которые могут подорвать моральный настрой военнослужащих и жителей Израиля в их противостоянии врагу»⁴⁹.

Как видно, в изложенном уголовно-правовом предписании имеется три узловых аспекта в разрезе проводимого нами исследования.

Во-первых, работа этой нормы ограничивается периодом военных действий.

Во-вторых, законодатель связывает возникновение уголовной ответственности с появлением паники в обществе. Представляется, что преступления, выражающиеся в распространении заведомо ложной общественно значимой информации, по УК РФ также обладают способностью сеять панику в обществе. Более того, можно предположить, что именно в целях недопущения панических настроений и были криминализованы соответствующие деяния. Рассматриваемый признак «причинение паники» весьма удачно отражает социально-правовую сущность такого преступления. В то же время недостатком данной конструкции является проблемность доказывания намерения причинения паники.

В-третьих, израильский законодатель не обусловливает уголовную ответственность по ст. 103 Закона об уголовном праве Израиля фактом ложности информации. Исходя из буквального толкования анализируемой уголовно-правовой нормы, ответственность по ней наступает независимо от того, ложная информация распространялась или истинная. По нашему мнению, это весьма важное правовое обстоятельство и оно подчеркивает относительную либеральность российского уголовного права. Даже существующие

⁴⁹ Закон об уголовном праве Израиля / Предисл., пер. с иврита: магистр права М. Дорфман; науч. ред. к.ю.н. Н.И. Мацнев. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005.

отечественные предписания об ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации подвергаются критике, поскольку правозащитниками ставится под сомнение их соответствие конституционным гарантиям о свободе слова. Думается, что криминализация распространения информации, способной посеять панику, независимо от ее истинности, затрагивает свободу слова – по крайней мере в части ответственности за распространение правдивой информации.

Еще более схожа с отечественными уголовно-правовыми нормами об ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации ст. 159 Закона об уголовном праве Израиля. В ней регламентирована ответственность для того, «кто распространяет либо размножает высказывания, слухи либо сведения, которые могут возбудить страх и панику в обществе либо нарушить общественное спокойствие и он сознаёт, либо у него есть основание полагать, что они являются ложными»⁵⁰.

Данный уголовно-правовой запрет подобен рассмотренному выше, но его главными отличиями являются факт указания на ложность распространяемой информации и применение нормы независимо от происходящих военных действий.

Причем не обязательна уверенность виновного в ложности распространяемой информации, достаточно его допущения о том, что информация может быть ложной.

Следует отметить, что ответственность за распространение общественно значимой информации безотносительно ее ложности предусмотрена при определенных условиях и в уголовном законодательстве отдельных европейских государств. Так, по УК Дании криминальными являются:

«публичные заявления, имеющие целью спровоцировать деяния или разрушения» (§266a);

⁵⁰ Закон об уголовном праве Израиля / Предисл., пер. с иврита: магистр права М. Дорфман; науч. ред. к.ю.н. Н.И. Мацнев. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005.

деяние лица, «которое публично или с намерением широкого распространения делает заявление или сообщает иную информацию, в результате которой запугивается группа людей, оскорбляется или унижается на основании расы, цвета кожи, национального или этнического происхождения или сексуальной ориентации»⁵¹.

Данные уголовно-правовые запреты ориентированы на недопущение распространения паники среди населения, обеспечение общественного спокойствия. И, опять же, законодатель не закрепляет в качестве условия возникновения ответственности факт ложности распространяемой информации, что демонстрирует весьма широкое содержание такого предписания.

По УК ФРГ наказуемым признается нарушение общественного спокойствия путем угрозы совершения преступных деяний (§ 126)⁵². Считаем возможным найти схожей эту нормы с российским уголовно-правовым предписанием об ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма. Примечательно, что германский законодатель не ограничивается угрозой совершения террористического акта, что характерно для ст. 207 УК РФ. В анализируемой норме предложен весьма широкий перечень преступлений, угроза совершения которых образует состав данного преступления. В него входят убийство, причинение вреда здоровью, массовые беспорядки, разбой и иные общеопасные преступления.

Угроза совершения различных общеопасных преступлений образует самостоятельное запрещенное деяние по УК Республики Болгария (ст. 320а)⁵³. Это своего рода аналог российской ст. 207 УК РФ, но в расширенном виде,

⁵¹ Уголовный кодекс Дании / Научное редактирование и предисловие С.С. Беляева, к.ю.н. (МГУ им. М.В. Ломоносова). Перевод с датского и английского к.ю.н. С.С. Беляева, А.Н. Рычевой. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001.

⁵² Головненков П.В. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия: Strafgesetzbuch (StGB): научно-практический комментарий и перевод текста закона. 2021. С. 232.

⁵³ Уголовный кодекс Республики Болгария / Официальный сайт БДИПЧ ОБСЕ // URL: <https://legislationline.org/Bulgaria> (дата обращения 25.01.2025).

поскольку представляет собой выражение угрозы совершения не только деяний, обладающих признаками террористического акта, но и иных преступлений.

Во многих странах отсутствуют предписания об уголовной ответственности за распространение заведомо ложной общественной значимой информации (УК Королевства Нидерландов⁵⁴, УК Республики Польша⁵⁵, УК КНР⁵⁶, УК Кореи⁵⁷, УК Японии⁵⁸).

На основании изложенного представляется целесообразным сделать следующие основные выводы:

1) наличие уголовно-правового запрета заведомо ложного сообщения об акте терроризма является прочно устоявшейся нормой для законодательства преобладающего большинства государств ближнего зарубежья (УК Республики Таджикистан, УК Азербайджанской Республики, УК Республики Молдова, УК Туркменистана);

2) оригинальное предписание закреплено в УК Республики Узбекистан в ст. 244.6 «Распространение ложной информации», в котором ответственность предусмотрена за распространение ложной информации, в том числе в средствах массовой информации, сетях телекоммуникаций или всемирной информационной сети Интернет. В данном случае можно усмотреть признаки общей нормы об ответственности за публичное распространение информации;

3) в рамках самостоятельной нормы уголовного закона Республики Узбекистан предусмотрена ответственность за распространение не соответствующих действительности сведений о распространении карантинных и

⁵⁴ Уголовный кодекс Королевства Нидерландов / Официальный сайт БДИПЧ ОБСЕ // URL: <https://legislationline.org/Netherlands> (дата обращения 08.01.2025).

⁵⁵ Уголовный кодекс Республики Польша / Официальный сайт БДИПЧ ОБСЕ // URL: <https://legislationline.org/Poland> (дата обращения 22.01.2025).

⁵⁶ Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / Официальный сайт Посольства Китайской Народной Республики в Российской Федерации // URL: <http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zfhz/zgflyd/> (дата обращения 15.01.2025).

⁵⁷ Уголовный кодекс Республики Корея / Науч. редактирование и предисловие докт. юрид. наук, проф. А.И. Коробеева. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003.

⁵⁸ Уголовный кодекс Японии / Науч. ред. и предисловие д.ю.н., проф. А.И. Коробеева. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002.

других опасных для человека инфекций (ст. 244.5). Такое преступление, по своей сути, представляет собой частный случай распространения заведомо ложной общественно значимой информации, обусловленный ситуациям эпидемий и пандемий;

4) в белорусском уголовном законодательстве под запрет поставлена дискредитация Республики Беларусь, под которой понимается распространение заведомо ложных сведений о политическом, экономическом, социальном, военном или международном положении Республики Беларусь, правовом положении граждан в Республике Беларусь, деятельности государственных органов, дискредитирующих Республику Беларусь (ст. 369.1). В сравнении с отечественным предписанием об ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации, данный уголовно-правовой запрет в большей степени политизирован. Кроме того, соответствующее белорусское предписание является более объемным по своему содержанию. Во-первых, в нем речь ведется не только об обстоятельствах, создающих угрозу жизни или здоровью граждан, и во-вторых, для наступления уголовной ответственности не требуется фактического наступления каких-либо последствий, как это необходимо для квалификации по ст. 207² УК РФ;

5) в уголовном законодательстве государств дальнего зарубежья предписания об ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации являются весьма распространенными. Так, в ст. 15 УК Швеции содержится, практически, аналог исследуемых российских уголовно-правовых норм;

6) в Законе об уголовном праве Израиля регламентируется ответственность за пораженческую агитацию (ст. 103). В данной норме ответственность установлена для того, «кто с намерением причинить панику в обществе распространил во время военных действий сведения, которые могут подорвать моральный настрой военнослужащих и жителей Израиля в их противостоянии врагу». В данном уголовно-правовом предписании имеется три узловых аспекта в

разрезе проводимого нами исследования. Во-первых, работа этой нормы ограничивается периодом военных действий. Во-вторых, законодатель связывает возникновение уголовной ответственности с появлением паники в обществе. В-третьих, израильский законодатель не обуславливает уголовную ответственность по ст. 103 Закона об уголовном праве Израиля фактом ложности информации;

7) уголовно-правовые запреты ряда европейских стран ориентированы на недопущение распространения паники среди населения, обеспечение общественного спокойствия. При этом законодатель, зачастую, не закрепляет в качестве условия возникновения ответственности факт ложности распространяемой информации, что демонстрирует весьма широкое содержание такого предписания (§ 266а УК Дании);

8) результаты компаративного исследования, с одной стороны, подтверждают обоснованность криминализации распространения заведомо ложной общественно значимой информации, а с другой стороны, свидетельствуют о необходимости установления в российском уголовном законодательстве унифицированной нормы об ответственности за совершение данных преступлений⁵⁹.

⁵⁹ См. также: Ильяшенко Е.А. Уголовная ответственность за распространение заведомо ложной общественно значимой информации по законодательству стран ближнего зарубежья // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2025. Т. 16. № 1. С. 83-87.

ГЛАВА 2. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЙ ОБЩЕСТВЕННО ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ

2.1. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма

В последние десятилетия в устойчивый оборот обыденной речи вошла фраза «телефонный терроризм». В юридической плоскости указанное явление приобретает форму заведомо ложного сообщения об акте терроризма (далее по тексту – телефонный терроризм). Несмотря на предпринимаемые государством попытки повышения эффективности противодействия данным преступлениям, осуществляемые как на законодательном, так и на правоприменительном уровне, количество фактов совершения данного преступления имеет неуклонную тенденцию к росту. При этом телефонный терроризм представляет весьма серьезную проблему для функционирования государства и его органов, а также для жизнедеятельности общества⁶⁰.

Особую актуальность проблема телефонного терроризма приобрела в свете современной геополитической ситуации и проведения специальной военной операции, так как рост количества фактов телефонного терроризма приобрел шквальный характер⁶¹. И это еще более актуализирует необходимость незамедлительной оптимизации уголовно-правового противодействия данным общественно опасным деяниям.

Следует отметить, что уголовно-правовые нормы об ответственности за телефонный терроризм неоднократно подвергались корректировке, что

⁶⁰ Жерновой М.В. Законодательное обеспечение борьбы с «телефонным терроризмом» в России // Российская юстиция. 2018. № 6. С. 53-54.

⁶¹ Кадников Н.Г. Современная опасность террористических угроз // Защити меня. 2024. № 2. С. 33-36.

предопределялось в том числе признанием недостаточной эффективности противодействия такому преступлению.

Очередные изменения законодательства в этой части были произведены в 2017 г., и они оказались весьма масштабными. Традиционно телефонный терроризм ассоциировался с хулиганскими выходками. Теперь же в рамках ст. 207 УК РФ криминализованы две разновидности данного преступления: телефонный терроризм из хулиганских побуждений и аналогичное деяние, совершенное в целях дестабилизации деятельности органов власти.

Социально-правовая природа этих двух видов телефонного терроризма имеет существенные отличия. Совершение такого деяния из хулиганских побуждений очевидно создает угрозу преимущественно общественному порядку. Подобные деяния совершаются студентами и школьниками, лицами, находящимися в состоянии опьянения и т.п. Другое дело – телефонный терроризм, который в современных условиях совершается зачастую в интересах представителей зарубежных стран и ориентирован на дестабилизацию деятельности органов государственной власти. Подобные деяния характеризуются большей степенью общественной опасности.

Заведомо ложное сообщение об акте терроризма как преступление, закрепленное в главе 24 УК РФ «Преступления против общественной безопасности», является весьма уникальным с позиции его места в российском уголовном законе. Вполне очевидно, что содержание соответствующего уголовно-правового запрета является отличным от многих других смежных предписаний, в том числе в разрезе родовой и видовой принадлежности. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма, как это следует из самого наименования преступления, подразумевает его взаимосвязь не с реальной террористической деятельностью, а с вымышленными событиями, обладающими признаками преступлений террористической направленности⁶².

⁶² Борисов С.В. Особенности и тенденции современного терроризма // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2024. № 2. С. 10-14.

Статья 207 УК РФ размещена в ряду преступлений террористической направленности, но предусмотренное ею преступление таковым не является⁶³, как и не относится оно к террористической деятельности. Представляется, что данные обстоятельства позволяют выдвинуть гипотезу о потенциально иной характеристике родового и видового объекта данного преступления, по сравнению со смежными (в структуре УК РФ) общественно опасными деяниями.

Зачастую деяние, запрещенное ст. 207 УК РФ, относят к категории преступлений против общей безопасности, наряду с другими преступлениями террористической направленности⁶⁴. Другие авторы называют данную группу преступлений посягательствами на основы общественной безопасности⁶⁵. Самой распространенной точкой зрения на понимание непосредственного объекта состава заведомо ложного сообщения об акте терроризма является признание таковым общественной безопасности. В теории уголовного права отмечается, что вследствие совершения этого преступления «нарушается нормальная деятельность учреждений, органов, организаций, отвлекаются значительные силы и средства правоохранительных органов, причиняется вред интересам конкретных граждан»⁶⁶.

На наш взгляд, вывод о родовой принадлежности состава заведомо ложного сообщения об акте терроризма к числу преступлений против общественной безопасности и общественного порядка делается, как правило, в результате констатации месторасположения рассматриваемой нормы уголовного закона, не подвергая данный вопрос тщательному анализу и перепроверке. Между тем,

⁶³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4. (ред. от 03.11.2016).

⁶⁴ Маршакова Н.Н. Преступления террористической направленности в системе уголовного законодательства: теоретическое исследование // Российский следователь. 2015. № 24. С. 34-39.

⁶⁵ Боков А.В. Преступления против общественной безопасности // Уголовное право России. Практический курс: учебно-практическое пособие / под общ. ред. Р.А. Адельханяна; под науч. ред. А.В. Наумова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 471.

⁶⁶ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, Г.Д. Долженкова, Э.Н. Жевлаков и др.; под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд. Т. 2. М.: Проспект, 2015.

актуальной задачей науки уголовного права является своевременная ревизия законодательных положений на предмет их соответствия исходным правилам построения уголовно-правовых предписаний, порядка их нормативного закрепления и изложения.

Принято считать, что под общественной безопасностью понимается состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства. Совершенно очевидно, что указанное состояние подвергается серьезному нарушению вследствие террористической деятельности. Однако обоснованные сомнения возникают в части возможности такого же вывода в случаях заведомо ложного сообщения об акте терроризма. Ведь в действительности обозначенное состояние защищенности не подвергается какому-либо негативному воздействию. И даже ошибочное восприятие соответствующего ложного заявления об акте терроризма неопределенным кругом лиц не позволяет констатировать нарушение общественной безопасности в классическом ее понимании, которая фактически остается неизменной.

Вместе с тем объектом преступления традиционно считаются не только такие общественные отношения, которым преступлением причиняется вред, но и отношения, поставленные под угрозу вреда. По нашему мнению, заведомо ложное сообщение об акте терроризма не создает и угрозы нарушения общественной безопасности. Думается, что можно провести аналогию с преступлениями против здоровья: какие-либо магические обряды, заговоры не в силах причинить вред здоровью и не создают угрозу такого вреда. Так и с ложными заявлениями о террористических актах – они действительной угрозы общественной безопасности не создают.

Следует отметить, что в уголовно-правовой литературе предпринимаются попытки пересмотра подходов к определению видового объекта преступлений против общественной безопасности. Например, Р.В. Закомолдин полагает, что

данные деяния посягают на общественное спокойствие⁶⁷. Конечно же, понятие общественной безопасности нередко вызывает нарекания, прежде всего, в части отсутствия четких формальных границ, позволяющих отграничить общественную безопасность от смежных правовых категорий. Оно безусловно неидеально, но лучшей альтернативы найти ему непросто. С уверенностью можно утверждать, что замена общественной безопасности термином «общественное спокойствие» еще менее оправданно. Преступление, запрещенное ст. 207 УК РФ, общественное спокойствие очевидно нарушает, но это не повод поддержать такую идею. Общественное спокойствие не только чрезвычайно широкое, но и весьма аморфное понятие. Кроме того, например, обозначить таким образом объект террористического акта будет в корне неверным. Представляется, что суть и других преступлений террористической направленности находится далеко за пределами общественного спокойствия. И здесь уместнее говорить все же об общественной безопасности.

В то же время в уголовно-правовой науке объектом состава заведомо ложного сообщения об акте терроризма обозначают не только общественную безопасность. По мнению ряда авторов непосредственным объектом рассматриваемого «преступления является общественный порядок, т.е. система общественных отношений, обеспечивающая обстановку спокойствия, защищенности личности в сфере труда, быта и отдыха»⁶⁸. Причем некоторые авторы настаивают на том, что объектом состава преступления, предусмотренного ст. 207 УК РФ, является именно общественный порядок, а никак не общественная безопасность. Объясняют это иной мотивацией, чаще

⁶⁷ Закомолдин Р.В. Преступные нарушения специальных правил и требований безопасности: монография. Тольятти: Филиал РГСУ в г. Тольятти, 2013.

⁶⁸ Есаков Г.А., Рарог А.И., Чучаев А.И. Настольная книга судьи по уголовным делам / отв. ред. А.И. Рарог. М.: Велби, Проспект, 2007; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / В.П. Верин, О.К. Зателепин, С.М. Зубарев и др.; отв. ред. В.И. Радченко, науч. ред. А.С. Михлин, В.А. Казакова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2008.

всего хулиганскими побуждениями, а также неиспользованием оружия и взрывных устройств⁶⁹.

Имеются основания полагать, что общественный порядок зачастую нарушается в результате совершения преступления, регламентированного ст. 207 УК РФ. И в этом ракурсе уместно упомянуть и общественное спокойствие, и упорядоченное функционирование государственных органов, различных организаций и учреждений. В случае совершения анализируемого преступления из хулиганских побуждений вопросы нарушения общественного порядка выдвигаются на первый план. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма в этой ситуации предполагает выражение волеизъявления виновного нарушить общественные устои и уклады, противопоставить себя окружающим, не принимая во внимание возможные последствия от подобного поступка.

И, кстати сказать, отсутствие подобной мотивации может служить основанием для вывода об отсутствии состава преступления, установленного ст. 207 УК РФ. В юридической литературе приводится следующий пример: «В январе 2018 г. в г. Воронеже мужчина пришел в ночной клуб, где при входе находилась частная охрана, которая не пустила его в помещение заведения, аргументируя тем, что он не прошел фейсконтроль. Посетитель обратился к администратору за разъяснениями и получил ответ, что клуб с рестораном – это частное заведение и они сами решают, кого пускать, а кого нет, без объяснения причин. Обидевшись на это, мужчина позвонил в правоохранительные органы и сообщил, что клуб заминирован. Для устранения данного правонарушения были привлечены сотрудники правоохранительных органов, федеральной службы безопасности, саперы, заведение было вынуждено приостановить работу, эвакуировать перепуганных посетителей, однако виновник всего этого остался безнаказанным. По данному факту была проведена проверка, в результате которой было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в деянии состава

⁶⁹ Тришева А. Преступление террористического характера // Законность. 2008. № 8. С. 28.

преступления, так как в деянии вышеуказанного гражданина не усматривалось хулиганских побуждений, его поведение характеризовалось личным неприязненным отношением к администрации данного заведения»⁷⁰.

На наш взгляд, в данном случае действительно можно усмотреть конфликт между двумя сторонами – клубом и его посетителем. Общественные интересы в этой ситуации если и нарушены, то крайне незначительно⁷¹.

Однако в действующем законодательстве хулиганские побуждения закреплены в качестве составообразующего признака заведомо ложного сообщения об акте терроризма, предусмотренного ч. 1 и 2 ст. 207 УК РФ. Для деяния, запрещенного ч. 3 ст. 207 УК РФ, установление хулиганских побуждений не требуется (данное преступление подразумевает наличие цели дестабилизации деятельности органов власти). В свою очередь преступление, регламентированное ч. 4 ст. 207 УК РФ, может быть совершено как из хулиганских побуждений, так и в целях дестабилизации деятельности органов власти.

В то же время наличие цели дестабилизации деятельности органов власти вряд ли может безоговорочно свидетельствовать о нарушении общественной безопасности. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма в современных условиях едва ли способно дестабилизировать деятельность органов власти. Ведь в последние годы общество и государство уже в целом относительно спокойно воспринимают факты заведомо ложного сообщения об акте терроризма. Конечно же, наличие указанной цели в совершенном лицом деянии отнюдь не требует фактической дестабилизации деятельности органов государственной власти. В этих условиях в результате совершения исследуемого преступления также не будут усматриваться признаки нарушения общественной безопасности. Все это в большей мере свидетельствует о посягательстве на общественный порядок, на сложившиеся в обществе уклады повседневной жизнедеятельности.

⁷⁰ Густова Э.В. Новеллы уголовного законодательства: проблемы конструирования и применения // Журнал российского права. 2018. № 11. С. 129-137.

⁷¹ Догузова О.Р. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма: дифференциация уголовной ответственности и особенности квалификации: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. С. 17.

Весьма интересный аспект затрагивается П.Э. Жигецким и Н.А. Чесноковым, которые обращают внимание на то, что норма об ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма представляет собой инструмент защиты от информации⁷².

По нашему мнению, изложенный момент является узловым в плоскости определения объекта состава преступления, регламентированного ст. 207 УК РФ. Вследствие заведомо ложного сообщения об акте терроризма в первую очередь страдает состояние информационной защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Иными словами, рассматриваемое деяние посягает на информационную безопасность неопределенного круга лиц, то есть на общественную информационную безопасность. Данное утверждение одобрено 73 % респондентов, опрошенных в ходе проведенного нами исследования.

Полагаем, что такое общественное благо в современных реалиях условно можно признать компонентом общественной безопасности.

Следует заметить, что указанный компонент общественной безопасности актуализируется именно в свете гиперинтенсивного развития современного информационного общества. При этом он отчетливо обособляется и обладает собственными уникальными характеристиками.

В уголовно-правовой науке обращается внимание на схожесть составов заведомо ложного сообщения об акте терроризма и заведомо ложного доноса. Объединяет их ложная информация, которая передается компетентным государственным органам. Как пишет В.В. Макаров, ст. 207 УК РФ выступает специальной нормой по отношению к ст. 306 УК РФ, «так как заведомо ложное сообщение об акте терроризма является по своей сути заведомо ложным сообщением о преступлении лишь с той разницей, что объектом данного преступления будут являться общественные отношения в сфере общественной

⁷² Жигецкий П.Э., Чесноков Н.А. Проблемы информационной безопасности (защита от информации, распространение которой запрещается) // Российский следователь. 2015. № 4. С. 35-42.

безопасности»⁷³. Примечательно, что к аналогичному выводу приходят и другие авторы⁷⁴.

В разрезе изучения признаков объекта преступления, предусмотренного ст. 207 УК РФ, такое соображение означает, что объект анализируемого преступления охватывает своим содержанием отношения в сфере правосудия. Однако, на наш взгляд, какие-либо формально-юридические основания для такого вывода отсутствуют, поскольку это совершенно разные сферы общественных отношений. В действительности могут иметь место признаки нарушения одного или другого объектов, одновременное их нарушение одним деянием сложно представить даже теоретически. И тогда могут быть выявлены критерии разграничения данных преступлений, что исключает наличие конкуренции между ними.

В юридической литературе обосновываются тезисы о наличии в составе преступления, регламентированном ст. 207 УК РФ, дополнительных объектов. Так, по утверждению В.П. Степалина, «дополнительным непосредственным объектом этого состава преступления являются отношения собственности (материальный ущерб, состоящий из затрат органов правопорядка на проверку сообщения об акте терроризма, упущенная выгода предприятий в результате приостановления работы), права и интересы граждан, нормальная деятельность организаций, учреждений, предприятий, где якобы будет совершен акт терроризма. В некоторых случаях может быть нанесен вред здоровью людей, например в результате возникшей паники, давки»⁷⁵.

В подобном ключе высказываются и некоторые другие специалисты, признавая дополнительным непосредственным объектом исследуемого

⁷³ Макаров В.В. Общие и частные вопросы заведомой лжи в УК РФ // Российский следователь. 2009. № 16. С. 10-12.

⁷⁴ Цепелев К.В. Уголовно-правовая характеристика заведомо ложного доноса как преступления, посягающего на формирование доказательств в уголовном процессе // Российский следователь. 2009. № 2. С. 14.

⁷⁵ Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник / Ю.В. Грачева, Л.Д. Ермакова, Г.А. Есаков и др.; под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. 2-е изд., испр. и доп. М.: Контракт, Инфра-М, 2009.

преступления «порядок управления, собственность предприятий и организаций, в том числе правоохранительных органов, понесших убытки от преступления. В некоторых случаях может быть нанесен вред здоровью людей в результате страха, возникшей паники и т.д.»⁷⁶.

Анализ законодательных предписаний, сформулированных в ст. 207 УК РФ позволяет согласиться с данными выводами. Объясняется это, в частности, тем, что рассматриваемый состав преступления характеризуется такими признаками как причинение крупного ущерба (ч. 2 ст. 207 УК РФ), смерть человека или иные тяжкие последствия (ч. 4 ст. 207 УК РФ).

Таким образом, состав заведомо ложного сообщения об акте терроризма посягает на общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением общественной информационной безопасности. В качестве дополнительных объектов данного преступления могут выступать жизнь и здоровье человека, собственность, порядок управления и т.д.

С объективной стороны исследуемое преступление выражается в сообщении о готовящихся взрыве, поджоге или иных действиях, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий. Примером могут служить обстоятельства следующего уголовного дела. Так, «учитывая место совершения преступления, избранный способ и орудие преступного умысла, обстановки, при которой осужденным совершено противоправное деяние, характер и размер предполагаемых последствий от возможного взрыва устройства, внешне похожего на бомбу, содержания высказанных осужденным угроз «взорвать всех», которые были восприняты сотрудником полиции реально, комплекса проведенных мероприятий по предотвращению возможных негативных последствий от противоправных действий, привлечение для этого специальных

⁷⁶ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / В.П. Верин, О.К. Зателепин, С.М. Зубарев и др.; отв. ред. В.И. Радченко, науч. ред. А.С. Михлин, В.А. Казакова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2008.

служб, судом первой инстанции, позволили суду первой инстанции сделать верный вывод о квалификации действий С. по ч. 3 ст. 207 УК РФ»⁷⁷.

В настоящее время ст. 207 УК РФ структурно представлена четырьмя частями. Основной состав заведомо ложного сообщения об акте терроризма на текущий момент характеризуется специальным мотивом – хулиганскими побуждениями. Следует обратить внимание, что в судебной практике встречаются ситуации ошибочного восприятия, например, хулиганского мотива в качестве необязательного признака состава преступления. Так, «принимая решение об исключении из осуждения Н. квалифицирующего признака – совершение преступления из хулиганских побуждений, суд апелляционной инстанции оставил без внимания то, что хулиганские побуждения являются криминообразующим (составообразующим) признаком субъективной стороны преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 207 УК РФ. В этой связи вывод суда апелляционной инстанции о том, что хулиганские побуждения являются квалифицирующим признаком, исключение которого не влияет на квалификацию содеянного, являются необоснованными»⁷⁸.

Необходимо отметить, что в теории уголовного права вызвало критику включение в число составообразующих признаков преступления, предусмотренного ст. 207 УК РФ, хулиганских побуждений⁷⁹.

В уголовно-правовой науке хулиганские побуждения обычно трактуются «как желание противопоставить себя окружающим, продемонстрировать

⁷⁷ Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 04.06.2024 № 77-1377/2024 (УИД 77RS0018-02-2023-006859-82) // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

⁷⁸ Кассационное постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 16.07.2024 № 77-2045/2024 (УИД 91RS0002-01-2023-002462-47) // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

⁷⁹ Густова Э.В. Новеллы уголовного законодательства: проблемы конструирования и применения // Журнал российского права. 2018. № 11. С. 129-137.

пренебрежительное к ним отношение и связываются с совершением преступления без какого-либо повода или с использованием незначительного повода»⁸⁰.

По нашему мнению, заведомо ложное сообщение об акте терроризма действительно зачастую совершается из хулиганских побуждений. Но очевидно, что наличие такой мотивации не характерно для всех без исключения случаев совершения рассматриваемого преступления. В этих условиях усматривается определенное сужение пределов криминализации заведомо ложного сообщения об акте терроризма, ведь анализируемое общественно опасное деяние может совершаться из личных неприязненных отношений. Такая мотивация традиционно исключает наличие хулиганских побуждений.

В ч. 2 ст. 207 УК РФ установлена ответственность за деяние, предусмотренное ч. 1 этой статьи, совершенное в отношении объектов социальной инфраструктуры либо повлекшее причинение крупного ущерба.

Как правило, подобная формулировка в теории и практике уголовного права трактуется как совершение основного деяния в условиях наличия соответствующих квалифицирующих признаков. Однако эта точка зрения не является единственной. Так, по утверждению О.В. Костылевой, «ч. 2 ст. 207 УК РФ должна пониматься как закрепляющая один из трех самостоятельных (основных) составов заведомо ложного сообщения об акте терроризма, не требующего ни определенного мотива, ни цели в качестве обязательного своего признака. Подобное толкование, подчеркнем, не является противоречащим букве закона или явно непредсказуемым. В этом смысле запрет является определенным, пусть и требующим разъяснений»⁸¹.

На наш взгляд, предложенное толкование прямо противоречит букве закона. В случае, если бы законодатель подразумевал в ч. 2 ст. 207 УК РФ

⁸⁰ Костылева О.В. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ) и угроза совершения террористического акта (ст. 205 УК РФ) // Уголовное право. 2018. № 2. С. 52-60.

⁸¹ Костылева О.В. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ) и угроза совершения террористического акта (ст. 205 УК РФ) // Уголовное право. 2018. № 2. С. 52-60.

самостоятельный состав преступления, текст диспозиции данной нормы не начинался бы словами «деяние, предусмотренное ч. 1 настоящей статьи». При конструировании самостоятельного состава преступления в рамках одной и той же статьи описание преступления обычно не содержит ссылки на предыдущие части данной статьи. Например, в ч. 3 ст. 207 УК РФ регламентирован самостоятельный состав преступления – текст соответствующего предписания начинается с описания общественно опасного деяния без привязки к другим частям этой статьи.

В этой связи заведомо ложное сообщение об акте терроризма на объектах социальной инфраструктуры может быть квалифицировано по ч. 2 ст. 207 УК РФ только при условии совершения таких действий из хулиганских побуждений. Таким образом, признаки совершения анализируемого преступления в отношении объектов социальной инфраструктуры, а также причинение в результате заведомо ложного сообщения об акте терроризма крупного ущерба, являются квалифицирующими обстоятельствами применительно к деянию, запрещенному ч. 1 ст. 207 УК РФ. Аналогичное мнение выразили 82 % опрошенных в ходе проведенного нами исследования практикующих юристов.

Следует отметить, что указанные квалифицирующие признаки имеют нормативные определения, предусмотренные примечаниями к ст. 207 УК РФ. Так, в силу примечания 1 к рассматриваемой статье крупным ущербом признается ущерб, сумма которого превышает один миллион рублей. В свою очередь под объектами социальной инфраструктуры понимаются организации систем здравоохранения, образования, дошкольного воспитания, предприятия и организации, связанные с отдыхом и досугом, сферы услуг, пассажирского транспорта, спортивно-оздоровительные учреждения, система учреждений, оказывающих услуги правового и финансово-кредитного характера, а также иные объекты социальной инфраструктуры.

Прежде всего, стоит обратить внимание на не вполне корректную конструкцию изложенного определения – оно после перечисления различных

видов объектов социальной инфраструктуры заканчивается фразой «иные объекты социальной инфраструктуры». В этих условиях можно констатировать, что данная законодательная дефиниция позволяет признавать объектами социальной инфраструктуры самые разнообразные места массового посещения или пребывания людей.

В юридической литературе высказано мнение о том, что к объектам социальной инфраструктуры в силу буквального толкования Примечания 2 к ст. 207 УК РФ не могут быть отнесены жилые дома, поскольку обозначенная норма ссылается лишь на организации, учреждения и системы учреждений. В то же время правоприменительная практика признает соответствующими объектами, например кафе и магазины⁸².

Относительно идентификации магазинов и кафе в качестве объектов социальной инфраструктуры, на наш взгляд, сомнений возникать не должно. Это места массового пребывания людей, нередко места их массового скопления. В любом случае их посещают неопределенное множество людей.

Вместе с тем вряд ли можно согласиться с данным автором в том, что жилые дома не могут быть признаны объектами социальной инфраструктуры. Уголовный закон не связывает понимание объектов социальной инфраструктуры исключительно с организациями и учреждениями, поскольку прямо указывает на открытый перечень, включающий иные объекты социальной инфраструктуры. Поэтому недопустимо признание объектом социальной инфраструктуры, например, индивидуального жилого дома, так как это персональное жилище, никак не связанное с общественными интересами и взаимоотношениями. Другое дело, если речь ведется о многоквартирном жилом доме – такие объекты практически всегда характеризуются наличием общественных пространств, наряду с жилыми помещениями. Рассматривая подобные объекты в комплексе, представляется возможным идентифицировать их в качестве объектов,

⁸² Ковлагина Д.А. Проблемы дифференциации ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма // Уголовное право. 2019. № 6. С. 46-50.

ориентированных на обеспечение общественных интересов, то есть в качестве объектов социальной инфраструктуры.

В ч. 3 ст. 207 УК РФ фактически предусматривается ответственность за самостоятельное преступление, которое хотя и выражается в заведомо ложном сообщении об акте терроризма, но характеризуется такой специальной целью, как дестабилизация деятельности органов власти.

Как пишет Д.А. Ковлагина, «дестабилизация в контексте целей террористического акта означает направленность действий лица против порядка и устойчивости. Цель дестабилизации, согласно правоприменительной практике, преследуется не только террористами при совершении террористического акта, но и лицами, совершающими преступление, предусмотренное ст. 207 УК РФ»⁸³.

Безусловно, цель дестабилизации деятельности органов власти проявляется в стремлении нарушить порядок и устойчивость. Однако очевидно, что такого комментария недостаточно для выявления данных признаков. В противном случае любое заведомо ложное сообщение об акте терроризма могло бы быть квалифицировано по ч. 3 ст. 207 УК РФ. Необходимо отметить, что если неквалифицированное заведомо ложное сообщение об акте терроризма является преступлением небольшой тяжести, то деяние, закрепленное ч. 3 ст. 207 УК РФ, это уже тяжкое преступление. Данные обстоятельства однозначно свидетельствуют о существенном перепаде уровней общественной опасности этих преступлений. Соответственно, дестабилизация деятельности органов государственной власти может быть констатирована лишь в ситуациях, когда вследствие заведомо ложного сообщения об акте терроризма была парализована работа властных структур, затрачивались значительные силы и средства. В свою очередь, такая цель может быть установлена в том случае, когда виновный стремился достичь обозначенных результатов. Это возможно в ситуациях, когда заявляется о предстоящих актах терроризма на крупных транспортных узлах,

⁸³ Ковлагина Д.А. Проблемы дифференциации ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма // Уголовное право. 2019. № 6. С. 46-50.

в местах пребывания значительного количества людей и в иных подобных случаях.

С позиции нормативных конструкций предписаний, касающихся телефонного терроризма из хулиганских побуждений или в целях дестабилизации деятельности органов власти, они отличаются соответствующим мотивом либо целью, которые имеют статус обязательных признаков составов преступлений.

Для правильного разграничения данных преступлений уяснению подлежит содержание такого признака как цель дестабилизации деятельности органов власти⁸⁴.

Толкование этого признака предложено в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности»⁸⁵. Но это толкование, по сути, представляет собой лишь констатацию оценочности данного уголовно-правового признака. Высшей судебной инстанцией указано на необходимость установления наличия этого признака в зависимости от конкретных обстоятельств дела.

Кроме того, соответствующие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ непосредственно посвящены разъяснению признаков состава террористического акта, где признак дестабилизации выступает в качестве альтернативно обязательного в ч. 1 ст. 205 УК РФ.

И в этом контексте следует подчеркнуть имеющиеся особенности современной конструкции уголовно-правового запрета террористического акта. Как известно, террористический акт может быть выражен в виде соответствующих фактических вредоносных действиях, а равно в угрозе их совершения. При первом варианте возможна как цель дестабилизации

⁸⁴ Ковлагина Д.А. Проблемы дифференциации ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма // Уголовное право. 2019. № 6. С. 46-50.

⁸⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.

деятельности органов власти, так и цель оказания воздействия на них для принятия ими решений.

В свою очередь угроза совершения террористических действий может быть совершена только с целью воздействия на принятие решений органами власти. Наличие цели дестабилизации не позволяет квалифицировать деяние по ст. 205 УК РФ.

Как пишет О.В. Костылева, угроза совершения акта терроризма в целях дестабилизации деятельности органов власти в настоящее время квалифицируется по ч. 3 ст. 207 УК РФ⁸⁶.

Получается, что угроза совершения террористического акта приравнивается к телефонному терроризму. Это, конечно же, упрощает вопросы правоприменительной деятельности, поскольку устраняет возможность противоречивого толкования указанных моментов.

Однако обоснованность изложенного законодательного решения вызывает сомнения. Проблема заключается в том, что обычно угроза в ст. 205 УК РФ трактовалась как выражение намерений совершения соответствующих действий при наличии оснований опасаться их осуществления. Проводилась своего рода параллель с составом угрозы убийством или причинения тяжкого вреда здоровью. Угроза наделялась признаком реальности.

В свою очередь телефонный терроризм не рассматривался в качестве выражения реального намерения совершения терроризма. Социально-правовая природа этого деяния подразумевала факт распространения заведомо ложной общественно значимой информации.

При этом, конечно же, произошедшие трансформации не могут исключить изложенное понимание телефонного терроризма. То есть в любом случае классические варианты телефонного терроризма продолжают охватываться ст. 207 УК РФ. В этой части не может быть даже сомнений.

⁸⁶ Костылева О.В. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ) и угроза совершения террористического акта (ст. 205 УК РФ) // Уголовное право. 2018. № 2. С. 52-60.

Другое дело, что смысловое содержание телефонного терроризма теперь расширено и включает в себя не только распространение соответствующей заведомо ложной общественно значимой информации, но еще и случаи угрозы совершения террористического акта в целях дезорганизации деятельности органов власти.

По нашему мнению, описанная ситуация является полумерой. Считаем недопустимым отождествлять угрозу терроризмом и соответствующее заведомо ложное сообщение о нем. Равным образом вызывает обоснованное несогласие с размещением в рамках ч. 1 ст. 205 УК РФ предписаний об ответственности за фактически совершенный террористический акт и за угрозу его совершения.

Еще один вопрос, с которым сталкивается правоприменитель, это невозможность применения квалифицирующего обстоятельства совершения телефонного терроризма в отношении объектов социальной инфраструктуры при совершении анализируемого преступления в целях дестабилизации. В силу буквального толкования уголовного закона такая квалификация недопустима.

Одновременно возникает закономерный вопрос о целесообразности распространения квалифицирующего признака в виде совершения телефонного терроризма в отношении объектов социальной инфраструктуры только на случаи совершения данного преступления из хулиганских побуждений. Полагаем, что данное квалифицирующее обстоятельство должно быть применимо и к случаям телефонного терроризма в целях дестабилизации. Особенно если такое преступление выражается в форме угрозы совершения террористического акта.

На основании изложенного необходимо сделать вывод о том, что, согласно положениям действующего российского уголовного законодательства угроза совершения террористического акта в целях дестабилизации деятельности органов власти образует признаки телефонного терроризма и подлежит квалификации по ч. 3 ст. 207 УК РФ.

Помимо обозначенных аспектов правоприменительного плана считаем необходимым обозначить в качестве вектора потенциальной правотворческой

деятельности разработку предложений по устранению выявленных противоречий в части юридической регламентации ответственности за угрозу совершения террористического акта. Одним из путей разрешения сложившейся проблемной ситуации может быть конструирование самостоятельной уголовно-правовой нормы об ответственности за угрозу совершения террористического акта с одновременным исключением спорных положений из текста диспозиции ч. 1 ст. 205 УК РФ.

В качестве универсального квалифицирующего обстоятельства, распространяемого на любые варианты заведомо ложного сообщения об акте терроризма, в уголовном законе предусмотрен факт совершения такого деяния, если оно повлекло по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия (ч. 4 ст. 207 УК РФ). При этом под иными тяжкими последствиями применительно к данной статье следует понимать такой вред, который превышает уровень общественной опасности смерти одного человека, значительного и крупного ущерба. Соответственно, это может быть смерть нескольких человек, особо крупный ущерб, серьезные нарушения функционирования важных объектов жизнеобеспечения и т.п.

На основании изложенного представляется целесообразным сделать следующие основные выводы:

1) общественная безопасность, как объект уголовно-правовой охраны, подвергается серьезному нарушению вследствие террористической деятельности. Однако обоснованные сомнения возникают в части возможности такого же вывода в случаях заведомо ложного сообщения об акте терроризма. Ведь в действительности обозначенное состояние защищенности не подвергается какому-либо негативному воздействию. И даже ошибочное восприятие соответствующего ложного заявления об акте терроризма неопределенным кругом лиц не позволяет констатировать нарушение общественной безопасности в классическом ее понимании, которая фактически остается неизменной.

Вместе с тем заведомо ложное сообщение об акте терроризма не создает и угрозы нарушения общественной безопасности;

2) общественный порядок зачастую нарушается в результате совершения преступления, регламентированного ст. 207 УК РФ. И в этом ракурсе уместно упомянуть и общественное спокойствие, и упорядоченное функционирование государственных органов, различных организаций и учреждений. В случае совершения анализируемого преступления из хулиганских побуждений, вопросы нарушения общественного порядка выдвигаются на первый план. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма в этой ситуации предполагает выражение волеизъявления виновного нарушить общественные устои и уклады, противопоставить себя окружающим, не принимая во внимание возможные последствия от подобного поступка.

Заведомо ложное сообщение об акте терроризма в современных условиях едва ли способно дестабилизировать деятельность органов власти. Ведь в последние годы общество и государство уже в целом относительно спокойно воспринимают факты заведомо ложного сообщения об акте терроризма. Конечно же, наличие указанной цели в совершенном лицом деянии отнюдь не требует фактической дестабилизации деятельности органов государственной власти. В этих условиях в результате совершения исследуемого преступления также не будут усматриваться признаки нарушения общественной безопасности. Все это в большей мере свидетельствует о посягательстве на общественный порядок, на сложившиеся в обществе уклады повседневной жизнедеятельности;

3) вследствие заведомо ложного сообщения об акте терроризма в первую очередь страдает состояние информационной защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Иными словами, рассматриваемое деяние посягает на информационную безопасность неопределенного круга лиц, то есть на общественную информационную безопасность. Полагаем, что такое общественное благо в современных реалиях условно можно признать компонентом общественной безопасности.

Таким образом, состав заведомо ложного сообщения об акте терроризма посягает на общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением общественной информационной безопасности. В качестве дополнительных объектов данного преступления могут выступать жизнь и здоровье человека, собственность, порядок управления и т.д.;

4) смысловое содержание телефонного терроризма в настоящее время расширено и включает в себя не только распространение соответствующей заведомо ложной общественно значимой информации, но еще и случаи угрозы совершения террористического акта в целях дезорганизации деятельности органов власти. Согласно положениям действующего российского уголовного законодательства угроза совершения террористического акта в целях дестабилизации деятельности органов власти образует признаки телефонного терроризма и подлежит квалификации по ч. 3 ст. 207 УК РФ. Однако представляется недопустимым отождествлять угрозу терроризмом и соответствующее заведомо ложное сообщение о нем. Равным образом вызывает обоснованное несогласие с размещением в рамках ч. 1 ст. 205 УК РФ предписаний об ответственности за фактически совершенный террористический акт и за угрозу его совершения;

5) заведомо ложное сообщение об акте терроризма зачастую совершается из хулиганских побуждений. Но очевидно, что наличие такой мотивации не характерно для всех без исключения случаев совершения рассматриваемого преступления. В этих условиях усматривается определенное сужение пределов криминализации заведомо ложного сообщения об акте терроризма, ведь анализируемое общественно опасное деяние может совершаться из личных неприязненных отношений. Такая мотивация традиционно исключает наличие хулиганских побуждений;

6) заведомо ложное сообщение об акте терроризма на объектах социальной инфраструктуры может быть квалифицировано по ч. 2 ст. 207 УК РФ только при условии совершения таких действий из хулиганских побуждений. Таким образом,

признаки совершения анализируемого преступления в отношении объектов социальной инфраструктуры, а также причинение в результате заведомо ложного сообщения об акте терроризма крупного ущерба, являются квалифицирующими обстоятельствами применительно к деянию, запрещенному ч. 1 ст. 207 УК РФ;

7) уголовный закон не связывает понимание объектов социальной инфраструктуры исключительно с организациями и учреждениями, поскольку прямо указывает на открытый перечень, включающий иные объекты социальной инфраструктуры. Поэтому недопустимо признание объектом социальной инфраструктуры, например, индивидуального жилого дома, так как это персональное жилище, никак не связанное с общественными интересами и взаимоотношениями. Другое дело, если речь ведется о многоквартирном жилом доме – такие объекты практически всегда характеризуются наличием общественных пространств, наряду с жилыми помещениями. Рассматривая подобные объекты в комплексе, представляется возможным идентифицировать их в качестве объектов, ориентированных на обеспечение общественных интересов, то есть в качестве объектов социальной инфраструктуры⁸⁷.

⁸⁷ См. также: Ильяшенко Е.А. Объект состава заведомо ложного сообщения об акте терроризма // *Философия права*. 2021. № 4. С. 84-88; Ильяшенко Е.А. Дифференциация уголовной ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма // *Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона (к 100-летию Верховного Суда Российской Федерации): Сборник материалов X Международной научно-практической конференции* / Отв. ред. А.В. Бриллиантов. М.: РГУП, 2023. С. 191-195; Ильяшенко Е.А. Уголовно-правовой запрет заведомо ложного сообщения об акте терроризма как средство обеспечения национальной безопасности // *Уголовная политика на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы: сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора Г.А. Аванесова: в 2 ч. / под общ. ред. А.В. Победкина*. Москва: Академия управления МВД России, 2024. Ч. 2. С. 125-129.

2.2. Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан

Распространение пандемии коронавирусной инфекции, положившее свое начало в 2020 г., от которого, в том числе, пострадало и население России, выступило предпосылкой для трансформации отечественного уголовного законодательства в сфере обеспечения общественной безопасности. Перед законодателем возникла неотложная задача реализации мер противодействия нарушению общественной безопасности посредством распространения заведомо ложной информации. В современном языке такую информацию уже нередко именуют «фейком». Конечно же, ложная информация, различные слухи, догадки и домыслы всегда были и будут сопровождать жизнь общества. Однако именно в такие непростые времена, времена социальных потрясений, когда недопустима паника, а важны тотальная дисциплина, сдержанность и терпение, возникла острая потребность ужесточения мер ответственности за распространение недостоверной общественно значимой информации.

В этих условиях российский уголовный закон пополнился уголовно-правовым запретом публичного распространения заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (ст. 207¹ УК РФ).

Несмотря на его новизну, этот запрет оказался весьма востребован с практической точки зрения, а также сразу же стал привлекать внимание в теории уголовного права. Тем не менее, на сегодняшний день имеющиеся разъяснения относительно проблемных вопросов применения ст. 207¹ УК РФ еще носят разрозненный, эпизодический характер.

Структурно рассматриваемое уголовно-правовое предписание расположено в главе о преступлениях против общественной безопасности (глава 24 УК РФ), что свидетельствует об идентификации соответствующего деяния законодателем

в качестве деяния, посягающего на видовой объект, представленный общественными отношениями, складывающимися в связи с обеспечением общественной безопасности.

Следовательно, и непосредственный объект состава публичного распространения заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, подразумевается включенным в обозначенный вид общественных отношений, охраняемых уголовным законом.

Однако обращение к теоретическим источникам показывает, что этот вывод не является общепринятым. Например, по мнению А.П. Кузнецова, анализировавшего особенности ответственности по ст. 207¹ УК РФ, «основным непосредственным объектом следует признавать совокупность общественных отношений, обеспечивающих здоровье и безопасность населения»⁸⁸.

Говоря о здоровье населения, вероятно, автор основывается на том факте, что распространение фейковой информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, негативно сказывается на психологической составляющей здоровья неопределенного круга лиц. Ведь такая информация заставляет нервничать и переживать, она способна создавать панические настроения со всеми вытекающими последствиями подобных состояний.

На наш взгляд, изложенный тезис вполне точно характеризует общественные отношения, непосредственно нарушаемые в результате совершения преступления, предусмотренного ст. 207¹ УК РФ. Однако необходимо признать, что эти общественные отношения в разрезе непосредственного объекта рассматриваемого преступления нарушаются во вторую очередь. Первостепенно данный уголовно-правовой запрет имеет своей целью обеспечение состояния защищенности неопределенного круга лиц, то есть общественной безопасности. Можно

⁸⁸ Кузнецов А.П. Уголовно-правовая охрана общественной безопасности: научный обзор ст. 207.1 УК РФ // Российский следователь. 2020. № 10. С. 52-55.

предположить, что А.П. Кузнецов трактует общественную безопасность через формулировку «безопасность населения».

Таким образом, непосредственный объект состава преступления, регламентированного ст. 207¹ УК РФ, образуют общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением общественной безопасности (основной непосредственный объект) и общественные отношения, возникающие по поводу обеспечения психологического здоровья населения (дополнительный непосредственный объект).

Одним из узловых признаков нормы об ответственности за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, является непосредственно такая информация об опасности.

Традиционно в российском уголовном праве предмет преступления понимается как вещь материального мира, по поводу которой совершается преступление. Однако в современной отечественной уголовно-правовой теории понятие предмета преступления расширяется за счет включения в него, в том числе информации⁸⁹. В этой связи информацию об опасности в ст. 207¹ УК РФ также следует признать предметом данного преступления.

Представляется возможным констатировать, что основным объемом диспозиции ст. 207¹ УК РФ занимает именно описание предмета данного преступления, что очевидно свидетельствует о значимости и криминообразующих свойствах этих признаков.

В силу буквального толкования положений ст. 207¹ УК РФ для предмета данного преступления закон предусматривает одно содержательное и два формальных требования. К последним относится то, что анализируемые сведения должны быть ложной, не соответствующей действительности информацией. И то, что такие сведения должны преподноситься под видом достоверных.

⁸⁹ Пудовочкин Ю.Е. Учение о составе преступления. Учебное пособие. М.: Юрлитинформ, 2009. С. 61-62.

Содержательное требование подразумевает определение существа распространяемой информации. Криминальным является распространение не любой информации, а лишь таких сведений об обстоятельствах, которые представляют угрозу для жизни и безопасности граждан, а также о принимаемых мерах защиты от этих обстоятельств. Уголовный закон гласит: обстоятельствами, представляющими угрозу жизни и безопасности граждан, признаются чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайные экологические ситуации, в том числе эпидемии, эпизоотии и иные обстоятельства, возникшие в результате аварий, опасных природных явлений, катастроф, стихийных и иных бедствий, повлекшие (могущие повлечь) человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей и окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения (примечание к ст. 207¹ УК РФ)⁹⁰.

Как отмечается в Обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории РФ новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020), для целей ст. 207¹ и 207² УК РФ под заведомо ложной информацией, в том числе об обстоятельствах распространения на территории РФ новой коронавирусной инфекции (COVID-19), и (или) о принимаемых в связи с этим мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств, следует понимать такую информацию (сведения, сообщения, данные и т.п.), которая изначально не соответствует действительности, о чем достоверно было известно лицу, ее распространявшему.

Одним из обязательных условий наступления ответственности по ст. 207¹ и 207² УК РФ является распространение заведомо ложной информации под видом достоверной. О придании ложной информации вида достоверной могут

⁹⁰ Габдрахманов Р.Л., Кужиков В.Н. Заведомо ложная информация как предмет преступления // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 4. С. 53-57.

свидетельствовать, например, формы, способы ее изложения (ссылки на компетентные источники, высказывания публичных лиц и пр.), использование поддельных документов, видео- и аудиозаписей либо документов и записей, имеющих отношение к другим событиям⁹¹.

В то же время обращение к материалам правоприменительной практики показывает, что изложенные разъяснения не всегда однозначно используются судами. Так, суд апелляционной инстанции, отменяя состоявшийся приговор и прекращая уголовное дело на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с отсутствием в деянии состава преступления, пришел к обоснованному выводу о том, что из существа обвинения и установленных судом первой инстанции фактических обстоятельств не следует, что публично сообщенная Х. информация о реализуемом в АО «Дикси-Юг» за плату товаре с наименованием «маска одноразовая трехслойная, немедицинская» является гуманитарной помощью, распространена как заведомо ложная информация именно об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств. Данных о том, что указанная Х. информация представляла реальную общественную опасность и могла причинить вред охраняемым уголовным законом отношениям в сфере обеспечения общественной безопасности, в деле не имеется. Доказательств, подтверждавших наличие у Х. прямого умысла на публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан и о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств, стороной обвинения не представлено.

⁹¹ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 6.

Привлечение Х. к уголовной ответственности по анализируемой норме уголовного закона было произведено в условиях установленного соответствия действительности распространяемых сведений⁹².

Следует подчеркнуть, что информация, распространяемая лицом, привлекаемым к уголовной ответственности, в данном случае не преподносилась под видом достоверной.

В Обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020, отмечается, что ложная информация о коронавирусной инфекции и мерах борьбы с ней обладает признаками обстоятельств, обозначенных в примечании к ст. 207¹ УК РФ⁹³.

По нашему мнению, изложенное разъяснение является вполне обоснованным. Распространение коронавирусной инфекции обладает признаками эпидемии, наносящей ущерб здоровью людей, а также безусловно нарушает условия жизнедеятельности населения. Следовательно, распространение фейковой информации о коронавирусной инфекции и мерах борьбы с ней может при наличии иных необходимых признаков образовывать состав преступления, предусмотренный ст. 207¹ УК РФ.

Следует отметить, что на предмет наличия признаков изучаемого состава преступления органами власти предлагается анализировать, в том числе, ситуации

⁹² Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 01.07.2021 № 77-1968/2021 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

⁹³ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 5.

распространения информации о вреде вакцинации против новой коронавирусной инфекции⁹⁴.

Как справедливо указывает Д.Ю. Вешняков, уголовно-правовые запреты, предусмотренные ст. 207¹ и 207² УК РФ, хоть и принимались в период распространения коронавирусной инфекции, их действие не ограничивается периодом пандемии, как впрочем и предмет данных преступлений не сводится лишь к информации о коронавирусной инфекции⁹⁵.

Представляется, что данный тезис весьма важен в перспективном плане. Созданное на фоне пандемии коронавирусной инфекции, данное уголовно-правовое предписание не является временным или напрямую привязанным к каким-то определенным событиям. И оно продолжит свое действие в дальнейшем и может быть применимо к самым разным ситуациям, например, техногенным катастрофам, экологическим происшествиям и т.д. Поэтому распространение коронавирусной инфекции это лишь вариант апробации исследуемой нормы уголовного закона.

Вместе с тем формированию единообразной судебной практики по делам изучаемой категории во многом препятствует отсутствие однозначных решений в науке уголовного права. В частности, дискуссионными являются вопросы понимания формальных признаков предмета данного преступления. Например, по утверждению А.П. Кузнецова, «информацию следует считать заведомо ложной, если в ней полностью или частично искажены официальные данные о фактах, событиях, явлениях»⁹⁶.

⁹⁴ Письмо Росздравнадзора от 01.11.2021 № 01-62909/21 «О выявлении граждан, принимающих активное участие в антипрививочной кампании» // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

⁹⁵ Вешняков Д.Ю. Квалификация публичного распространения заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (ст. 207.1 УК) // Законность. 2021. № 7. С. 36-40.

⁹⁶ Кузнецов А.П. Уголовно-правовая охрана общественной безопасности: научный обзор ст. 207¹ УК РФ // Российский следователь. 2020. № 10. С. 54.

В свою очередь Д.Ю. Вешняков считает, что критерием недостоверности (ложности) информации должно служить ее несоответствие объективной действительности, а не официальным сведениям⁹⁷.

Представляется, что такое замечание является абсолютно верным. Соответствие информации официальным данным не всегда означает их истинность. Ложность информации определяется исключительно ее несоответствием объективной действительности.

Предположение о том, что только официальная информация может быть признана достоверной не основано на буквальном толковании уголовного закона. Диспозиция ст. 207¹ УК РФ подобных указаний не содержит. Практика, конечно же, как правило, «мерилом» достоверности информации считает ее происхождение из официальных государственных источников. Например, гипотетически можно представить ситуацию, при которой лицо выступало очевидцем определенных событий и в дальнейшем распространило сведения о них. В таком случае, даже если его информация не будет совпадать с официальной, признаки состава данного преступления отсутствуют.

Таким образом, под ложной информацией необходимо понимать информацию, противоречащую объективной действительности, независимо от источников ее происхождения. Данную точку зрения разделили 92 % опрошенных в ходе проведенного нами исследования респондентов.

Имеются основания полагать, что указание о ложности распространяемой информации не означает в изучаемом случае, что вся передаваемая информация должна состоять из ложных сведений. В современном информационном мире наибольший «эффект» от ложной информации зачастую достигается при ее тщательной маскировке под истинную, в том числе при смешивании действительной и искаженной информации.

⁹⁷ Вешняков Д.Ю. Квалификация публичного распространения заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (ст. 207.1 УК) // Законность. 2021. № 7. С. 36-40.

Стоит заметить, что весьма оригинальным признаком анализируемого преступления является указание на необходимость придания распространяемой информации вида достоверной. Эта цель достигается, как правило, ссылкой на источник происхождения конкретной информации. Например, информация, якобы, получена от должностных лиц органов государственной власти. Альтернативным способом придания достоверного вида предмету данного преступления является оформление сведений как официальных, исходящих от компетентных субъектов. Следовательно, если распространяемая информация преподносится как достоверная, но в подтверждение достоверности не предъявляются какие-нибудь из перечисленных выше обстоятельств, то содеянное исключает квалификацию по ст. 207¹ УК РФ.

Анализируя предмет преступления, предусмотренного ст. 207¹ УК РФ, необходимо учитывать, что для правильного понимания сути заведомо ложной информации имеет юридическое значение формат ее преподнесения в качестве рассуждений или в качестве утверждений. Так, по мнению А.Г. Кибальника, предмет преступления, установленного ст. 207¹ УК РФ образуют исключительно утверждения о фактах и событиях, которые необходимо различать с оценочными суждениями, распространение которых не может быть квалифицировано по изучаемой норме уголовного закона⁹⁸.

На наш взгляд, распространение каких-либо оценочных суждений, обсуждение проблем, размышление о них не может квалифицироваться в качестве распространения заведомо ложной информации. Неотъемлемой характеристикой ложности информации является то, что она представляет собой утверждения о фактах. Только в таком случае можно констатировать распространение заведомо ложной информации. Какие-либо рассуждения не являются ни правдой, ни ложью.

⁹⁸ Кибальник А.Г. Уголовно-правовая реакция на коронавирусную пандемию // Законность. 2020. № 5. С. 42-43.

Таким образом, предмет состава преступления, предусмотренного ст. 207¹ УК РФ, должен отвечать сложной структуре взаимосвязанных требований: информация должна быть ложной, преподноситься под видом достоверной и касаться определенных обстоятельств, свидетельствующих об опасности. Отсутствие какого-либо из перечисленных признаков исключает квалификацию содеянного по ст. 207¹ УК РФ.

Д.Ю. Вешняковым обоснован вывод о том, что в случае распространения лицом заведомо ложных сведений, подпадающего под признаки преступления, предусмотренного ст. 207¹ УК РФ, дальнейшего осознания ложности распространенной им информации и последующего ее удаления, например, в социальной сети или мессенджере, лицо не следует привлекать к уголовной ответственности за совершение исследуемого преступления⁹⁹.

Обозначенный тезис, как представляется, характеризует вопросы оценки постпреступного поведения человека. Состав анализируемого преступления является оконченным с момента распространения соответствующих сведений, то есть их доведения до неопределенного круга адресатов. И как только подобная информация стала достоянием общественности, преступление окончено и никакие варианты поведения не могут влиять на констатацию наличия признаков состава преступления. Положительное постпреступное поведение может и должно учитываться при решении вопроса об освобождении лица от уголовной ответственности, например, в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ).

Распространение фейков в ходе межличностного общения состав преступления, предусмотренный ст. 207¹ УК РФ, не образует. Объективная сторона этого преступления характеризуется таким обязательным признаком как публичность распространения ложной информации.

Необходимо отметить, что разъяснения относительно понимания данного признака сформулированы в Обзоре № 2. В нем подчеркивается,

⁹⁹ Вешняков Д.Ю. Квалификация публичного распространения заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (ст. 207.1 УК) // Законность. 2021. № 7. С. 36-40.

что распространение соответствующей ложной информации будет иметь место в случае ее передачи неограниченному кругу лиц или группе лиц¹⁰⁰.

Следует отметить, что концептуально эти разъяснения находятся в русле сформированного ранее представления о признаке публичности, нашедшего отражение, в частности, в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» и от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности». В них уже указывалось, что под публичностью надлежит понимать обращение к группе лиц или к неопределенному кругу лиц¹⁰¹.

По сути, изложенные в названном Обзоре рекомендации воспроизводят ранее данные разъяснения, дополняя их указанием на современные методы коммуникации, в частности мессенджеры и социальные сети.

Примечательно, что в отличие от состава заведомо ложного сообщения об акте терроризма, где ответственность установлена с четырнадцатилетнего возраста, состав преступления, регламентированный ст. 207¹ УК РФ, характеризуется шестнадцатилетним возрастом ответственности (ст. 20 УК РФ). Можно предположить, что объяснением этому служит более сложное содержание рассматриваемого преступления. Общественная опасность заведомо ложного сообщения об акте терроризма доступна для понимания с более раннего возраста. Тогда как распространение фейков о строго определенных обстоятельствах, в том числе из-за новизны данного предписания, уже более затруднительно для уяснения.

¹⁰⁰ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 6.

¹⁰¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8. (ред. от 28.10.2021); Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4. (ред. от 03.11.2016).

С субъективной стороны распространение фейков характеризуется исключительно умышленной формой вины. Для квалификации содеянного по ст. 207¹ УК РФ требуется, чтобы лицо осознавало, что информация отвечает признакам предмета данного преступления, и понимало факт ее распространения, то есть передачи множеству других лиц, зачастую индивидуально неопределенных. В условиях прогрессивного развития различных современных способов коммуникации в интернете правоприменитель нередко сталкивается с некоторыми трудностями установления содержания субъективной стороны изучаемого состава преступления.

Этим вопросам уделено отдельное внимание в Обзоре № 2, где указывается на необходимость выявления субъективного отношения виновного к факту доведения соответствующей информации до сведения других лиц. Особенно это касается различных ситуаций с размещением информации в социальных сетях. Например, пользователь может разместить у себя на странице соответствующую фейковую информацию, но его профиль без подписчиков или с самым минимальным их количеством. И если страница будет закрыта для ознакомления со стороны других пользователей, то признаки наличия умысла на криминальное публичное распространение информации будет отсутствовать.

Кроме того, в судебной практике акцентируется внимание на необходимости установления субъективного осознания виновным ложности распространяемой им информации. Так, З., являющаяся главным специалистом отдела кадрового и организационного обеспечения муниципального казенного учреждения, а также председателем общественного совета, находясь в своем жилище, преследуя цель спровоцировать панику среди населения и нарушение правопорядка, посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на своей личной странице в социальной сети публично распространила под видом достоверных сообщений заведомо ложную информацию, как свои личные утверждения, не соответствующие действительности, об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и о принимаемых мерах по обеспечению

безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств, а именно информацию о несуществующем распоряжении Главы администрации муниципального образования об аннулировании всех ранее выданных и действующих специальных пропусков, дающих право на передвижение пешком и на автомобильных транспортных средствах по территории муниципального образования в период действия ограничительных мероприятий (карантина), связанных с опасностью заражения коронавирусной инфекции (COVID-2019), могущую повлечь нанесение ущерба здоровью людей, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения. Публично распространенная З. заведомо ложная информация вызвала широкий общественный резонанс среди пользователей информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». В действительности, введенные специальные пропуска, предназначенные для передвижения пешком и на автомобильных транспортных средствах по территории муниципального образования продолжали действовать на весь период действия ограничительных мероприятий (карантина), связанных с опасностью заражения коронавирусной инфекции (COVID-2019), в связи с чем на официальном сайте администрации опубликовано опровержение вышеуказанной публично распространенной З. заведомо ложной информации.

Действия З. суд квалифицировал по ст. 207¹ УК РФ как публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств.

Четвертым кассационным судом общей юрисдикции приговор по данному делу был отменен. При этом указано, что квалифицируя действия З. по ст. 207¹ УК РФ судами первой и апелляционной инстанции оставлено без внимания то, что необходимым элементом состава данного преступления является наличие прямого умысла на совершение преступления, то есть З. должна была знать,

что размещаемая ею информация является ложной, и она под видом достоверной желала довести ее до неопределенного круга лиц. Оставив вышеизложенное без внимания, суд в приговоре не мотивировал свои выводы о наличии у З. прямого умысла. Не приведены доказательства, из которых, по мнению суда, следовало бы наличие такого умысла, а также отсутствует их оценка с точки зрения того, что З. знала о том, что размещаемая ею информация является ложной и, как установил суд, преследовала цель спровоцировать панику среди населения и нарушение правопорядка¹⁰².

Как видно, отсутствие осознания факта ложности распространяемой информации влечет за собой констатацию отсутствия признаков субъективной стороны состава исследуемого преступления и, как следствие, отсутствие состава преступления.

Мотивация лица, распространяющего фейковую информацию, обладающую признаками преступления, запрещенного ст. 207¹ УК РФ, квалифицирующим значением не обладает. Помимо мотивов, в тексте уголовного закона не закреплены и цели совершения такого преступления, поэтому они могут быть разнообразными.

Следует отметить, что изменение правового регулирования в области оборота общественно значимой информации породило теоретические целесообразности квалификации данного деяния по правилам уголовного закона при существующем механизме привлечения к административной ответственности и назначении более мягкого вида наказания.

Как отмечают С.В. Дубовиченко и В.П. Карлова, целесообразно применять административно-правовые средства при осуществлении контроля за распространением недостоверной информации, так как, с их точки зрения, уголовно-правовые средства недостаточно эффективны. Согласно их позиции, в настоящее время существуют альтернативные источники информации, которые

¹⁰² Кассационное постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 14.05.2024 № 77-1383/2024 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

имеют большее влияние на аудиторию, нежели средства массовой информации, устоявшиеся в обществе. По мнению авторов, должна существовать конкурентная информационная среда, которая самостоятельно снизит степень влияния фальшивой информации, что возможно только при высоком уровне доверия к источникам информации со стороны населения¹⁰³.

Интересным представляется предложение А.С. Истоминой и З.Р. Рахматулина о назначении уголовного наказания только при привлечении к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года после вынесения судебного акта¹⁰⁴. Данные коррективы позволят исключить возникшее среди ученых мнение о том, что причиной ужесточения российской уголовной политики является установление уголовной ответственности за любые явления в обществе, считающиеся неприемлемыми.

Ввиду наличия разногласий среди ученых по поводу квалификации деяний, связанных с распространением заведомо ложной информации, актуальным является вопрос о разграничении преступления, предусмотренного ст. 207¹ УК РФ, и административного правонарушения, закрепленного ст. 13.15 КоАП РФ.

Как справедливо отмечено А.В. Кукузеевой и В.А. Мустафиной, нельзя допускать смешивание двух разных деяний (уголовно-наказуемое преступление и административное правонарушение), которые различаются как по характеристике совершения, так и по общественной опасности содеянного. Устанавливая запрет в нормах закона, необходимо обозначать подробно критерии, разграничивающие запрет уголовно-наказуемого деяния от административно-правового запрета. До их появления (критериев) следует придерживаться правила о том,

¹⁰³ Дубовиченко С.В., Карлов В.П. Уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации (ст.ст. 207.1, 207.2 УК РФ) // Вестник ВУиТ. 2020. № 3. С. 155.

¹⁰⁴ Истомина А.С., Рахматулин З.Р. Проблемы толкования способов публичного распространения заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 2-2.

что «квалификационные сомнения должны толковаться в пользу обвиняемого, то есть решать вопрос об административной, а не уголовной ответственности»¹⁰⁵.

Так, например, закрепленная в ч. 10.1 ст. 13.15 КоАП РФ норма предполагает ответственность за распространение в СМИ, а также в информационно-телекоммуникационных сетях под видом достоверных сообщений заведомо недостоверной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств. Вместе с тем, ст. 207¹ УК РФ, на первый взгляд, содержит практически идентичную законодательную конструкцию нормы права.

Углубляясь в исследование административного и уголовного законодательства, выделим следующие особенности, подлежащие учету при разграничении ответственности по исследуемым статьям.

Административная ответственность установлена, в том числе для юридических лиц. Вместе с тем субъектом преступления, предусмотренного ст. 207¹ УК РФ, являются только физические лица.

Способ распространения ложной информации в составе административного правонарушения предусматривает совершение деяния при помощи размещения недостоверной информации в средствах массовой информации, а также в сети Интернет. В ст. 207¹ УК РФ законодатель ограничился термином «публичный» без конкретного перечня способа распространения фейков. Верховный Суд РФ разъяснил, что публичный характер распространения может проявляться в использовании для этого средств массовой информации, информационно-телекоммуникационных сетей, а также путем выступления на собрании, митинге, распространения листовок, вывешивания плакатов и т.п.¹⁰⁶.

¹⁰⁵ Кукузеева А.В., Мустафина В.А., Рахматулин З.Р. Уголовно-правовой анализ публичного распространения заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан // Modern Science. 2020. № 5. С. 327.

¹⁰⁶ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской

Проведенный анализ норм административного и уголовного законодательства указывает на конкуренцию норм уголовного и административного законодательства.

Во-первых, идентичен вид информации, подлежащий распространению – недостоверная информация (ст. 13.15 КоАП РФ), заведомо ложная информация (ст. 207¹ УК РФ).

Во-вторых, в обоих составах присутствует публичный характер совершаемых деяний. При этом отсутствие упоминания в диспозиции ст. 207¹ УК РФ о распространении сведений в СМИ и информационно-телекоммуникационных сетях, что прямо предусмотрено в ст. 13.15 КоАП РФ, не упрощает ситуацию для правоприменителя. При этом рекомендации Верховного Суда РФ не вносят ясности в сложившуюся проблему, поскольку в обзоре судебной практики он указал в качестве признака публичности совершаемого преступления – использование средств массовой информации, информационно-телекоммуникационных сетей, которые прямо предусмотрены в КоАП РФ.

Кроме того, возникает вопрос, почему, описывая по существу одно и то же деяние, законодатель в разных кодексах использует разную терминологию, тем самым, по справедливому мнению, Е.В. Безручко и Н.Г. Осадчей, нарушаются правила законодательной техники¹⁰⁷.

Таким образом, действующее уголовное и административное законодательство требует дальнейшего переосмысления и реформирования. Нельзя не заметить отсутствие согласованности административных и уголовно-правовых мер борьбы с распространением заведомо ложной информации в условиях пандемии и других чрезвычайных обстоятельств, о которых идет речь в рассматриваемых статьях.

Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30 апреля 2020 г.) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

¹⁰⁷ Безручко Е.В., Осадчая Н.Г. Проблемы регламентации ответственности за распространение заведомо ложной информации в условиях эпидемии и других чрезвычайных обстоятельств // Юрист-Правоведъ. 2021. № 1.

На основании изложенного необходимо сделать следующие основные выводы:

1) непосредственный объект состава преступления, регламентированного ст. 207¹ УК РФ, образуют общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением общественной безопасности (основной непосредственный объект) и общественные отношения, возникающие по поводу обеспечения психологического здоровья населения (дополнительный непосредственный объект);

2) предмет состава преступления, предусмотренного ст. 207¹ УК РФ, должен отвечать сложной структуре взаимосвязанных требований: информация должна быть ложной, преподноситься под видом достоверной и касаться определенных обстоятельств, свидетельствующих об опасности. Отсутствие какого-либо из перечисленных признаков исключает квалификацию содеянного по ст. 207¹ УК РФ;

3) имеющееся в уголовно-правовой науке мнение о том, что только официальная информация может быть признана достоверной не основано на буквальном толковании уголовного закона. Диспозиция ст. 207¹ УК РФ подобных указаний не содержит. Практика, конечно же, как правило, «мерилом» достоверности информации считает ее происхождение из официальных государственных источников. Например, гипотетически можно представить ситуацию, при которой лицо выступало очевидцем определенных событий и в дальнейшем распространило сведения о них. В таком случае, даже если его информация не будет совпадать с официальной, признаки состава данного преступления отсутствуют. Таким образом, под ложной информацией необходимо понимать информацию, противоречащую объективной действительности, независимо от источников ее происхождения;

3) указание о ложности распространяемой информации не означает в изучаемом случае, что вся передаваемая информация должна состоять из ложных сведений. В современном информационном мире наибольший «эффект»

от ложной информации зачастую достигается при ее тщательной маскировке под истинную, в том числе при смешивании действительной и искаженной информации;

4) оригинальным признаком анализируемого преступления является указание на необходимость придания распространяемой информации вида достоверной. Эта цель достигается, как правило, ссылкой на источник происхождения конкретной информации. Например, информация, якобы, получена от должностных лиц органов государственной власти. Альтернативным способом придания достоверного вида предмету данного преступления является оформление сведений как официальных, исходящих от компетентных субъектов. Следовательно, если распространяемая информация преподносится как достоверная, но в подтверждение достоверности не предъявляются какие-нибудь из перечисленных выше обстоятельств, то содеянное исключает квалификацию по ст. 207¹ УК РФ;

5) распространение каких-либо оценочных суждений, обсуждение проблем, размышление о них не может квалифицироваться в качестве распространения заведомо ложной информации. Неотъемлемой характеристикой ложности информации является то, что она представляет собой утверждения о фактах. Только в таком случае можно констатировать распространение заведомо ложной информации¹⁰⁸.

¹⁰⁸ См. также: Ильяшенко Е.А. Предмет состава публичного распространения заведомо ложной информации об опасности // Уголовное право в системе межотраслевых связей: проблемы теории и правоприменения: материалы XIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 26-27 мая 2022 г. М.: Юрлитинформ, 2022. С. 208-211; Ильяшенко Е.А. Уголовно-правовая характеристика публичного распространения заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан // Юристы-Правоведь. 2022. № 4. С. 187-191; Ильяшенко Е.А. Уголовная и административная ответственность за распространение заведомо ложной общественно значимой информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан: проблемы межотраслевого разграничения // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: Сборник материалов XI Международной научно-практической конференции / Отв. ред. А.В. Бриллиантов. М.: РГУП, 2024. С. 133-138.

2.3. Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия

Появление в отечественном уголовном законодательстве нормы об ответственности за публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия, обычно связывается с пандемией коронавирусной инфекции¹⁰⁹. Однако очевидно, что буквальное содержание уголовно-правового предписания, сформулированного в ст. 207² УК РФ¹¹⁰, не имеет прямой привязки к указанному явлению. Данная норма уголовного закона охраняет широкий спектр общественных отношений, где весомым значением обладает информация.

В свете относительной новизны данной уголовно-правовой нормы весьма актуальным является юридическое исследование особенностей состава преступления, ею предусматриваемого. При этом, по данным ГИАЦ МВД России, за время действия этого уголовно-правового запрета был зарегистрирован лишь один случай публичного распространения заведомо ложной общественно значимой информации, повлекший тяжкие последствия (в 2022 г.). Такие статистические показатели свидетельствуют о наличии проблем правоприменительного плана либо законодательно-технических погрешностей. Исследование уголовно-правовой характеристики данного состава преступления позволит подтвердить или опровергнуть высказанную гипотезу о причинах низкой эффективности рассматриваемой нормы уголовного закона.

Исходя из расположения ст. 207² УК РФ в главе о преступлениях против общественной безопасности, следует вывод о том, что законодатель признал данное преступление посягательством на состояние защищенности жизненно

¹⁰⁹ Ильяшенко А.Н., Хисамова З.И. О некоторых аспектах привлечения к уголовной ответственности за распространение fake news в социальных сетях в условиях пандемии // Российский следователь. 2020. № 9. С. 12-15.

¹¹⁰ Лихачев Н.А. Уголовно-правовое противодействие преступлениям в сфере обеспечения информационной безопасности: законодательный, правоприменительный и доктринальный аспекты: Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2024. С. 98.

важных интересов личности, общества или государства, то есть на общественную безопасность.

Как пишет А.П. Кузнецов, непосредственный объект данного преступления образуют «общественные отношения в области получения достоверной общественно значимой информации об охране жизни и здоровья населения»¹¹¹. Представляется, что такое видение непосредственного объекта анализируемого преступления предопределено главным образом историческим толкованием появления уголовно-правовой нормы, предусмотренной ст. 207² УК РФ. Соответствующие процессы распространения пандемии непременно накладывали отпечаток на понимание таких предписаний. На сегодняшний день, когда пандемия уже перестала быть резонансным явлением, на первый план выходят многие другие политические, социальные, экономические процессы. И в этих условиях видится целесообразным расширить понимание непосредственного объекта данного преступления за счет отказа от характеристики соответствующей информации как связанной с охраной жизни и здоровья населения.

Полагаем, что при совершении данного преступления нарушаются те же общественные отношения, что поставлены под охрану в рамках ст. 207¹ УК РФ. Это общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением информационной безопасности. Посредством анализируемого уголовно-правового запрета обеспечивается состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства. Соответственно, дезинформация в этой сфере посягает на общественную безопасность.

Следовательно, основной непосредственный объект состава распространения ложной информации образуют общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением общественной безопасности.

При этом особенностью преступления, установленного ст. 207² УК РФ, являются его общественно опасные последствия в виде вреда здоровью человека,

¹¹¹ Кузнецов А.П. Уголовно-правовая охрана общественной безопасности: научный обзор ст. 207.2 УК РФ // Российский следователь. 2020. №11. С. 28-31.

смерти или иных тяжких последствий. Наличие таких последствий в качестве обязательного признака состава преступления обуславливает необходимость выделения соответствующего дополнительного объекта в виде жизни и здоровья человека, а также собственности, нормальной деятельности различных организаций, учреждений, транспорта и т.д.

Одним из базовых признаков состава рассматриваемого преступления является его предмет, который обозначен в законе как общественно значимая информация. Следует отметить, что в смежном преступлении, предусмотренном ст. 207¹ УК РФ, в качестве предмета закреплена не общественно значимая информация, а информация об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств, и в примечании к этой статье сформулировано определение данной информации. Зачастую эта формулировка включается в определение общественно значимой информации¹¹². На наш взгляд, такой подход в целом возражений не вызывает. Более того, имеется сомнение в целесообразности расширения понимания общественно значимой информации за счет включения в нее помимо информации, предусмотренной примечанием к ст. 207¹ УК РФ, еще и сведений о деятельности государственных и муниципальных органов. По нашему мнению, общественно значимая информация о деятельности таковых полностью охватывается дефиницией, регламентированной названным примечанием.

Информация, образующая предмет преступления, предусмотренного ст. 207² УК РФ, преподносится под видом достоверной. Верховный Суд РФ в качестве примеров указал, что эти признаки могут быть установлены при ссылках на

¹¹² Мотрович И.Д., Васильева Н.Л. Общественно значимая информация: проблемы терминологии в российском законодательстве // Административное право и процесс. 2022. № 10. С. 39-42.

достоверные источники, выступления публичных компетентных лиц, а также в случаях подделки информации – аудио, фото и видеофайлов¹¹³.

А.И. Терских обращает внимание на то, что законодатель не связывает ложность сведений с их несоответствием официальным источникам информации¹¹⁴. Тем самым не исключается, что источником заведомо ложной общественно значимой информации могут быть, в том числе, должностные лица государственных органов или организаций.

С объективной стороны преступление, регламентированное ст. 207² УК РФ, характеризуется материальной конструкцией: вследствие публичного распространения информации, образующей предмет данного преступления, причиняется вред здоровью человека (ч. 1 ст. 207² УК РФ), смерть или иные тяжкие последствия (ч. 2 ст. 207² УК РФ).

Распространение информации обычно подразумевает ее передачу любым лицам. Вместе с тем публичное распространение информации подразумевает уже ее доведение до сведения множества лиц. Узловым вопросом в этом контексте является проблема понимания публичности, в особенности – установление минимального количества адресатов, необходимого для констатации публичности распространения общественно значимой информации. В современном мире, наполненном различными средствами электронной коммуникации, включая вариации группового общения в чатах, мессенджерах, требуется определение рамок соответствующего публичного распространения информации.

Верховным Судом РФ даны разъяснения, согласно которым публичность распространения информации должна быть констатирована при условии, что адресатом соответствующих сведений являются неограниченный круг лиц или же определенная группа людей. При этом распространение должно быть

¹¹³ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории РФ новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 6.

¹¹⁴ Терских А.И. Уголовный закон в реалиях информационного общества: новости фейковые наказание реальное // Законность. 2022. № 8. С. 32-37.

осуществлено в любой доступной форме, включая распространение через мессенджеры¹¹⁵.

Указание на неограниченный круг лиц, как правило, не вызывает сложностей правоприменительного плана. Это множество лиц, воспринимающих заведомо ложную общественно значимую информацию. Другое дело ссылка на группу людей – здесь ситуация обстоит несколько сложнее, ведь, два человека – это уже группа лиц. Но тут возникает вопрос, достаточно ли, например, двух адресатов для установления признаков публичного распространения негативной информации.

В юридической литературе критикуется возможность установления признака публичности в ситуациях распространения информации в мессенджерах, поскольку в таком случае остается открытым вопрос о констатации данного признака в зависимости от того, в личном или групповом чате была распространена соответствующая информация, а также возникает вопрос о необходимом минимальном количестве человек, которым эта информация была доведена¹¹⁶.

На наш взгляд, эта критика является небеспочвенной. В качестве примера можно привести семейный чат в каком-либо из популярных мессенджеров, участниками которого могут быть лишь несколько человек. Распространение любой информации в нем не представляется возможным идентифицировать в качестве публичного распространения. Это ограниченный семейными рамками круг общения, к которому не имеют доступ посторонние лица.

Таким образом, публичность распространения общественно значимой информации может быть установлена только в случаях передачи информации неопределенному кругу лиц либо определенной группе, но состоящей из

¹¹⁵ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории РФ новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 6.

¹¹⁶ Терских А.И. Уголовный закон в реалиях информационного общества: новости фейковые наказание реальное // Законность. 2022. № 8. С. 32-37.

множества лиц, не находящихся в родственно-семейных связях или в иных близких отношениях.

Преступление, запрещенное ст. 207² УК РФ, является оконченным с момента наступления общественно опасных последствий, предусмотренных законом, в виде вреда здоровью человека, смерти или иных тяжких последствий. Наличие перечисленных признаков объективной стороны весьма отягощает применимость изучаемого уголовно-правового предписания. Проблема состоит в том, что весьма сложно установить причинно-следственную связь между деянием, состоящим в распространении фейковой информации, и обозначенными общественно опасными последствиями. Особенно, если вести речь про вред здоровью или смерть человека. Что же касается иных тяжких последствий, то в тексте уголовного закона их понимание не раскрывается, поэтому установление данных общественно опасных последствий зависит от конкретных обстоятельств дела. Например, признаки тяжких последствий могут образовывать серьезные транспортные сбои, нарушения логистических цепочек, отток населения и т.п. Имеются основания полагать, что такие последствия в большей степени присущи фактам распространения ложной общественно значимой информации, и несмотря на определенные сложности потенциально может быть установлена причинно-следственная связь между деянием и соответствующими общественно опасными последствиями.

На наш взгляд, именно ввиду сложностей установления причинно-следственной связи в данном составе преступления предопределяет его практически нулевую применимость на протяжении четырех лет действия соответствующей уголовно-правовой нормы. Подтверждением сказанному может служить относительно обширная практика применения смежных составов преступлений, предусмотренных ст. 207¹ и 207³ УК РФ. В обозначенных составах преступлений общественно опасные последствия не являются обязательными признаками, что в условиях фактической распространенности подобных деяний предопределяет определенную статистическую массу уголовных дел этих

категорий. Одновременно необходимость установления предусмотренных законом последствий, а тем более выявления причинно-следственной связи этих последствий с деянием, на практике оказалась фактором, блокирующим применение ст. 207² УК РФ¹¹⁷.

Следует подчеркнуть, что установление обозначенных общественно опасных последствий и причинно-следственной связи с деянием предreshает вопрос о выборе между нормами, предусмотренными ст. 207¹ и 207² УК РФ. Верховным Судом РФ дано однозначное разъяснение о том, что в случае причинения по неосторожности вреда здоровью человека, смерти или иных тяжких последствий в результате распространения заведомо ложной общественно значимой информации содеянное подлежит квалификации только по ст. 207² УК РФ¹¹⁸.

Вместе с тем, изложенные разъяснения при неустановлении общественно опасных последствий и причинно-следственной связи деяния с ними позволяют квалифицировать деяния, потенциально охватываемые ст. 207² УК РФ, по ст. 207¹ УК РФ.

При таких обстоятельствах очевидно, что уголовно-правовая норма, предусмотренная ст. 207² УК РФ, по сути, выполняет роль нормы, содержащей квалифицированный вид преступления, закрепленного ст. 207¹ УК РФ. Целесообразность такого законодательного решения вызывает обоснованные сомнения, особенно во взаимосвязи с фактической неприменяемостью рассматриваемого уголовно-правового предписания.

Признаки субъекта в рассматриваемой норме уголовного закона не конкретизируются, что позволяет сделать вывод об общем субъекте состава

¹¹⁷ Сизо З.М. Уголовно-правовое регулирование в условиях пандемии: проблемы теории и практики: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2023. С. 11.

¹¹⁸ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 5; Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории РФ новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 6.

распространения заведомо ложной общественно значимой информации. Нередко достоверный вид распространяемой информации придается за счет указания на ее официальный источник. В этом контексте распространение ложной информации, совершенное непосредственно должностным лицом какого-либо государственного органа, будет отличаться большей степенью кажущейся достоверности. Какие-либо препятствия для признания подобного лица субъектом анализируемого преступления отсутствуют. В этой связи не исключается уголовно-правовая оценка по ст. 207² УК РФ деяния лица, обладающего определенными служебными полномочиями.

С субъективной стороны преступление, предусмотренное ст. 207² УК РФ, требует обязательного установления ряда обстоятельств. Во-первых, виновный в совершении рассматриваемого преступления должен осознавать, что распространяет соответствующую информацию публично. В этом контексте важно выявить, что субъект целенаправленно транслировал определенную ложную информацию в адрес множества лиц. Во-вторых, обязательным выступает понимание ложности распространяемых сведений, что означает знание лица о несоответствии их действительности. Для квалификации содеянного по ст. 207² УК РФ требуется установление достоверного знания виновного о том, что распространяемая им информация является ложной¹¹⁹. Добросовестное заблуждение лица относительно реальности распространяемой информации исключает наличие признаков данного преступления. В-третьих, неотъемлемым атрибутом криминального распространения заведомо ложной информации является ее преподнесение слушателям в качестве достоверной информации. Это подразумевает убеждение адресатов в истинности сообщаемых сведений.

Подводя итог, представляется целесообразным сделать следующие основные выводы:

¹¹⁹ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории РФ новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 6.

1) основной непосредственный объект состава распространения ложной информации, предусмотренного ст. 207² УК РФ, образуют общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением общественной безопасности;

2) особенностью преступления, установленного ст. 207² УК РФ, являются его общественно опасные последствия в виде вреда здоровью человека, смерти или иных тяжких последствий. Наличие таких последствий в качестве обязательного признака состава преступления обуславливает необходимость выделения соответствующего дополнительного объекта в виде жизни и здоровья человека, а также собственности, нормальной деятельности различных организаций, учреждений, транспорта и т.д.;

3) публичность распространения общественно значимой информации может быть установлена только в случаях передачи информации неопределенному кругу лиц либо определенной группе, но состоящей из множества лиц, не находящихся в родственно-семейных связях или в иных близких отношениях;

4) наличие в числе обязательных признаков объективной стороны вреда здоровью человека, смерти или иных тяжких последствий весьма отягощает применимость данного уголовно-правового предписания. Проблема состоит в том, что весьма сложно установить причинно-следственную связь между деянием, состоящим в распространении фейковой информации, и обозначенными общественно опасными последствиями. Особенно, если вести речь про вред здоровью или смерть человека. Что же касается иных тяжких последствий, то в тексте уголовного закона их понимание не раскрывается, поэтому установление данных общественно опасных последствий зависит от конкретных обстоятельств дела. Например, признаки тяжких последствий могут образовывать серьезные транспортные сбои, нарушения логистических цепочек, отток населения и т.п. Имеются основания полагать, что такие последствия в большей степени присущи фактам распространения ложной общественно значимой информации, и несмотря на определенные сложности потенциально может быть установлена причинно-

следственная связь между деянием и соответствующими общественно опасными последствиями;

5) установление общественно опасных последствий и их причинно-следственной связи с деянием предрешает вопрос о выборе между нормами, предусмотренными ст. 207¹ и 207² УК РФ. Верховным Судом РФ дано однозначное разъяснение о том, что в случае причинения по неосторожности вреда здоровью человека, смерти или иных тяжких последствий в результате распространения заведомо ложной общественно значимой информации содеянное подлежит квалификации только по ст. 207² УК РФ.

Вместе с тем изложенные разъяснения при неустановлении общественно опасных последствий позволяют квалифицировать деяния, потенциально охватываемые ст. 207² УК РФ, по ст. 207¹ УК РФ. При таких обстоятельствах очевидно, что уголовно-правовая норма, предусмотренная ст. 207² УК РФ, по сути, выполняют роль нормы, содержащей квалифицированный вид преступления, закрепленного ст. 207¹ УК РФ. Целесообразность такого законодательного решения вызывает обоснованные сомнения, особенно во взаимосвязи с фактической неприменяемостью рассматриваемого уголовно-правового предписания¹²⁰.

¹²⁰ См. также: Ильяшенко Е.А. Уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия // Российский следователь. 2023. № 5. С. 20-23.

**2.4. Публичное распространение заведомо ложной информации
об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации,
исполнении государственными органами Российской Федерации
своих полномочий, оказании добровольческими формированиями,
организациями или лицами содействия в выполнении задач,
возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации
или войска национальной гвардии Российской Федерации**

В современном мире информация является одним из наиболее ценных ресурсов, а зачастую эффективным способом управления людьми, группами людей или всем обществом. В этих условиях Конституцией РФ гарантирована свобода информации во избежание неправомерного ограничения ее распространения и использования.

Однако в условиях интенсивной цифровизации многих процессов, в том числе путей и способов распространения массовой информации, обозначились серьезные риски бесконтрольного распространения недостоверной информации. Общество столкнулось с возрастающим потоком ложных сведений, спектр которых весьма широк, начиная с дружелюбных шуток и достигая информации о резонансных и чувствительных аспектах жизнедеятельности общества. И, пожалуй, отправной точкой для принятия законодательных решений, ориентированных на недопущение распространения ложной общественно значимой информации, стала пандемия 2020 г.

Именно в этот период российский уголовный закон пополнился предписаниями об ответственности за распространения заведомо ложной общественно значимой информации (ст. 207¹ и 207² УК РФ). А в последующем, когда началась специальная военная операция, актуализировалась и проблема противодействия распространению недостоверной информации о деятельности Вооруженных Сил РФ. Так называемые «фейки» дестабилизовали ситуацию в обществе и были ориентированы на нагнетание обстановки, нарушение

общественного спокойствия¹²¹. Законодательным ответом на новые вызовы выступило установление уголовно-правового запрета на распространение заведомо ложной информации о деятельности Вооруженных Сил РФ¹²² (ст. 207³ УК РФ).

По конструкции основного состава преступления данное общественно опасное деяние ближе к преступлению, предусмотренному ст. 207¹ УК РФ, поскольку не требует наступления каких-либо общественно опасных последствий. Что же касается характеристик непосредственно деяния, как признака объективной стороны состава преступления, то оно тождественно в преступлениях, регламентированных ст. 207¹–207³ УК РФ, – это публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации.

Вместе с тем главной отличительной чертой исследуемых преступлений выступает их предмет – который в общественно опасном деянии, запрещенном ст. 207³ УК РФ, образует информация о деятельности Вооруженных Сил РФ¹²³. И если в преступлениях, предусмотренных ст. 207–207² УК РФ, эта информация представляет собой сведения об угрозах для населения, то в данном случае предметом преступления являются заведомо ложные сведения о деятельности Вооруженных Сил РФ.

В порядке иллюстрации приведем выдержки из материалов следующего уголовного дела по обвинению Б. в совершении ряда преступлений, предусмотренных п. «д» ч. 2 ст. 207³ УК РФ. Б. активно участвовал в сети

¹²¹ Козаев Н.Ш., Табакова Н.А. Особенности уголовной ответственности за публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий (ст. 207³ УК РФ) // Общество и право. 2022. № 2 (80). С. 48-49; Конин В.В., Корсаков К.А., Сидоренко Е.В. Некоторые вопросы, касающиеся преступлений, направленных на публичное распространение заведомо ложной информации (ст. 207¹, 207², 207³ УК РФ) // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2023. № 2. С. 18-31.

¹²² В статье имеется в виду преступление, предусмотренное ст. 207³ УК РФ. Формулировка «распространение заведомо ложной информации о деятельности Вооруженных Сил РФ» используется условно для упрощения восприятия названия указанного преступления.

¹²³ Формулировка «информация о деятельности Вооруженных Сил РФ» используется нами условно в целях избежания массивного описания признаков предмета состава преступления, изложенных в диспозиции ч. 1 ст. 207³ УК РФ.

интернет в политической жизни РФ, путем размещения различных публикаций в социальных сетях. Б. отрицательно относится к Президенту РФ Путину В.В., его внешней и внутренней политике, считает действующую власть не легитимной и не законной, а также отрицательно относится к проводимой Вооруженными Силами РФ специальной военной операции на территории Украины, считает, что РФ ведет войну с Украиной, осуществляя геноцид украинского народа. Поскольку Б. не согласен с действиями властей, действиями Вооруженных сил РФ, которые, как известно из официальных источников, нейтрализуют исключительно военную инфраструктуру Вооруженных Сил Украины и ее незаконные вооруженные формирования, Б. специально размещал публикации в интернете, где указывал про действия Вооруженных Сил РФ.

В материалах уголовного дела имеется ссылка на информацию Заместителя начальника Главного оперативного управления ГШ ВС РФ, из которой следует, что основной целью специальной военной операции является оказание помощи народу Луганской и Донецкой народных республик; задач, направленных на борьбу с мирным гражданским населением Украины, военнотружущим ВС РФ не ставится; сведения о причастности военнотружущих ВС РФ к случаям насильственных действий в отношении мирного гражданского населения на территории Украины, целенаправленному уничтожению объектов гражданской и социальной инфраструктуры в городах Буча, Ирпень и Чернигов, а также иным военными преступлениями не соответствуют действительности.

По результатам проведенных исследований эксперты пришли к выводам о наличии в высказываниях Б. информации о действиях Вооруженных сил РФ, выраженной в форме утверждения о совершении военнотружущими Вооруженных сил РФ массового физического уничтожения гражданского населения в ходе специальной военной операции на территории Украины¹²⁴.

¹²⁴ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16.04.2024 № 77-1478/2024 (УИД 50RS0028-01-2023-004502-73) // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

Имеются основания полагать, что нарушение общественной безопасности в результате совершения анализируемого преступления проявляется в создании панических настроений. Распространение заведомо ложной информации о неконституционном применении Вооруженных Сил РФ способно вызвать беспокойство среди населения, пошатнуть уверенность в защищенности нашего государства.

В этой связи, на наш взгляд, отношения, складывающиеся в связи с обеспечением общественной безопасности, образуют основной непосредственный объект данного преступления. Вместе с тем данный объект не является единственным в этом составе преступления. Объясняется это тем, что распространение заведомо ложной информации о деятельности Вооруженных Сил РФ непременно оказывает соответствующее дискредитирующее воздействие. В итоге, наряду с нарушением общественной опасности, негативному воздействию подвергаются общественные отношения, возникающие по поводу поддержания авторитета, доблести и уважения Вооруженных Сил РФ. Данные общественные отношения необходимо признать дополнительным непосредственным объектом состава преступления, предусмотренного ст. 207³ УК РФ. Такого же мнения придерживаются и 80 % респондентов, опрошенных в ходе проведенного нами исследования.

Предмет состава распространения заведомо ложных сведений о деятельности Вооруженных Сил РФ образует соответствующая заведомо ложная информация, преподносимая под видом достоверных сведений. Согласно тексту диспозиции ч. 1 ст. 207³ УК РФ, содержанием такой информации являются сведения о следующем:

- 1) об использовании Вооруженных Сил РФ в целях защиты интересов РФ и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности;
- 2) об исполнении государственными органами РФ своих полномочий за пределами РФ в целях защиты интересов РФ и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности;

3) об оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы РФ или войска национальной гвардии РФ.

Одной из примечательных особенностей рассматриваемого состава преступления выступает расширенная дифференциация уголовной ответственности в сравнении с иными деяниями, связанными с распространением заведомо ложной общественно значимой информации. Так, в ч. 2 ст. 207³ УК РФ закреплены пять квалифицированных видов распространения ложной информации о деятельности Вооруженных Сил РФ и еще один особо квалифицированный вид предусмотрен в части 3 данной статьи.

Пунктом «а» ч. 2 ст. 207³ УК РФ предусмотрена ответственность за совершение анализируемого деяния лицом с использованием своего служебного положения. Наличие данного квалифицирующего признака представляется вполне оправданным, поскольку распространение информации лицом, наделенным определенным статусом управленца в государственном или негосударственном образовании, придает такой информации более весомую значимость. В обществе имеется кредит доверия к должностным лицам, руководителям, так как считается, что они обладают большим доступом к общественно значимой информации. Одновременно лицо, наделенное служебным положением, которое используется для распространения ложной информации о деятельности Вооруженных Сил РФ, обладает большим уровнем ответственности перед подчиненными коллективами.

Групповой способ распространения ложной информации о деятельности Вооруженных Сил РФ по общему правилу подразумевает наличие не менее двух соисполнителей. Следовательно, квалификация по п. «б» ч. 2 ст. 207³ УК РФ возможна только в случаях, когда два или более лица согласованно распространяют заведомо ложную информацию о деятельности Вооруженных Сил РФ. По нашему мнению, это возможно, например, в случаях одновременного участия в выступлении на телевидении или в интернет-эфире (с использованием

стриминговых платформ, социальных сетей и т.п.) двух или более лиц. Согласованное публичное выступление двух или более лиц, как правило, внушает большее доверие аудитории. Отсюда можно констатировать и повышенную общественную опасность рассматриваемого деяния при групповом способе его совершения. Вместе с тем на уровень общественной опасности косвенно также влияет и тот факт, что групповое публичное выступление зачастую подразумевает наличие авторитетных спикеров (выступающих) из числа известных политических или общественных деятелей.

В юридической литературе наибольшее внимание уделяется такому квалифицирующему признаку преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 207³ УК РФ, как его совершение с искусственным созданием доказательств обвинения.

Так, Н.Н. Бугера, А.А. Лихолетов и Е.А. Лихолетов, анализируя содержание квалифицирующего признака, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 207³ УК РФ, пришли к выводу о его некорректной формулировке. Авторы задаются вопросом: «кого и в чем обвиняет распространитель информации?». И далее предлагают изменение соответствующего положения посредством указания на искусственное «создание доказательств, подтверждающих достоверность таких сообщений»¹²⁵.

На наш взгляд, изложенное замечание небеспочвенно, поскольку в существующем виде происходит смешение таких традиционных для отечественного уголовного права деяний как клевета (распространение заведомо ложных сведений) и заведомо ложный донос. В последнем составе преступления присутствует аналогичный квалифицирующий признак «с искусственным созданием доказательств обвинения» (ч. 3 ст. 306 УК РФ). Только социально-юридическая сущность заведомо ложного сообщения о деятельности Вооруженных Сил РФ очевидно не предопределена попыткой привлечения

¹²⁵ Бугера Н.Н., Лихолетов А.А., Лихолетов Е.А. Публичное распространение заведомо ложной информации о деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации: некоторые вопросы толкования уголовного закона // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 2 (61). С. 25-30.

кого-либо к ответственности, а состоит в дискредитации Вооруженных Сил РФ, иных государственных структур и добровольческих формирований.

Как пишет, А.И. Родионов, «искусственным созданием доказательств обвинения в рамках изучаемой нормы может быть признано подбрасывание орудий преступления на место проведения военных действий, оставление на месте происшествия предметов, принадлежавших российским военнослужащим, подговор будущих свидетелей по уголовному делу, изготовление поддельных доказательств. Ярким примером инсценировки массового уничтожения мирных жителей Украины российскими военными являются распространенные через западные СМИ Министерством обороны Украины видеозаписи, снятые в г. Буча Киевской области»¹²⁶.

Исходя из существующей конструкции нормы, предусмотренной ст. 207³ УК РФ, предложенное толкование квалифицирующего признака «с искусственным созданием доказательств обвинения», по нашему мнению, соответствует букве закона. Хотя правы и те авторы, которые указывают на имеющиеся погрешности. Причем такие погрешности связаны не только с вопросами определения социально-юридической природы такого преступления, но и с практическими аспектами. В первую очередь правоприменитель будет сталкиваться с проблемой разграничения преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 207³ и ч. 3 ст. 306 УК РФ.

Корыстные побуждения как квалифицирующий признак состава распространения заведомо ложной информации о деятельности Вооруженных Сил РФ (п. «г» ч. 2 ст. 207³ УК РФ) имеет классическое содержание. Виновный в таком случае совершает данное преступление, стремясь извлечь из этого материальную выгоду. Это возможно посредством подкупа потенциального спикера, выплаты ему вознаграждения. Повышенная общественная опасность

¹²⁶ Родионов А.И. Уголовно-правовая характеристика публичного распространения заведомо ложной информации об использовании вооруженных сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий // Вестник Югорского государственного университета. 2022. Выпуск 4 (67). С. 38.

такого деяния объясняется тем, что автор соответствующих высказываний доводит до сведения аудитории заведомо недостоверные сведения не из каких-либо, например, идейных соображений, а распространяет ложь за плату.

Корыстные побуждения являются не единственным квалифицирующим признаком изучаемого преступления, обусловленным мотивацией виновного лица. Законодатель включил в число отягчающих ответственность обстоятельств факт распространения заведомо ложных сведений о деятельности Вооруженных Сил РФ из экстремистских побуждений (п. «д» ч. 2 ст. 207³ УК РФ).

Вполне очевидно, что ложь может распространяться практически бесцельно, за материальное вознаграждение, а также по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

А.И. Родионов в качестве примера преступления, предусмотренного п. «д» ч. 2 ст. 207³ УК РФ, приводит ситуацию, когда «виновное лицо при размещении ложной информации о деятельности ВС РФ в сети «Интернет» одновременно выкладывало в общий доступ оскорбительные для национальных чувств и традиций российского общества высказывания, унижительные стереотипы о российских военных или гражданах в целом»¹²⁷.

Однако этот традиционный для современного российского уголовного законодательства квалифицирующий признак, очевидно, включен в текст ст. 207³ УК РФ без необходимой адаптации. В частности, сложности возникают в связи с трактовкой применительно к исследуемому преступлению возможности его совершения, например, по мотиву национальной или религиозной ненависти или вражды. Ведь, если речь ведется о Вооруженных Силах РФ, то они не отличаются какой-либо одной национальностью или религией. Что же касается побуждений,

¹²⁷ Родионов А.И. Уголовно-правовая характеристика публичного распространения заведомо ложной информации об использовании вооруженных сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий // Вестник Югорского государственного университета. 2022. Выпуск 4 (67). С. 40.

основанных на политике, идеологии либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, то эти признаки вполне могут присутствовать при совершении анализируемого преступления.

Вместе с тем возникает и вопрос о характерности данного квалифицирующего признака для большинства деяний, обладающих признаками преступления, предусмотренного ст. 207³ УК РФ. Этот экстремистский мотив может отсутствовать, когда он замещен корыстными побуждениями, но в других случаях он может стать преобладающим.

Определенная специфика имеется и в таком традиционном для отечественного уголовного права квалифицирующем признаке как наступление тяжких последствий в контексте ч. 3 ст. 207³ УК РФ. К таким последствиям может быть отнесена гибель военнослужащих, совершение террористических и диверсионных актов, нарушение работы транспорта и систем жизнеобеспечения населения и т.п.

Таким образом, дифференциация уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 207³ УК РФ, имеет расширенный вид в сравнении с иными преступлениями, состоящими в распространении заведомо ложной общественно значимой информации, и учитывает опыт существования таковых. Одновременно не исчерпан и потенциал для дальнейшего совершенствования соответствующих квалифицирующих обстоятельств.

Федеральным законом от 14 февраля 2024 г. № 11-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в целях пресечения финансирования преступлений, а также иной деятельности, направленных против безопасности Российской Федерации, дополнен перечень преступлений, по которым возможно изъятие активов, предусмотренных п. «а» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ. Согласно изменениям теперь суд вправе конфисковать имущество за распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил РФ, исполнении госорганами своих полномочий и публичные призывы

к осуществлению деятельности против безопасности государства, совершенных из корыстных побуждений.

Как указано в пояснительной записке федерального закона¹²⁸, аналогичный подход уже установлен в уголовном законодательстве в целях пресечения финансирования терроризма, экстремистской деятельности, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации). Как отмечал председатель Государственной Думы РФ В.В. Володин, законопроект был направлен на лиц, которые «предали свою родину... находятся за границей, доходы получают за счет собственности, недвижимости, находящейся на территории нашей страны»¹²⁹.

Важно отметить, что конфискация имущества возможна только за публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации о деятельности Вооруженных Силах РФ, совершенное из корыстных побуждений, то есть за совершение преступления, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 207³ УК РФ.

На основании изложенного представляется целесообразным сделать следующие основные выводы:

1) отношения, складывающиеся в связи с обеспечением общественной безопасности, образуют основной непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 207³ УК РФ. Нарушение общественной безопасности в данном случае проявляется в создании панических настроений. Распространение заведомо ложной информации о неконституционном применении Вооруженных Сил РФ способно вызвать беспокойство среди населения, пошатнуть уверенность в защищенности нашего государства;

¹²⁸ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: sozd.duma.gov.ru (дата обращения 24.03.2024).

¹²⁹ Что означает закон о конфискации за фейки об армии [Электронный ресурс]. URL: https://region15.ru/columnist_article/chto-oznachaet-zakon-o-konfiskatsii-za-fejki-ob-armii/ (дата обращения 24.03.2024).

2) распространение заведомо ложной информации о деятельности Вооруженных Сил РФ непременно оказывает соответствующее дискредитирующее воздействие. В итоге, наряду с нарушением общественной безопасности, негативному воздействию подвергаются общественные отношения, возникающие по поводу поддержания авторитета, доблести и уважения Вооруженных Сил РФ. Данные общественные отношения необходимо признать дополнительным непосредственным объектом состава преступления, предусмотренного ст. 207³ УК РФ;

3) групповой способ распространения ложной информации о деятельности Вооруженных Сил РФ по общему правилу подразумевает наличие не менее двух соисполнителей. Следовательно, квалификация по п. «б» ч. 2 ст. 207³ УК РФ возможна только в случаях, когда два или более лица согласованно распространяют заведомо ложную информацию о деятельности Вооруженных Сил РФ. По нашему мнению, это возможно, например, в случаях одновременного участия в выступлении на телевидении или в интернет-эфире (с использованием стриминговых платформ, социальных сетей и т.п.) двух или более лиц. Согласованное публичное выступление двух или более лиц, как правило, внушает большее доверие аудитории. Отсюда можно констатировать и повышенную общественную опасность рассматриваемого деяния при групповом способе его совершения;

4) в существующем виде квалифицированного состава распространения заведомо ложных сведений о деятельности Вооруженных Сил РФ, совершенного с искусственным созданием доказательств обвинения (п. «в» ч. 2 ст. 207³ УК РФ), происходит смешение таких традиционных для отечественного уголовного права деяний как клевета (распространение заведомо ложных сведений) и заведомо ложный донос. В последнем составе преступления присутствует аналогичный квалифицирующий признак «с искусственным созданием доказательств обвинения» (ч. 3 ст. 306 УК РФ). Только социально-юридическая сущность заведомо ложного сообщения о деятельности Вооруженных Сил РФ очевидно не

предопределена попыткой привлечения кого-либо к ответственности, а состоит в дискредитации Вооруженных Сил РФ, иных государственных структур и добровольческих формирований;

5) традиционный для современного российского уголовного законодательства квалифицирующий признак в виде совершения преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (п. «д» ч. 2 ст. 207³ УК РФ), очевидно, включен в текст ст. 207³ УК РФ без необходимой адаптации. В частности, сложности возникают в связи с трактовкой применительно к исследуемому преступлению возможности его совершения, например, по мотиву национальной или религиозной ненависти или вражды. Ведь, если речь ведется о Вооруженных Силах РФ, то они не отличаются какой-либо одной национальностью или религией. Что же касается побуждений, основанных на политике, идеологии либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, то эти признаки вполне могут присутствовать при совершении анализируемого преступления¹³⁰.

¹³⁰ См. также: Ильяшенко Е.А. Квалифицированные виды состава преступления, связанного с распространением заведомо ложной информации о Вооруженных Силах Российской Федерации // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2024. № 3. Москва: Издательство Проспект, 2024. С. 126-132; Ильяшенко Е.А. Конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера, применяемая к лицам, совершившим преступления, связанные с распространением заведомо ложной информации о Вооруженных силах и войсках национальной гвардии Российской Федерации // Юрист-Правовед. 2024. № 4. С. 124-128.

ГЛАВА 3. ОСНОВНЫЕ ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СВЯЗАННЫМ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЙ ОБЩЕСТВЕННО ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ

3.1. Особенности квалификации преступлений, связанных с распространением заведомо ложной общественно значимой информации

С началом пандемии новой коронавирусной инфекции в обществе получила большое распространение информация об этом необычном явлении, которая часто включала в себя недостоверные сведения. Смешение действительной и вымышленной информации создавало иллюзию ее правдивости в целом. В свою очередь, это нередко приводило к муссированию соответствующих резонансных сведений, в которых уже было сложно отличить правду от лжи, и выступало предпосылкой для панических настроений среди населения.

В ответ на данные процессы российский уголовный закон был дополнен новыми предписаниями об ответственности за распространение заведомо ложной социально значимой информации¹³¹. Очевидно, что такое дополнение носило стремительный характер и повлекло последующие научные дискуссии об обоснованности этих законодательных новелл и их согласованности как между собой, так и с иными уголовно-правовыми запретами.

Как оказалось, дополнение УК РФ указанными запретами породило дальнейшее расширение их круга. В связи с началом специальной военной операции было криминализировано распространение заведомо ложной информации

¹³¹ Кибальник А.Г. Уголовно-правовая реакция на коронавирусную пандемию // Законность. 2020. № 5. С. 41-44.

об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации¹³². При этом следует отметить, что до изложенных нововведений в российском уголовном законе уже присутствовала норма об ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации, а именно был установлен уголовно-правовой запрет заведомо ложного сообщения об акте терроризма.

В условиях наличия группы норм, предусматривающих ответственность за распространение заведомо ложной социально значимой информации, правоприменитель сталкивается с проблемой их соотношения между собой, определения соответствующих разграничительных критериев.

В юридической литературе также обращается внимание на наличие трудностей при разграничении преступлений данной группы между собой, обусловленных смежным, а нередко и пересекающимся содержанием отдельных признаков составов данных преступлений. Как пишет А.И. Терских, информация об обстоятельствах, представляющих угрозу для жизни и безопасности граждан, охватывается более широким понятием общественно значимой информации. По этой причине предмет преступления, предусмотренного ст. 207² УК РФ, является более широким в сравнении с предметом преступления, ответственность за совершение которого установлена ст. 207¹ УК РФ. Помимо этого, состав публичного распространения заведомо ложной общественно значимой информации характеризуется дополнительными непосредственными объектами в виде жизни, здоровья, собственности, деятельности органов государственной власти и т.д.¹³³.

Сопоставительный анализ объектов преступлений, предусмотренных ст. 207¹ и 207² УК РФ, позволяет в целом согласиться с предложенными утверждениями. Бесспорно, информация об обстоятельствах, представляющих угрозу для жизни или безопасности, является социально значимой. Вторая формулировка является

¹³² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 4 марта 2022 г. № 32-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

¹³³ Терских А.И. Уголовный закон в реалиях информационного общества: новости фейковые наказание реальное // Законность. 2022. № 8. С. 32-37.

более широкой по своему смысловому содержанию. Однако, с другой стороны, то содержание, которое вкладывается в примечании к ст. 207¹ УК РФ в понятие обстоятельств, представляющих угрозу для жизни и безопасности, позволяет практически идентифицировать их. По крайней мере, весьма сложно даже теоретически смоделировать такие общественно значимые сведения, которые бы не касались аспектов, перечисленных в обозначенном примечании. Более того, общественно значимая информация в составе преступления, предусмотренного ст. 207² УК РФ, должна содержать такие сведения, распространение которых способно повлечь причинение вреда здоровью человека.

Например, А.П. Кузнецов утверждает, что информация об обстоятельствах, представляющих угрозу для жизни и безопасности граждан, и о соответствующих принимаемых мерах обеспечения безопасности может быть отнесена к категории общественно значимой информации, упоминаемой в ст. 207² УК РФ¹³⁴.

Следовательно, хотя теоретически предмет состава преступления, предусмотренного ст. 207² УК РФ, в виде общественно значимой информации подразумевает несколько более широкое содержание в сравнении с таковым в ст. 207¹ УК РФ, однако разграничить их практически невозможно. По нашему мнению, допустимо утверждение о равнозначности обозначенных предметов преступления. Такой же точки зрения придерживаются 88 % практикующих юристов, опрошенных в ходе проведенного нами исследования.

Дополнительные непосредственные объекты общественно опасного деяния, предусмотренного ст. 207² УК РФ, действительно выступают в качестве разграничительных признаков, поскольку при наличии соответствующих последствий охватывают фактически причиненный вред жизни, здоровью человека и иным охраняемым уголовным законом отношениям.

Другие преступления, связанные с распространением заведомо ложной социально значимой информации, имеют больше различий в признаках предмета

¹³⁴ Кузнецов А.П. Уголовно-правовая охрана общественной безопасности: научный обзор ст. 207.2 УК РФ // Российский следователь. 2020. № 11. С. 28-31.

преступления. В частности, общественно опасное деяние, запрещенное ст. 207³ УК РФ, отличается тем, что оно совершается в отношении информации, связанной с дискредитацией Вооруженных Сил РФ. Как видно, такая информация не отвечает требованиям, содержащимся в примечании к ст. 207¹ УК РФ. По крайней мере, отсутствует прямая и непосредственная угроза соответствующим ценностям.

На наш взгляд, иначе представлен и объект состава преступления, предусмотренного ст. 207³ УК РФ, который предопределен не столько общественной безопасностью, сколько авторитетом деятельности органов государственной власти РФ. В результате совершения этого преступления состояние защищенности жизненно важных интересов общества нарушается лишь опосредованно.

При сравнении предмета преступления, предусмотренного ст. 207 УК РФ, с предметами иных общественно опасных деяний исследуемой группы очевиден вывод о том, что информация здесь конкретизирована. Она касается «рукотворных» событий, тогда как в примечании к ст. 207¹ УК РФ указывается преимущественно на чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера. Слово «преимущественно» использовано нами лишь по той причине, что в обозначенном примечании также имеется ссылка на иные бедствия, которыми, вероятно, могут быть признаны и события антропогенного характера.

Следовательно, можно утверждать, что предмет состава заведомо ложного сообщения об акте терроризма представлен в уточненном виде в сравнении с предметом преступления, предусмотренного ст. 207¹ УК РФ. В первом случае это не любая общественно значимая информация, а исключительно сведения, имеющие отношение к терроризму. Аналогичным образом соотносятся и предмет ложного сообщения о терроризме с предметом преступления, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 207² УК РФ.

Таким образом, предмет состава ложного сообщения о терроризме представлен в более детализированном виде в сравнении с предметами преступлений, запрещенных ст. 207¹ и 207² УК РФ.

В свою очередь, предмет состава ложного сообщения о терроризме различается с предметом преступления, предусмотренного ст. 207³ УК РФ, содержанием соответствующей информации, которая не имеет схожих черт. По мнению А.И. Терских, важно учитывать различие в законодательной конструкции объективной стороны преступлений, предусмотренных ст. 207¹ и ст. 207² УК РФ. Первая является формальной, а вторая – материальной и включает в число обязательных признаков общественно опасные последствия¹³⁵.

Далее, распространение заведомо ложной общественно значимой информации (ст. 207 и 207³ УК РФ) по основному составу характеризуется формальной конструкцией объективной стороны. Квалифицированные виды этих преступлений предусматривают общественно опасные последствия.

Вместе с тем анализируемые преступления отличаются не только конструкцией объективной стороны состава преступления, но и отдельными признаками деяний. В частности, идентично описаны деяния в преступлениях, предусмотренных ст. 207¹, 207² и 207³ УК РФ: это публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной социально значимой информации. И только в общественно опасном деянии, указанном в ст. 207 УК РФ, не требуется наличия признаков публичности распространения соответствующей заведомо ложной информации.

Примечательный признак с позиции объективной стороны состава преступления имеется в квалифицированном виде распространения заведомо ложной общественно значимой информации, предусмотренном п. «в» ч. 2 ст. 207³ УК РФ: совершение такого деяния с искусственным созданием доказательств обвинения. В данном случае усиленная ответственность предусмотрена ввиду наличия усложненных действий по приданию достоверного вида распространяемой информации.

¹³⁵ Терских А.И. Уголовный закон в реалиях информационного общества: новости фейковые наказание реальное // Законность. 2022. № 8. С. 32-37.

Неодинаковым образом реализован законодательный подход к исследуемым составам преступлений в части установления признаков субъекта. Новые преступления, связанные с распространением заведомо ложной социально значимой информации, характеризуются общим субъектом и наступлением уголовной ответственности с шестнадцатилетнего возраста. Однако заведомо ложное сообщение об акте терроризма влечет уголовную ответственность уже по достижении лицом четырнадцатилетнего возраста.

По нашему мнению, такая разница является объяснимой и обоснованной, поскольку изучаемые преступления отличаются довольно сложной социально-юридической сущностью. При этом в данном ряду выделяется заведомо ложное сообщение об акте терроризма – такое общественно опасное деяние является весьма распространенным и вполне понятным для надлежащего его уяснения по достижении лицом четырнадцатилетнего возраста.

Во многом благодаря уже относительно длительной истории существования уголовно-правового запрета заведомо ложного сообщения об акте терроризма, а также в связи с тем, что это деяние часто совершается несовершеннолетними, возраст, с которого наступает уголовная ответственность, был снижен. В свою очередь, вследствие новизны иных предписаний об ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации снижение возраста, с которого наступает уголовная ответственность за их совершение, было бы нецелесообразным.

Сопоставление анализируемых преступлений демонстрирует их определенные различия в части субъективной стороны состава преступления. Как подчеркивает А.И. Терских, при разграничении рассматриваемых преступлений необходимо исходить из того, что ст. 207¹ УК РФ предполагает прямой умысел, а ст. 207² УК РФ – неосторожность¹³⁶. Что касается прямого умысла в составе преступления, квалифицируемого по ст. 207¹ УК РФ, то такое утверждение

¹³⁶ Терских А.И. Уголовный закон в реалиях информационного общества: новости фейковые наказание реальное // Законность. 2022. № 8. С. 32-37.

не может быть оспорено. В то же время с мнением о том, что деяние, запрещенное ст. 207² УК РФ, совершается по неосторожности, согласиться сложно. Нет сомнений в том, что законодательно закреплено неосторожное отношение к последствиям этого преступления в виде причинения по неосторожности вреда здоровью человека. Однако это не означает неосторожную форму вины по отношению к деянию.

Существующая конструкция уголовно-правового запрета, предусмотренного ст. 207² УК РФ, исключает возможность установления какой-либо иной формы вины, помимо прямого умысла. Об этом свидетельствует указание в тексте диспозиции ч. 1 рассматриваемой статьи на заведомость, а также на распространение информации под видом достоверной, что подчеркивает целенаправленные действия субъекта по искажению информации, по искусственному созданию способа ее преподнесения. Такие признаки характеризуют наличие не только осознания общественной опасности совершаемого лицом деяния, но и желания действовать подобным образом.

Кроме того, точно такие же обороты использованы и при формулировании предписаний ст. 207¹ и 207³ УК РФ, которые безоговорочно признаются запретами соответствующих деяний, совершенных исключительно с прямым умыслом. Подобным образом характеризуется вина и в составе заведомо ложного сообщения об акте терроризма – она может быть выражена только в прямом умысле. Таким образом, все преступления, выражающиеся в распространении заведомо ложной социально значимой информации, совершаются с прямым умыслом. При этом в составе преступления, предусмотренного ст. 207² УК РФ, установлено неосторожное отношение к общественно опасным последствиям в виде причинения по неосторожности вреда здоровью человека.

Сопоставление факультативных признаков субъективной стороны изучаемых преступлений демонстрирует определенные различия. В составах общественно опасных деяний, запрещенных ст. 207¹, 207² и 207³ УК РФ, такие признаки в числе обязательных отсутствуют. При этом экстремистские мотивы фигурируют

в качестве квалифицирующих признаков преступления, предусмотренного ст. 207³ УК РФ (п. «д» ч. 2).

В то же время для состава заведомо ложного сообщения об акте терроризма мотив и цель выступают в качестве конструктивных признаков. Так, обязательным признаком преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 207 УК РФ, является специальный мотив – хулиганские побуждения, а преступления, квалифицируемого по ч. 3 ст. 207 УК РФ, – специальная цель – дестабилизация деятельности органов власти.

Вместе с тем применение соответствующих норм уголовного закона нередко сопряжено с весьма сложными ситуациями, характеризующимися переплетением признаков разных преступлений. Анализируя вопросы соотношения преступлений, предусмотренных ст. 207¹ и 207² УК РФ, С.А. Гордейчик задается вопросом о том, как правильно квалифицировать заведомо ложное распространение информации об обстоятельствах, угрожающих жизни и безопасности граждан, повлекшее причинение смерти человека, но в условиях безразличного отношения субъекта к допущенным последствиям своего противоправного поведения. По мнению данного автора, применить к изложенной ситуации ст. 207¹ УК РФ невозможно, поскольку наступили общественно опасные последствия, что присуще ст. 207² УК РФ. Однако квалифицировать содеянное по ст. 207² УК РФ также невозможно ввиду наличия косвенного умысла у виновного. С.А. Гордейчик добавляет, что описанное деяние не образует даже признаки административного правонарушения, предусмотренного ст. 13.15 КоАП РФ, так как не использовались средства массовой информации. Автор заключает, что смоделированная им ситуация, несмотря на очевидное наличие общественной опасности, не подпадает под признаки криминального деяния, что образует пробел в праве¹³⁷.

¹³⁷ Гордейчик С.А. Уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации // Российская юстиция. 2020. № 6. С. 72.

Однако, на наш взгляд, с предложенным квалификационным решением согласиться трудно, поскольку в нем имеются дискуссионные аспекты. Во-первых, отсутствуют препятствия для применения в описанном случае ст. 207¹ УК РФ, так как наступление общественно опасных последствий не может исключать применение данной нормы уголовного закона. Во-вторых, если содеянное в виде причинения людям смерти с косвенным умыслом и не подпадает под признаки какого-либо из преступлений, состоящих в распространении заведомо ложной социально значимой информации, это еще не означает его уголовно-правовую оценку в качестве некриминального деяния. Вполне очевидно, что такое деяние может быть квалифицировано по признакам преступлений против личности или террористического акта.

Обобщая изложенное, представляется возможным утверждать, что существующие уголовно-правовые предписания об ответственности за преступления, состоящие в распространении заведомо ложной социально значимой информации, в определенных ситуациях могут находиться в отношениях конкуренции общей и специальной нормы. Самой широкой по своему содержанию является норма, предусмотренная ст. 207¹ УК РФ, специальными по отношению к которой могут выступать нормы ст. 207 и 207³ УК РФ.

Например, заведомо ложное сообщение об акте терроризма может выглядеть как публичное распространение такой информации под видом достоверной. Очевидно, что такая информация может быть идентифицирована в качестве информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан. В связи с этим в содеянном могут одновременно усматриваться признаки составов преступлений, предусмотренных ст. 207 и 207¹ УК РФ. Однако применение данных норм по совокупности недопустимо, поскольку это будет нарушением принципа справедливости, исключающего возможность двойной уголовно-правовой оценки одного деяния.

Выбор в этом случае надлежит сделать в пользу нормы об ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма, так как в ней детализирован предмет преступления – это общественно значимая информация о предстоящем взрыве, поджоге и т.п. Кроме того, состав заведомо ложного сообщения об акте терроризма охватывает своим содержанием хулиганские побуждения либо цель дестабилизации деятельности органов власти, а в преступлении, предусмотренном ст. 207¹ УК РФ, такие признаки отсутствуют.

Данное квалификационное решение нашло поддержку 70 % респондентов, опрошенных в ходе проведенного нами исследования.

Подобным образом соотносится состав заведомо ложного сообщения об акте терроризма с преступлением, запрещенным ст. 207² УК РФ. В последнем преступлении в число обязательных признаков включены общественно опасные последствия в виде вреда здоровью человека, смерти или иных тяжких последствий. По существу, аналогичные признаки предусмотрены и в составе заведомо ложного сообщения об акте терроризма. В связи с этим они разграничиваются с учетом особенностей распространяемой информации и соответствующего целеполагания (мотивации).

Норма, закрепленная ст. 207³ УК РФ, является специальной по отношению к ст. 207¹ УК РФ, поскольку в ней детализированы признаки предмета преступления. При этом, как представляется, она не находится в отношениях конкуренции со ст. 207 УК РФ. Объясняется это тем, что признаки соответствующей распространяемой информации в данном случае не пересекаются.

Нормы о преступлениях, предусмотренных ст. 207¹ и 207² УК РФ, находятся в отношениях конкуренции нормы-части и нормы-целого. Законодательное описание данных деяний имеет совпадающие характеристики, и в ситуациях, когда содеянное лицом будет одновременно подпадать под признаки обоих этих составов преступлений, применению подлежит только ст. 207² УК РФ. Данная норма уголовного закона является нормой-целым, поскольку, в отличие от

ст. 207¹ УК РФ, ею охватывается и причинение по неосторожности вреда здоровью человека вследствие распространения заведомо ложной социально значимой информации.

Аналогичную точку зрения высказал 81 % опрошенных нами специалистов.

Следует отметить, что результаты проведенного исследования вопросов соотношения преступлений, связанных с распространением заведомо ложной социально значимой информации, помимо прямого практического значения, подчеркивают имеющиеся юридические погрешности при построении данных уголовно-правовых предписаний. Вполне очевидно, что цель успешного противодействия таким преступлениям может быть достигнута при условии системного характера соответствующих предписаний, их согласованности и взаимосвязи, исключающих возможность противоречивого толкования и применения норм о преступлениях в сфере распространения заведомо ложной общественно значимой информации.

На основании изложенного необходимо сделать следующие основные выводы по вопросу о разграничении между собой преступлений, выражающихся в распространении заведомо ложной общественно значимой информации:

1) непосредственный объект преступлений, предусмотренных ст. 207–207³ УК РФ, не содержит в себе характеристик, которые позволяли бы выделить строгие критерии разграничения данных общественно опасных деяний;

2) узловым критерием разграничения рассматриваемых преступлений являются признаки их предметов. Если деяния, предусмотренные ст. 207¹ и 207² УК РФ, подразумевают распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, которые представляют опасность для жизни, здоровья и иных интересов, то предметом преступления, ответственность за совершение которого установлена ст. 207³ УК РФ, являются сведения, не представляющие опасности для жизни и здоровья человека. По крайней мере, отсутствует прямая и непосредственная угроза данным ценностям.

Предмет состава заведомо ложного сообщения об акте терроризма представлен в уточненном виде в сравнении с предметом преступления, предусмотренного ст. 207¹ УК РФ. Это не информация о любых угрожающих обстоятельствах, а сообщения исключительно о готовящихся взрыве, поджоге или иных соответствующих действиях. Подобным образом соотносятся признаки предмета состава заведомо ложного сообщения об акте терроризма и состава преступления, запрещенного ст. 207² УК РФ. Предмет состава заведомо ложного сообщения об акте терроризма различается с предметом преступления, предусмотренного ст. 207³ УК РФ, содержанием соответствующей информации, которая не имеет схожих черт.

Существующее нормативное описание предметов преступлений, предусмотренных ст. 207¹ и 207² УК РФ, хотя и имеет определенное различие, но не позволяет выделить значимых критериев разграничения данных преступлений;

3) деяния в преступлениях, предусмотренных ст. 207¹, 207² и 207³ УК РФ, описаны идентично: это публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной социально значимой информации. И только в случае общественно опасного деяния, ответственность за совершение которого установлена ст. 207 УК РФ, не требуется наличия признаков публичности распространения соответствующей заведомо ложной информации. При этом состав преступления, запрещенного ст. 207² УК РФ, характеризуется обязательным наличием установленных законом общественно опасных последствий, наличие которых не предусматривается составами других преступлений, выражающихся в распространении заведомо ложной социально значимой информации;

4) все преступления, выражающиеся в распространении заведомо ложной социально значимой информации, совершаются общим субъектом и с прямым умыслом. Для состава ложного сообщения о терроризме мотив и цель выступают как конструктивные признаки, а иные преступления рассматриваемой группы не предусматривают такие признаки в качестве обязательных.

Вследствие новизны преобладающего числа рассматриваемых преступлений, в теории и практике уголовного права поднимаются вопросы о порядке разграничения данных преступлений с иными общественно опасными деяниями.

Так, одной из актуальных проблем квалификации заведомо ложного сообщения об акте терроризма является разграничение данного преступления с угрозой совершения террористического акта¹³⁸.

Дело в том, что заведомо ложное сообщение об акте терроризма – это, по сути, угроза совершения террористического акта. Внешнее выражение преступлений, предусмотренных ст. 205 и 207 УК РФ, может иметь одинаковое представление. В обеих ситуациях это может быть угроза совершения взрыва, поджога и иных общеопасных действий.

В уголовно-правовой науке отмечается, что угроза в ст. 205 УК РФ должна быть реальной, тогда как в ст. 207 УК РФ речь ведется о ложной угрозе¹³⁹. Что касается ложности угрозы в ст. 207 УК РФ, то это прямо следует из текста уголовного закона – деяние выражается в заведомо ложном сообщении об акте терроризма. В свою очередь, в ч. 1 ст. 205 УК РФ отсутствует указание о реальности угрозы, что и предопределяет соответствующие сложности правоприменения.

Вместе с тем действующее уголовное законодательство установило различия в субъективных признаках рассматриваемых преступлений. Угроза совершения террористического акта образует признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205 УК РФ, при условии, что она выражалась в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями.

Заведомо ложное сообщение об акте терроризма характеризуется другими нормативно закрепленными целями. Это может быть хулиганская цель (ч. 1 ст. 207 УК РФ) либо цель дестабилизации деятельности органов власти (ч. 3 ст. 207 УК РФ).

¹³⁸ Ковлагина Д.А. Проблемы дифференциации ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма // Уголовное право. 2019. № 6. С. 46-50.

¹³⁹ Яни П.С. Угроза совершения теракта // Законность. 2012. № 2. С. 15-18.

В этих условиях можно утверждать, что целеполагание выступает основным различительным признаком угрозы совершения террористического акта и заведомо ложного сообщения об акте терроризма. При наличии цели понуждения органов власти к каким-либо действиям содеянное может образовывать признаки состава террористического акта в форме угрозы его совершения, а при наличии цели дестабилизации деятельности органов власти – состава заведомо ложного сообщения об акте терроризма.

Следует отметить, что данный вывод подвергается критике, поскольку такое квалификационное решение, хотя и соответствует букве закона, является дискуссионным с позиции его социально-правовой обоснованности. Совершенно очевидно, что угроза совершения террористического акта в целях дестабилизации деятельности органов власти не должна квалифицироваться в качестве заведомо ложного сообщения об акте терроризма. По своим юридическим характеристикам такое деяние приближено к террористическому акту в форме угрозы совершения соответствующих действий.

Рассматривая вопросы разграничения преступлений, связанных с распространением заведомо ложной общественно значимой информации, необходимо также отметить, что в юридической литературе обращается внимание на схожесть положений ст. 207³ УК РФ с предписаниями, сформулированными в ст. 280³ УК РФ¹⁴⁰. Если первое преступление подразумевает публичное распространение заведомо ложной информации о деятельности вооруженных сил

¹⁴⁰ Дулькина Л.В. Публичное распространение «фейков» об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации и исполнении государственными органами РФ своих полномочий: сложности доктринального понимания // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9. № 3. С. 97-101; Пичугин С.А. Уголовная ответственность за деяние, предусмотренное статьей 207.3 УК РФ: вопросы регламентации и правоприменения // Legal Bulletin. 2023. № 3. С. 53-63; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А.И. Рарог. 14-е изд., перераб. и доп. М., 2023. С. 787; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: В 3 т. Т. 3. Особенная часть (разделы IX–XII) / Под науч. ред. К.В. Ображиева, Н.И. Пикурова. М., 2023. С. 56.

и иных структур, то второе – дискредитацию таковых. Дискредитация понимается как подрыв доверия, умаление авторитета¹⁴¹.

Как свидетельствуют результаты анализа материалов правоприменительной практики, заведомо ложная информация о деятельности вооруженных сил, как правило, обладает дискредитирующим характером. Однако это не обязательное условие квалификации содеянного по ст. 207³ УК РФ. Также и дискредитирующие сведения могут быть как ложными, так и истинными. Эти обстоятельства будут предопределять выбор применяемой уголовно-правовой нормы.

Следует отметить, что если распространение информации предполагает главным образом передачу вербальных сведений либо визуальной, аудиовизуальной информации, то преступление, регламентированное ст. 280³ УК РФ, может быть совершено посредством и других действий. Поэтому это могут быть какие-либо конклюдентные способы выражения дискредитирующих сведений.

Несколько сложнее характеризуется ситуация, когда устанавливается факт распространения заведомо ложной информации о деятельности вооруженных сил и иных структур дискредитирующего характера. В этом случае одновременно присутствуют признаки двух изучаемых составов преступлений. В связи с этим возникает вопрос о нахождении соответствующих уголовно-правовых норм в отношениях конкуренции.

По мнению М.Н. Шипуновой, указанные нормы уголовного закона могут быть применены по совокупности¹⁴².

На наш взгляд, данный тезис заслуживает поддержки. Объясняется это тем, что распространение ложной информации с намерением дискредитации может представлять собой два самостоятельных акта преступного поведения человека:

¹⁴¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов / Под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: ООО «Издательство Оникс», ООО «Издательство Мир и Образование», 2007. С. 116.

¹⁴² Шипунова М.Н. О квалификации распространения недостоверных сведений о Вооруженных силах Российской Федерации // Российский следователь. 2024. № 3. С. 41-45.

1) это распространение ложных сведений; 2) совершение дискредитирующих действий.

И даже в случае, когда имеет место полное совпадение предмета преступления и его объективной стороны, а также субъективных признаков, уголовно-правовые нормы, предусмотренные ст. 207³ УК РФ и ст. 280³ УК РФ, не могут быть признаны находящимися в отношениях конкуренции, поскольку данные преступления посягают на разные объекты правовой охраны. Они не соотносятся как часть и целое, не образуют признаков и конкуренции общей и специальной нормы. Дискредитация и распространение заведомо ложной информации имеют совершенно различное социально-правовое содержание. Не случайно законодатель поместил исследуемые уголовно-правовые предписания в разные разделы УК РФ.

Поэтому преступления, предусмотренные ст. 207³ УК РФ и ст. 280³ УК РФ, при одновременном наличии совпадающих признаков подлежат квалификации по совокупности. Данную позицию разделили 73 % опрошенных нами практикующих юристов.

Причем вполне допустима констатация идеальной совокупности преступлений, когда одно деяние образуют признаки двух составов преступлений.

Рассматривая вопросы разграничения составов анализируемых преступлений, необходимо отметить, что преступления, выражающиеся в распространении заведомо ложной социально значимой информации, представляют собой распространение лжи. Это актуализирует вопрос о выявлении соотношения данных преступлений с уголовно наказуемой клеветой.

Квалификационные затруднения в этом контексте не возникают, когда анализируются деяния, связанные с распространением общественно значимой информации о событиях и фактах, но не о лицах. Соответственно, приоритетного внимания заслуживает вопрос о соотношении уголовно-правовой нормы об ответственности за клевету и за распространение заведомо ложной информации о вооруженных силах и других структурах, то есть, когда может распространяться

информация о лицах. Изучение судебной практики показывает, что деяние, предусмотренное ст. 207³ УК РФ, может сопровождаться распространением заведомо ложной информации, порочащей честь и достоинство другого лица.

И здесь также возникает вопрос о правилах квалификации подобных ситуаций. И вновь обнаруживается разнородность рассматриваемых преступлений, нарушение ими различных объектов уголовно-правовой охраны.

Ни один из данных составов преступлений не поглощает своим содержанием другой. Поэтому М.Н. Шипунова указывает на возможность применения по совокупности ст. 207³ УК РФ и ст. 128¹ УК РФ¹⁴³.

По нашему мнению, данная точка зрения заслуживает поддержки и одобрения. В случаях, когда содеянное лицом одновременно образует признаки преступлений, предусмотренных ст. 207³ УК РФ и ст. 128¹ УК РФ, эти нормы уголовного закона применяются по совокупности.

Таким образом, преступления, выражающиеся в распространении заведомо ложной общественно значимой информации, несмотря на наличие ряда смежных признаков с такими деяниями, как дискредитация вооруженных сил и иных структур (ст. 280³ УК РФ), клевета (ст. 128¹ УК РФ), не находятся с ними в отношениях конкуренции. При наличии признаков соответствующих преступлений нормы, их предусматривающие, применяются по совокупности.

На основании изложенного представляется целесообразным сделать следующие основные выводы:

1) существующие уголовно-правовые предписания об ответственности за преступления, состоящие в распространении заведомо ложной социально значимой информации, в определенных ситуациях могут находиться в отношениях конкуренции общей и специальной нормы. Самой широкой по своему содержанию является норма, предусмотренная ст. 207¹ УК РФ,

¹⁴³ Шипунова М.Н. О квалификации распространения недостоверных сведений о Вооруженных силах Российской Федерации // Российский следователь. 2024. № 3. С. 41-45.

специальными по отношению к которой могут выступать нормы ст. 207 и 207³ УК РФ;

2) дополнительные непосредственные объекты общественно опасного деяния, предусмотренного ст. 207² УК РФ, действительно выступают в качестве разграничительных признаков, поскольку при наличии соответствующих последствий охватывают фактически причиненный вред жизни, здоровью человека и иным охраняемым уголовным законом отношениям;

3) несмотря на то, что теоретически предмет состава преступления, предусмотренного ст. 207² УК РФ, в виде общественно значимой информации подразумевает несколько более широкое содержание в сравнении с таковым в ст. 207¹ УК РФ, однако разграничить их практически невозможно. По нашему мнению, допустимо утверждение о равнозначности обозначенных предметов преступления;

4) общественно опасное деяние, запрещенное ст. 207³ УК РФ, отличается от ст. 207¹ УК РФ тем, что оно совершается в отношении информации, связанной с дискредитацией Вооруженных Сил РФ. Как видно, такая информация не отвечает требованиям, содержащимся в примечании к ст. 207¹ УК РФ. По крайней мере, отсутствует прямая и непосредственная угроза соответствующим ценностям. Иначе представлен и объект состава преступления, предусмотренного ст. 207³ УК РФ, который предопределен не только общественной безопасностью, но и авторитетом деятельности органов государственной власти РФ;

5) предмет состава заведомо ложного сообщения об акте терроризма представлен в уточненном виде в сравнении с предметом преступления, предусмотренного ст. 207¹ УК РФ. В первом случае это не любая общественно значимая информация, а исключительно сведения, имеющие отношение к терроризму. Аналогичным образом соотносятся и предмет ложного сообщения о терроризме с предметом преступления, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 207² УК РФ. В свою очередь, предмет состава ложного сообщения о терроризме различается с предметом преступления,

предусмотренного ст. 207³ УК РФ, содержанием соответствующей информации, которая не имеет схожих черт;

6) анализируемые преступления отличаются между собой не только конструкцией объективной стороны состава преступления, но и отдельными признаками деяний. В частности, идентично описаны деяния в преступлениях, предусмотренных ст. 207¹, 207² и 207³ УК РФ: это публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной социально значимой информации. И только в общественно опасном деянии, указанном в ст. 207 УК РФ, не требуется наличия признаков публичности распространения соответствующей заведомо ложной информации;

7) неодинаковым образом реализован законодательный подход к исследуемым составам преступлений в части установления признаков субъекта. Новые преступления, связанные с распространением заведомо ложной социально значимой информации, характеризуются общим субъектом и наступлением уголовной ответственности с шестнадцатилетнего возраста. Однако заведомо ложное сообщение об акте терроризма влечет уголовную ответственность уже по достижении лицом четырнадцатилетнего возраста. По нашему мнению, такая разница является объяснимой и обоснованной, поскольку изучаемые преступления отличаются довольно сложной социально-юридической сущностью. При этом в данном ряду выделяется заведомо ложное сообщение об акте терроризма – такое общественно опасное деяние является весьма распространенным и вполне понятным для надлежащего его уяснения по достижении лицом четырнадцатилетнего возраста;

8) в составах общественно опасных деяний, запрещенных ст. 207¹, 207² и 207³ УК РФ, факультативные признаки субъективной стороны в числе обязательных отсутствуют. При этом экстремистские мотивы фигурируют в качестве квалифицирующих признаков преступления, предусмотренного ст. 207³ УК РФ (п. «д» ч. 2). В то же время для состава заведомо ложного сообщения об акте терроризма мотив и цель выступают в качестве конструктивных признаков.

Так, обязательным признаком преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 207 УК РФ, является специальный мотив – хулиганские побуждения, а преступления, квалифицируемого по ч. 3 ст. 207 УК РФ, – специальная цель – дестабилизация деятельности органов власти;

9) заведомо ложное сообщение об акте терроризма может выглядеть как публичное распространение такой информации под видом достоверной. Очевидно, что такая информация может быть идентифицирована в качестве информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан. В связи с этим в содеянном могут одновременно усматриваться признаки составов преступлений, предусмотренных ст. 207 и 207¹ УК РФ. Однако применение данных норм по совокупности недопустимо, поскольку это будет нарушением принципа справедливости, исключающего возможность двойной уголовно-правовой оценки одного деяния. Выбор в этом случае надлежит сделать в пользу нормы об ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма, так как в ней детализирован предмет преступления – это общественно значимая информация о предстоящем взрыве, поджоге и т.п. Кроме того, состав заведомо ложного сообщения об акте терроризма охватывает своим содержанием хулиганские побуждения либо цель дестабилизации деятельности органов власти, а в преступлении, предусмотренном ст. 207¹ УК РФ, такие признаки отсутствуют;

10) норма, закрепленная ст. 207³ УК РФ, является специальной по отношению к ст. 207¹ УК РФ, поскольку в ней детализированы признаки предмета преступления. При этом, как представляется, она не находится в отношениях конкуренции со ст. 207 УК РФ. Объясняется это тем, что признаки соответствующей распространяемой информации в данном случае не пересекаются;

11) целеполагание выступает основным различительным признаком угрозы совершения террористического акта и заведомо ложного сообщения об акте терроризма. При наличии цели понуждения органов власти к каким-либо

действиям содеянное может образовывать признаки состава террористического акта в форме угрозы его совершения, а при наличии цели дестабилизации деятельности органов власти – состава заведомо ложного сообщения об акте терроризма. При этом данный вывод подвергается критике, поскольку такое квалификационное решение, хотя и соответствует букве закона, является дискуссионным с позиции его социально-правовой обоснованности. Совершенно очевидно, что угроза совершения террористического акта в целях дестабилизации деятельности органов власти не должна квалифицироваться в качестве заведомо ложного сообщения об акте терроризма. По своим юридическим характеристикам такое деяние приближено к террористическому акту в форме угрозы совершения соответствующих действий;

12) несмотря на возможность полного совпадения предмета преступления и его объективной стороны, а также субъективных признаков, уголовно-правовые нормы, предусмотренные ст. 207³ УК РФ и ст. 280³ УК РФ, не могут быть признаны находящимися в отношениях конкуренции, поскольку данные преступления посягают на разные объекты правовой охраны. Они не соотносятся как часть и целое, а также не образуют признаков конкуренции общей и специальной нормы. Дискредитация и распространение заведомо ложной информации имеют совершенно различное социально-правовое содержание. Не случайно законодатель поместил исследуемые уголовно-правовые предписания в разные разделы УК РФ. Поэтому преступления, предусмотренные ст. 207³ УК РФ и ст. 280³ УК РФ, при одновременном наличии совпадающих признаков подлежат квалификации по совокупности. Причем вполне допустима констатация идеальной совокупности преступлений, когда одно деяние образуют признаки двух составов преступлений¹⁴⁴.

¹⁴⁴ См. также: Ильяшенко Е.А. Разграничение преступлений, связанных с распространением заведомо ложной общественно значимой информации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. № 3. С. 42-48; Ильяшенко Е.А. Общественная опасность и иные критерии разграничения преступлений, предусмотренных статьями 207.3 и 280.3 Уголовного кодекса Российской Федерации // Общественная опасность в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии: материалы XIV Российского конгресса уголовного

3.2. Перспективные направления оптимизации отечественного уголовного законодательства об ответственности за преступления, связанные с распространением заведомо ложной общественно значимой информации

В последние годы в российском уголовном законодательстве была образована группа норм, предусматривающих ответственность за преступления, связанные с распространением заведомо ложной общественно значимой информации. В эту группу, помимо традиционного предписания об уголовной ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма, входят преступления, закрепленные ст. 207¹, 207² и 207³ УК РФ.

Формирование такого блока уголовно-правовых запретов было продиктовано необходимостью адекватной реакции на происходящие в обществе процессы, которые были изначально вызваны пандемией коронавирусной инфекции в 2020 г., а затем проведением специальной военной операции в 2022 г.

При этом указанные нормы уголовного закона принимались весьма спешно, что было вызвано объективной необходимостью скорейшего реагирования на общественно опасные проявления, связанные с распространением заведомо ложной общественно значимой информации. В этих условиях в теории уголовного права обращается внимание на неисчерпанный потенциал для оптимизации данных уголовно-правовых предписаний. Впрочем, в современных условиях многие законодательные новеллы спустя несколько лет их существования подвергаются определенной корректировке в целях их адаптации конкретному уровню развития общественных отношений.

В уголовно-правовой науке разработан ряд предложений по совершенствованию уголовного законодательства в этой сфере. Так, А.И. Терских обращает внимание на то, что составы преступлений, предусмотренные ст. 207¹ и

права, состоявшегося 30-31 мая 2024 г. М.: Юрлитинформ, 2024. С. 212-216; Ильяшенко Е.А. Преступления, связанные с распространением заведомо ложной общественно значимой информации: отдельные вопросы разграничения // Российский следователь. 2025. № 2. С. 51-54.

207² УК РФ, размещены в главе о преступлениях против общественной безопасности, тогда как схожее преступление в виде сокрытия информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей (ст. 237 УК РФ), расположено в главе о преступлениях против здоровья населения и общественной нравственности. По мнению данного автора, указанные уголовно-правовые предписания должны быть размещены в одной главе вследствие их однородности¹⁴⁵.

Однако, на наш взгляд, такие рассуждения могут быть подвергнуты критике. Фундаментальным различием преступления, предусмотренного ст. 237 УК РФ, и деяний, связанных с распространением заведомо ложной общественно значимой информации, является факт истинности или ложности соответствующей информации. В составе преступления, связанного с сокрытием информации об обстоятельствах, представляющих опасность для жизни или здоровья, речь ведется о действительных обстоятельствах, имеющих место в реальной жизни. И такие обстоятельства угрожают жизни и здоровью человека, что очевидно свидетельствует о том, что преступление, регламентированное ст. 237 УК РФ, посягает на здоровье населения. Это посягательство выражается в создании опасности для конкретного объекта уголовно-правовой охраны.

Исследуемые нами общественно опасные деяние обусловлены оборотом заведомо ложных сведений о различных обстоятельствах, имеющих значение для общественной безопасности. Ложность данной информации исключает возможность отнесения преступлений, связанных с распространением заведомо ложной общественно значимой информации, к числу преступлений против здоровья населения. В данном случае нарушается состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства, то есть общественная безопасность.

¹⁴⁵ Терских А.И. Уголовный закон в реалиях информационного общества: новости фейковые наказание реальное // Законность. 2022. № 8. С. 32-37.

В юридической литературе высказывалась идея обособления группы норм, ориентированных на защиту от информации, распространение которой запрещено¹⁴⁶.

С одной стороны, увеличение числа подобных уголовно-правовых предписаний действительно актуализирует вопрос о структурном выделении норм об ответственности за распространение запрещенной информации, куда относятся как рассматриваемые нами нормы, так и некоторые преступления экстремистской и террористической направленности, состоящие в распространении информации. С другой стороны, подобный шаг необоснованно сместит акценты с видовой принадлежности соответствующих преступлений на внешнее выражение таких деяний – публичный способ их совершения.

В юридической литературе обращается внимание на структурное построение норм об ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации, формальный характер объективной стороны отдельных деяний этой группы и довольно строгий уровень наказуемости данных правонарушений. По мнению Ю.И. Совик, уголовно-правовые нормы об ответственности за публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации являются чрезмерно суровыми, поскольку устанавливают наказуемость деяний безотносительно наступления каких-либо вредных последствий. Причем их строгая наказуемость является непропорциональной существу конкретных деяний, поскольку не обусловлена степенью публичности при распространении информации и уровнем ее опасности для общества¹⁴⁷.

А.И. Терских считает, что фактический вред охраняемым уголовным законом отношениям или, как минимум, реальная угроза такого вреда имеет место только в случае совершения преступления, предусмотренного ст. 207² УК РФ. Тогда как деяние, поставленное под запрет в ст. 207¹ УК РФ не обладает достаточным для

¹⁴⁶ Жигонский П.Э., Чесноков Н.А. Проблемы информационной безопасности (защита от информации, распространение которой запрещается) // Российский следователь. 2015. № 4. С. 35-42.

¹⁴⁷ Совик Ю.И. Законодательное регулирование «фейк-ньюс» в России: в авангарде борьбы за информационную чистоту // Юрист. 2023. № 7. С. 63-67.

криминализации уровнем общественной опасности и вступает в противоречие с конституционно гарантированным правом на свободу слова¹⁴⁸.

Данные тезисы находятся преимущественно в плоскости социально-правовой обусловленности соответствующих уголовно-правовых запретов. В ходе проведенного нами исследования необходимый для криминализации уровень общественной опасности данных преступлений нашел подтверждение. При этом не вызывает сомнений тот факт, что рассматриваемые нормы уголовного закона нуждаются в совершенствовании и видоизменении. И в любом случае невозможно согласиться с тезисами о том, что запрет распространения заведомо ложной общественно значимой информации представляет собой ограничение свободы слова.

В науке уголовного права высказываются критические замечания и относительно отдельных признаков изучаемых преступлений. Например, по утверждению Д.Ю. Вешнякова, указание в диспозиции ч. 1 ст. 207¹ УК РФ на придание вида достоверного сообщения соответствующей заведомо ложной информации является избыточным и лишь усложняет практику применения данной статьи уголовного закона. Как пишет данный автор, при наличии в деянии признаков заведомо ложной социально значимой информации, факт придания ей правдоподобности существенного значения не имеет¹⁴⁹.

Представляется, что изложенные рассуждения имеют под собой весьма прочные основания. Как свидетельствуют результаты проведенного нами исследования, в условиях указания на заведомую ложность распространяемых сведений, вопросы придания правдоподобности не имеют существенного влияния на восприятие ее адресатами. А в случае с преступлением, предусмотренным

¹⁴⁸ Терских А.И. Уголовный закон в реалиях информационного общества: новости фейковые наказание реальное // Законность. 2022. № 8. С. 32-37; Гордейчик С.А. Уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации // Российская юстиция. 2020. № 6. С. 72.

¹⁴⁹ Вешняков Д.Ю. Квалификация публичного распространения заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (ст. 207.1 УК) // Законность. 2021. № 7. С. 36-40.

ст. 207² УК РФ, это обстоятельство имеет еще меньшее значение, поскольку конструктивным признаком данного преступления выступают общественно опасные последствия в виде причинения тяжких последствий. Соответственно, если деяние повлекло такие последствия, то придавался ли достоверный вид информации или не придавался, очевидно, не имеет значения.

В то же время наличие признаков придания достоверного вида распространяемой информации усложняет практику применения анализируемых уголовно-правовых запретов, которые в силу ряда обстоятельств весьма трудны для квалификации.

В.В. Сверчков обосновывал целесообразность закрепления уголовно-правовой нормы об ответственности за диффамацию следующего содержания: «Нарушение информационной безопасности общества вследствие распространения в критической социальной среде заведомо ложной или искаженной общественно значимой информации, а равно не соответствующей действительности порочащей информации о физическом или юридическом лице, социальной группе, государстве»¹⁵⁰. Одновременно, по его мнению, следовало бы декриминализовать ст. 207¹ и 207² УК РФ.

Тем самым автор сформулировал идею об установлении универсальной нормы, которая бы охватывала своим содержанием все случаи распространения недопустимой информации. На наш взгляд, данная идея является весьма оригинальной и перспективной, поскольку в последние годы отчетливо проявляется вектор нормативного закрепления в УК РФ все большего круга норм, предусматривающих ответственность за распространение или оборот определенной информации. И предложение В.В. Сверčkova подчеркивает этот вектор, а также инициирует дальнейшее научное рассмотрение широкого спектра вопросов, складывающихся в связи с уголовно-правовым регулированием распространения информации различных типов и видов.

¹⁵⁰ Сверчков В.В. Уголовная ответственность за диффамацию: идея модернизации российского законодательства // Российская юстиция. 2020. № 12. С. 41-43.

Вместе с тем, по нашему мнению, конструирование такой обширной по своему охвату нормы в настоящее время преждевременно. Дискуссионным видится решение по объединению в рамках одной нормы уголовного закона деяний, кардинально отличающихся по уровню общественной опасности. Ведь, по сути, анализируемое предложение охватывает множество деяний: от клеветы до распространения заведомо ложной общественно значимой информации, а также различные проявления экстремистской деятельности.

В свою очередь идея объединения смежных однородных предписаний в единый уголовно-правовой запрет видится обоснованной, так как способствует формированию системных мер уголовно-правового противодействия преступлениям. Однако умеренность в этом подходе крайне важна. Смежные уголовно-правовые нормы могут быть объединены в единое предписание при соблюдении ряда общих условий, в числе которых однородность деяний, наличие у них единого видового объекта, близость по качественным и количественным характеристикам общественной опасности, сохранение изначального смысла объединяемых уголовно-правовых запретов.

Как свидетельствуют результаты проведенного нами исследования, изложенные условия соблюдаются при конструировании единой уголовно-правовой нормы об ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации, которая может прийти на смену уголовно-правовым нормам, предусмотренным ст. 207¹–207³ УК РФ.

Целесообразность унификации данных предписаний подтверждается их уголовно-правовой характеристикой, свидетельствующей о том, что каждое из перечисленных преступлений представляет собой частный случай публичного распространения заведомо ложной общественно значимой информации. Их отличительными особенностями являются предмет преступления – различные типы информации и некоторые признаки объективной стороны, которые могут быть сохранены в единой уголовно-правовой норме.

В поддержку создания единого уголовно-правового запрета на распространение заведомо ложной общественно значимой информации высказались 86 % респондентов, опрошенных в ходе проведенного нами исследования.

Следует отметить, что уголовно-правовая норма об ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма, несмотря на то, что она обладает признаками распространения заведомо ложной общественно значимой информации, объединена в указанную универсальную норму быть не может.

Сложным аспектом при трансформации подобного рода является фактическое «перемещение» уголовно-правового запрета на угрозу совершения террористического акта в целях дестабилизации деятельности органов государственной власти из ч. 1 ст. 205 в ч. 3 ст. 207 УК РФ, где в настоящее время установлена ответственность за заведомо ложное сообщение об акте терроризма в указанных целях. В юридической литературе это законодательное решение подвергается обоснованной критике, полностью разделяемой и нами¹⁵¹.

Имеются основания утверждать, что смешение террористического акта и угрозы его совершения в рамках одной нормы уголовного закона является не оправданным, как это было ранее, а также частично сохранено в ныне действующей редакции ч. 1 ст. 205 УК РФ. В российском уголовном законодательстве имеются примеры обоснованной дифференциации ответственности за конкретное деяние и угрозу его совершения. Например, в ч. 1 ст. 296 УК РФ установлена ответственность за угрозу насилием в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования, а в ч. 3 и 4 ст. 296 УК РФ – за фактическое применение насилия в отношении соответствующих лиц. В ч. 1 ст. 247 УК РФ предусмотрена ответственность за нарушение правил обращения экологически опасных веществ

¹⁵¹ Костылева О.В. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ) и угроза совершения террористического акта (ст. 205 УК РФ) // Уголовное право. 2018. № 2. С. 52-60.

и отходов, создавшее угрозу вреда, а по ч. 2 ст. 247 УК РФ ответственность наступает за фактически наступивший вред в результате совершения деяния.

По такому же принципу целесообразно дифференцировать ответственность и за совершение террористического акта. Одновременно следует исключить возможность применения нормы об ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма в ситуациях угрозы совершения террористического акта в целях дестабилизации деятельности органов государственной власти.

И это исключение может быть произведено посредством установления в рамках ст. 205 УК РФ уголовной ответственности за угрозу совершения террористического акта, совершенную в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций.

Однако и при реализации изложенных шагов по реформированию норм об уголовной ответственности за совершение террористического акта, включая угрозу его совершения, препятствия на пути включения ст. 207 УК РФ в единую уголовно-правовую норму об ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации не будут полностью устранены.

По нашему мнению, социально-юридическая сущность «телефонного терроризма» с учетом сложившейся исторической традиции диктует необходимость сохранения соответствующего уголовно-правового запрета в рамках самостоятельной нормы, что обеспечит ему необходимый уровень эффективности, в том числе значительный предупредительный потенциал.

Вместе с тем уголовно-правовое предписание, сформулированное в ст. 207 УК РФ, требует корректировки в целях устранения неоправданного сужения объема действия этой нормы, заключающегося в указании в качестве составообразующего признака на специальный мотив – хулиганские побуждения (ч. 1) или специальную цель – дестабилизация деятельности органов власти (ч. 3).

Одновременно в изменении нуждается существующая законодательная конструкция ч. 2 ст. 207 УК РФ, при которой квалифицирующие признаки в виде

совершения данного преступления в отношении объектов социальной инфраструктуры либо с причинением крупного ущерба относятся только к преступлению, регламентированному ч. 1 ст. 207 УК РФ.

В итоге нами предлагается следующая редакция ст. 207 УК РФ:

«Статья 207. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма

1. Заведомо ложное сообщение о готовящихся взрыве, поджоге или иных действиях, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, –

наказывается ...

2. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, совершенное из хулиганских побуждений, –

наказывается ...

3. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, совершенное в целях дестабилизации деятельности органов власти, –

наказывается ...

4. Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, совершенные в отношении объектов социальной инфраструктуры либо повлекшее причинение крупного ущерба, –

наказываются ...

5. Деяния, предусмотренные частями первой, второй, третьей или четвертой настоящей статьи, повлекшие по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия, –

наказываются ...».

Регламентация уголовно-правовой нормы об ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации должна учитывать факт возможности наступления уголовной ответственности за такое деяние только в случае нарушения общественной безопасности, соответствующее распространение информации должно нарушать охраняемые уголовным законом

общественные отношения и интересы. Данным целям послужит конструкция состава создания опасности, при которой уголовная ответственность за определенное деяние наступает при условии создания им угрозы наступления тяжких последствий.

Диспозиция разработанной нами единой уголовно-правовой нормы об ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации может быть представлена в следующем виде:

«Статья 207¹. Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации

1. Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, создавшее угрозу наступления тяжких последствий, –

наказывается ...

2. То же деяние, совершенное:

а) лицом с использованием своего служебного положения;

б) группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, –

наказывается ...

3. Деяния, предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи, если они повлекли по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия, –

наказываются ...».

Одновременно ст. 207² и 207³ УК РФ потребуется исключить из российского уголовного законодательства.

На основании изложенного представляется целесообразным сделать следующие основные выводы:

1) новые нормы уголовного закона о преступлениях, связанных с распространением заведомо ложной общественно значимой информации, принимались весьма спешно, что было вызвано объективной необходимостью скорейшего реагирования на общественно опасные проявления, связанные с

распространением заведомо ложной общественно значимой информации. В этих условиях в работе сделан вывод о неисчерпанном потенциале для оптимизации данных уголовно-правовых предписаний;

2) в условиях указания на заведомую ложность распространяемых сведений вопросы придания правдоподобности не имеют существенного влияния на восприятие ее адресатами. А в случае с преступлением, предусмотренным ст. 207² УК РФ, это обстоятельство имеет еще меньшее значение, поскольку конструктивным признаком данного преступления выступают общественно опасные последствия в виде причинения тяжких последствий. Соответственно, если деяние повлекло такие последствия, то придавался ли достоверный вид информации или не придавался, очевидно, не имеет значения. В то же время наличие признаков придания достоверного вида распространяемой информации усложняет практику применения анализируемых уголовно-правовых запретов, которые в силу ряда обстоятельств весьма трудны для квалификации;

3) обосновано предложение об объединении исследуемых однородных предписаний в единый уголовно-правовой запрет, так как это будет способствовать формированию системных мер уголовно-правового противодействия преступлениям. Однако умеренность в этом подходе крайне важна. Смежные уголовно-правовые нормы могут быть объединены в единое предписание при соблюдении ряда общих условий, в числе которых однородность деяний, наличие у них единого видового объекта, близость по качественным и количественным характеристикам общественной опасности, сохранение изначального смысла объединяемых уголовно-правовых запретов. Как свидетельствуют результаты проведенного нами исследования, изложенные условия соблюдаются при конструировании единой уголовно-правовой нормы об ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации, которая может прийти на смену уголовно-правовым нормам, предусмотренным ст. 207¹–207³ УК РФ.

Целесообразность унификации данных предписаний подтверждается их уголовно-правовой характеристикой, свидетельствующей о том, что каждое из перечисленных преступлений представляет собой частный случай публичного распространения заведомо ложной общественно значимой информации. Их отличительными особенностями являются – предмет преступления (различные типы информации) и некоторые признаки объективной стороны, которые могут быть сохранены в единой уголовно-правовой норме;

4) смешение террористического акта и угрозы его совершения в рамках одной нормы уголовного закона является не оправданным, как это было ранее и частично сохранено в ныне действующей редакции ч. 1 ст. 205 УК РФ. В российском уголовном законодательстве имеются примеры обоснованной дифференциации ответственности за конкретное деяние и угрозу его совершения. По такому же принципу целесообразно дифференцировать ответственность и за совершение террористического акта. Одновременно следует исключить возможность применения нормы об ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма в ситуациях угрозы совершения террористического акта в целях дестабилизации деятельности органов государственной власти¹⁵².

¹⁵² См. также: Ильяшенко Е.А. Перспективные направления оптимизации отечественного уголовного законодательства об ответственности за преступления, связанные с распространением заведомо ложной общественно значимой информации // Союз криминалистов и криминологов. 2025. № 1. С. 56-60.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В завершение исследования уголовно-правовых аспектов противодействия распространению заведомо ложной общественно значимой информации представляется необходимым сделать следующие основные выводы:

1. Исторический опыт развития отечественного уголовного законодательства об ответственности за распространение заведомо ложной информации показал, что данный уголовно-правовой запрет эволюционировал в зависимости от конкретной политической обстановки, происходящей в государстве. Начиная свой путь как устрашение и запугивание, в настоящее время институт уголовной ответственности за распространение заведомо ложной информации направлен на защиту личности, охрану ее прав и свобод.

Зачаточные проявления некоторых признаков деяний, выражающихся в распространении заведомо ложной общественно значимой информации, проявлялись уже в отдельных положениях Русской правды, где предусматривалась наказуемость деяний, состоящих в ложных обвинениях другого лица.

Значимый этап развития законодательных положений об ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации отражен в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. В ст. 296 данного памятника права регламентировалась ответственность за составление и распространение каких-либо писем или сочинений, публичное выступление или распускание ложных слухов с намерением склонить к противодействию или сопротивлению властям. В качестве квалифицированного вида данного преступления предусмотрено его совершение, повлекшее важное нарушение установленного порядка.

Такое деяние представляет собой специальный вид распространения общественно значимой информации, имеющий политическую составляющую. Очевидно, что данным уголовно-правовым запретом достигается главная цель в

виде обеспечение нормального функционирования действующей власти. Предметом анализируемого преступления может выступать как истинная, так и ложная информация.

Наиболее приближенными по смысловому содержанию относительно действующих уголовно-правовых запретов в сфере противодействия распространению заведомо ложной общественно значимой информации, являются нормы Уголовного уложения 1903 г. В ст. 263 наказуемыми признавались следующие деяния:

распространение заведомо ложного, способного возбудить общественную тревогу слуха о правительственном распоряжении, общественном бедствии или ином событии;

причинение общественной тревоги без каких-либо для этого оснований ударом в набат или иным способом.

Уголовно-правовые запреты в сфере противодействия распространению заведомо ложной общественно значимой информации в советский период представлены нормами об ответственности за антисоветскую пропаганду в различных формах, включая распространение слухов и иной дискредитирующей государственную власть информации.

Отдельный этап развития характеризовался появлением в УК РФ 1996 г. нормы об ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ) и ее периодическая трансформация.

Стимулом для кардинального развития уголовного законодательства об ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации выступили резонансные общественные процессы в виде пандемии коронавирусной инфекции в 2020 г. и проведение Специальной военной операции с 2022 г. Следствием этих процессов выступили соответствующие уголовно-правовые предписания, несмотря на определенную казуистичность которых, они все же обладают потенциалом своего действия за рамками общественных процессов, обусловленных пандемией и Специальной военной операцией.

2. Уголовно-правовым значением может обладать значимая для общества информация, то есть сведения о событиях или фактах, которые касаются неопределенного круга лиц, способны оказывать влияние на их жизнедеятельность и состояние защищенности жизненно важных общественных интересов.

Информация является наиболее ценным ресурсом в современном мире, которая позволяет оказывать непосредственное влияние на человека. При этом особую озабоченность вызывают факты распространения информации, не соответствующей действительности. Активный рост объема распространения недостоверной информации (фейковых сведений), по мнению Всемирной организации здравоохранения, приобрел масштабы «инфодемии».

Дезинформация в различных ее проявлениях для человечества не является чем-то новым и необычным, но проблема заключается в том, что именно в свете существующего уровня развития информационного общества распространение заведомо ложной информации приобрело качественно иное значение. Объясняется это не только молниеносным характером распространения информации, но и такими явлениями, выделяемыми современными психологами, как таргетирование информации, информационный пузырь и т.п. В результате чего дезинформация может быть представлена под видом достоверных и проверенных сведений.

Распространение информации, являющейся «чувствительной» для общества, как например, о готовящемся акте терроризма или иных заведомо ложных сведений, способных вызвать резонанс, непременно подрывает состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства. В условиях правдоподобности распространяемой информации такого рода в обществе вызывается паника и страх. В таком состоянии люди способны на необдуманные поступки, массовый характер которых может обладать вредоносным воздействием.

Общественная опасность поведения, состоящего в распространении заведомо ложной социально значимой информации, наглядно проявилась в условиях пандемии коронавирусной инфекции Covid-19. Причем соответствующие проявления носили многоплановый характер. Одним из которых, в частности, служили факты распространения информации о вреде вакцинации. В итоге значительная доля населения оказывалась во власти зачастую недостоверной информации о научно обоснованных способах профилактики опасных инфекционных заболеваний.

Распространение заведомо ложной общественно значимой информации характеризуется способностью молниеносного подрыва общественной безопасности – состояние защищенности нарушается посредством быстрой, а порой практически мгновенной передачи информации, инициирующей страх и панику среди населения.

Данное криминальное поведение способно оказывать серьезное влияние на действия и бездействие неопределенного круга лиц. В этом ракурсе возможно действие эффекта толпы, когда первые адресаты заведомо ложной информации не только распространяют ее дальше, но и, поддавшись влиянию, начинают склонять других лиц к варианту навязанного им поведения. И эти процессы могут иметь лавинообразный характер, когда число «пораженных» ложной информацией увеличивается в геометрической прогрессии.

Общественная опасность распространения заведомо ложной социально значимой информации определяется также разноуровневым характером адресатов соответствующего воздействия. В результате распространения фейковой информации фактический вред причиняется не только населению, но и в целом обществу и государству в виде дезорганизации деятельности различных учреждений, массовых волнений, причинения вреда здоровью людей.

3. Наличие уголовно-правового запрета заведомо ложного сообщения об акте терроризма является прочно устоявшейся нормой для законодательства преобладающего большинства государств ближнего зарубежья (УК Республики

Таджикистан, УК Азербайджанской Республики, УК Республики Молдова, УК Туркменистана).

Оригинальное предписание закреплено в УК Республики Узбекистан в ст. 244.6 «Распространение ложной информации», в котором ответственность предусмотрена за распространение ложной информации, в том числе в средствах массовой информации, сетях телекоммуникаций или всемирной информационной сети Интернет. В данном случае можно усмотреть признаки общей нормы об ответственности за публичное распространение информации.

В рамках самостоятельной нормы уголовного закона Республики Узбекистан предусмотрена ответственность за распространение не соответствующих действительности сведений о распространении карантинных и других опасных для человека инфекций (ст. 244.5). Такое преступление, по своей сути, представляет собой частный случай распространения заведомо ложной общественно значимой информации, обусловленный ситуациям эпидемий и пандемий.

В белорусском уголовном законодательстве под запрет поставлена дискредитация Республики Беларусь, под которой понимается распространение заведомо ложных сведений о политическом, экономическом, социальном, военном или международном положении Республики Беларусь, правовом положении граждан в Республике Беларусь, деятельности государственных органов, дискредитирующих Республику Беларусь (ст. 369.1). В сравнении с отечественными предписаниями об ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации, данный уголовно-правовой запрет в большей степени политизирован. Кроме того, соответствующее белорусское предписание является более объемным по своему содержанию. Во-первых, в нем речь ведется не только об обстоятельствах, создающих угрозу жизни или здоровью граждан, и во-вторых, для наступления уголовной ответственности не требуется фактического наступления каких-либо последствий, как это необходимо для квалификации по ст. 207² УК РФ.

В уголовном законодательстве государств дальнего зарубежья предписания об ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации являются весьма распространенными. Так, в ст. 15 УК Швеции содержится, практически, аналог исследуемых российских уголовно-правовых норм.

В Законе об уголовном праве Израиля регламентируется ответственность за пораженческую агитацию (ст. 103). В данной норме ответственность установлена для того, «кто с намерением причинить панику в обществе распространил во время военных действий сведения, которые могут подорвать моральный настрой военнослужащих и жителей Израиля в их противостоянии врагу». В данном уголовно-правовом предписании имеется три узловых аспекта в разрезе проводимого нами исследования. Во-первых, работа этой нормы ограничивается периодом военных действий. Во-вторых, законодатель связывает возникновение уголовной ответственности с появлением паники в обществе. В-третьих, израильский законодатель не обуславливает уголовную ответственность по ст. 103 Закона об уголовном праве Израиля фактом ложности информации.

Уголовно-правовые запреты ряда европейских стран ориентированы на недопущение распространения паники среди населения, обеспечение общественного спокойствия. При этом законодатель зачастую не закрепляет в качестве условия возникновения ответственности факт ложности распространяемой информации, что демонстрирует весьма широкое содержание такого предписания (§ 266а УК Дании).

Результаты компаративного исследования, с одной стороны, подтверждают обоснованность криминализации распространения заведомо ложной общественно значимой информации, а с другой стороны, свидетельствуют о необходимости установления в российском уголовном законодательстве унифицированной нормы об ответственности за совершение данных преступлений.

4. Состав заведомо ложного сообщения об акте терроризма посягает на общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением общественной информационной безопасности. В качестве дополнительных объектов данного преступления могут выступать жизнь и здоровье человека, собственность, порядок управления и т.д.

Смысловое содержание телефонного терроризма в настоящее время расширено и включает в себя не только распространение соответствующей заведомо ложной общественно значимой информации, но еще и случаи заведомо ложной угрозы совершения террористического акта в целях дестабилизации деятельности органов власти (ч. 3 ст. 207 УК РФ). Согласно положениям действующего российского уголовного законодательства угроза совершения террористического акта в целях дестабилизации деятельности органов власти образует признаки телефонного терроризма и подлежит квалификации по ч. 3 ст. 207 УК РФ. Однако представляется недопустимым отождествлять угрозу терроризмом и соответствующее заведомо ложное сообщение о нем. Равным образом вызывает обоснованное несогласие с одновременным размещением в рамках ч. 1 ст. 205 УК РФ предписаний об ответственности за фактически совершенный террористический акт и за угрозу его совершения.

Заведомо ложное сообщение об акте терроризма зачастую совершается из хулиганских побуждений. Но очевидно, что наличие такой мотивации не характерно для всех без исключения случаев совершения рассматриваемого преступления. В этих условиях усматривается определенное сужение пределов криминализации заведомо ложного сообщения об акте терроризма, ведь анализируемое общественно опасное деяние может совершаться из личных неприязненных отношений. Такая мотивация традиционно исключает наличие хулиганских побуждений.

Заведомо ложное сообщение об акте терроризма на объектах социальной инфраструктуры может быть квалифицировано по ч. 2 ст. 207 УК РФ только при условии совершения таких действий из хулиганских побуждений. Таким образом,

признаки совершения анализируемого преступления в отношении объектов социальной инфраструктуры, а также причинение в результате заведомо ложного сообщения об акте терроризма крупного ущерба, являются квалифицирующими обстоятельствами только применительно к деянию, запрещенному ч. 1 ст. 207 УК РФ.

5. Непосредственный объект состава преступления, регламентированного ст. 207¹ УК РФ, образуют общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением общественной безопасности (основной непосредственный объект) и общественные отношения, возникающие по поводу обеспечения психологического здоровья населения (дополнительный непосредственный объект).

Указание о ложности распространяемой информации не означает в изучаемом случае, что вся передаваемая информация должна состоять из ложных сведений. В современном информационном мире наибольший «эффект» от ложной информации зачастую достигается при ее тщательной маскировке под истинную, в том числе при смешивании действительной и искаженной информации.

Распространение каких-либо оценочных суждений, обсуждение проблем, размышление о них не может квалифицироваться в качестве распространения заведомо ложной информации. Неотъемлемой характеристикой ложности информации является то, что она представляет собой утверждения о фактах. Только в таком случае можно констатировать распространение заведомо ложной информации.

6. Основной непосредственный объект состава распространения ложной информации, предусмотренного ст. 207² УК РФ, образуют общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением общественной безопасности.

Особенностью преступления, установленного ст. 207² УК РФ, являются его общественно опасные последствия в виде вреда здоровью человека, смерти или иных тяжких последствий. Наличие таких последствий в качестве обязательного

признака состава преступления обуславливает необходимость выделения соответствующего дополнительного объекта в виде жизни и здоровья человека, а также собственности, нормальной деятельности различных организаций, учреждений, транспорта и т.д.

Публичность распространения общественно значимой информации может быть установлена только в случаях передачи информации неопределенному кругу лиц либо определенной группе, но состоящей из множества лиц, не находящихся в родственно-семейных связях или в иных близких отношениях.

7. Отношения, складывающиеся в связи с обеспечением общественной безопасности, образуют основной непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 207³ УК РФ. Нарушение общественной безопасности в данном случае проявляется в создании панических настроений. Распространение заведомо ложной информации о неконституционном применении Вооруженных Сил РФ способно вызвать беспокойство среди населения, пошатнуть уверенность в защищенности нашего государства.

Распространение заведомо ложной информации о деятельности Вооруженных Сил РФ непременно оказывает соответствующее дискредитирующее воздействие. В итоге, наряду с нарушением общественной безопасности, негативному воздействию подвергаются общественные отношения, возникающие по поводу поддержания авторитета, доблести и уважения Вооруженных Сил РФ. Данные общественные отношения необходимо признать дополнительным непосредственным объектом состава преступления, предусмотренного ст. 207³ УК РФ.

Групповой способ распространения ложной информации о деятельности Вооруженных Сил РФ по общему правилу подразумевает наличие не менее двух соисполнителей. Следовательно, квалификация по п. «б» ч. 2 ст. 207³ УК РФ возможна только в случаях, когда два или более лица согласованно распространяют заведомо ложную информацию о деятельности Вооруженных Сил РФ. По нашему мнению, это возможно, например, в случаях одновременного

участия в выступлении на телевидении или в интернет-эфире (с использованием стриминговых платформ, социальных сетей и т.п.) двух или более лиц. Согласованное публичное выступление двух или более лиц, как правило, внушает большее доверие аудитории. Отсюда можно констатировать и повышенную общественную опасность рассматриваемого деяния при групповом способе его совершения.

8. Существующие уголовно-правовые предписания об ответственности за преступления, состоящие в распространении заведомо ложной социально значимой информации, в определенных ситуациях могут находиться в отношениях конкуренции общей и специальной нормы. Самой широкой по своему содержанию является норма, предусмотренная ст. 207¹ УК РФ, специальными по отношению к которой могут выступать нормы ст. 207 и 207³ УК РФ.

Дополнительные непосредственные объекты общественно опасного деяния, предусмотренного ст. 207² УК РФ, выступают в качестве разграничительных признаков, поскольку при наличии соответствующих последствий охватывают фактически причиненный вред жизни, здоровью человека и иным охраняемым уголовным законом отношениям.

Несмотря на то, что теоретически предмет состава преступления, предусмотренного ст. 207² УК РФ, в виде общественно значимой информации подразумевает несколько более широкое содержание в сравнении с таковым в ст. 207¹ УК РФ, однако разграничить их практически невозможно. По нашему мнению, допустимо утверждение о равнозначности обозначенных предметов преступления.

Общественно опасное деяние, запрещенное ст. 207³ УК РФ, отличается от ст. 207¹ УК РФ тем, что оно совершается в отношении информации, связанной с дискредитацией Вооруженных Сил РФ. Как видно, такая информация не отвечает требованиям, содержащимся в примечании к ст. 207¹ УК РФ. По крайней мере, отсутствует прямая и непосредственная угроза соответствующим ценностям.

Иначе представлен и объект состава преступления, предусмотренного ст. 207³ УК РФ, который предопределен не только общественной безопасностью, но и авторитетом деятельности органов государственной власти РФ.

Предмет состава заведомо ложного сообщения об акте терроризма представлен в уточненном виде в сравнении с предметом преступления, предусмотренного ст. 207¹ УК РФ. В первом случае это не любая общественно значимая информация, а исключительно сведения, имеющие отношение к терроризму. Аналогичным образом соотносятся и предмет ложного сообщения о терроризме с предметом преступления, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 207² УК РФ. В свою очередь, предмет состава ложного сообщения о терроризме различается с предметом преступления, предусмотренного ст. 207³ УК РФ, содержанием соответствующей информации, которая не имеет схожих черт.

Анализируемые преступления отличаются между собой не только конструкцией объективной стороны состава преступления, но и отдельными признаками деяний. В частности, идентично описаны деяния в преступлениях, предусмотренных ст. 207¹, 207² и 207³ УК РФ: это публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной социально значимой информации. И только в общественно опасном деянии, указанном в ст. 207 УК РФ, не требуется наличия признаков публичности распространения соответствующей заведомо ложной информации.

Заведомо ложное сообщение об акте терроризма может выглядеть как публичное распространение такой информации под видом достоверной. Очевидно, что такая информация может быть идентифицирована в качестве информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан. В связи с этим в содеянном могут одновременно усматриваться признаки составов преступлений, предусмотренных ст. 207 и 207¹ УК РФ. Однако применение данных норм по совокупности недопустимо, поскольку это будет нарушением принципа справедливости, исключающего возможность двойной

уголовно-правовой оценки одного деяния. Выбор в этом случае надлежит сделать в пользу нормы об ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма, так как в ней детализирован предмет преступления – это общественно значимая информация о предстоящем взрыве, поджоге и т.п. Кроме того, состав заведомо ложного сообщения об акте терроризма охватывает своим содержанием хулиганские побуждения либо цель дестабилизации деятельности органов власти, а в преступлении, предусмотренном ст. 207¹ УК РФ, такие признаки отсутствуют.

Норма, закрепленная ст. 207³ УК РФ, является специальной по отношению к ст. 207¹ УК РФ, поскольку в ней детализированы признаки предмета преступления. При этом, как представляется, она не находится в отношениях конкуренции со ст. 207 УК РФ. Объясняется это тем, что признаки соответствующей распространяемой информации в данном случае не пересекаются.

Несмотря на возможность полного совпадения предмета преступления и его объективной стороны, а также субъективных признаков, уголовно-правовые нормы, предусмотренные ст. 207³ УК РФ и ст. 280³ УК РФ, не могут быть признаны находящимися в отношениях конкуренции, поскольку данные преступления посягают на разные объекты правовой охраны. Они не соотносятся как часть и целое, а также не образуют признаков конкуренции общей и специальной нормы. Дискредитация и распространение заведомо ложной информации имеют совершенно различное социально-правовое содержание. Не случайно законодатель поместил исследуемые уголовно-правовые предписания в разные разделы УК РФ. Поэтому преступления, предусмотренные ст. 207³ УК РФ и ст. 280³ УК РФ, при одновременном наличии совпадающих признаков подлежат квалификации по совокупности. Причем вполне допустима констатация идеальной совокупности преступлений, когда одно деяние образуют признаки двух составов преступлений.

9. В условиях указания на заведомую ложность распространяемых сведений вопросы придания правдоподобности не имеют существенного влияния на восприятие ее адресатами. А в случае с преступлением, предусмотренным ст. 207² УК РФ, это обстоятельство имеет еще меньшее значение, поскольку конструктивным признаком данного преступления выступают общественно опасные последствия в виде причинения тяжких последствий. Соответственно, если деяние повлекло такие последствия, то придавался ли достоверный вид информации или не придавался, очевидно, не имеет значения. В то же время наличие признаков придания достоверного вида распространяемой информации усложняет практику применения анализируемых уголовно-правовых запретов, которые в силу ряда обстоятельств весьма трудны для квалификации.

10. Обосновано предложение об объединении исследуемых однородных предписаний в единый уголовно-правовой запрет, так как это будет способствовать формированию системных мер уголовно-правового противодействия преступлениям. Однако умеренность в этом подходе крайне важна. Смежные уголовно-правовые нормы могут быть объединены в единое предписание при соблюдении ряда общих условий, в числе которых однородность деяний, наличие у них единого видового объекта, близость по качественным и количественным характеристикам общественной опасности, сохранение изначального смысла объединяемых уголовно-правовых запретов. Как свидетельствуют результаты проведенного нами исследования, изложенные условия соблюдаются при конструировании единой уголовно-правовой нормы об ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации, которая может прийти на смену уголовно-правовым нормам, предусмотренным ст. 207¹–207³ УК РФ.

Целесообразность унификации данных предписаний подтверждается их уголовно-правовой характеристикой, свидетельствующей о том, что каждое из перечисленных преступлений представляет собой частный случай публичного распространения заведомо ложной общественно значимой информации.

Их отличительными особенностями являются – предмет преступления (различные типы информации) и некоторые признаки объективной стороны, которые могут быть сохранены в единой уголовно-правовой норме.

Диспозиция разработанной единой уголовно-правовой нормы об ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации предлагается в следующем виде:

«Статья 207¹. Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации

1. Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, создавшее угрозу наступления тяжких последствий, –

наказывается ...

2. То же деяние, совершенное:

а) лицом с использованием своего служебного положения;

б) группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, –

наказывается ...

3. Деяния, предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи, если они повлекли по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия, –

наказываются ...».

Одновременно ст. 207² и 207³ УК РФ потребуется исключить из российского уголовного законодательства.

11. Обоснована необходимость корректировки редакции ст. 207 УК РФ в целях устранения неоправданного сужения объема действия этой нормы, заключающегося в указании в качестве составообразующего признака на специальный мотив – хулиганские побуждения (ч. 1) или специальную цель – дестабилизацию деятельности органов власти (ч. 3). Одновременно в изменении нуждается существующая законодательная конструкция ч. 2 ст. 207 УК РФ, в соответствии с которой квалифицирующие признаки в виде совершения данного

преступления в отношении объектов социальной инфраструктуры либо с причинением крупного ущерба относятся только к преступлению, регламентированному ч. 1 ст. 207 УК РФ.

Разработанная в ходе настоящего исследования новая редакция ст. 207 УК РФ предлагается в следующем виде:

«Статья 207. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма

1. Заведомо ложное сообщение о готовящихся взрыве, поджоге или иных действиях, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, –

наказывается ...

2. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, совершенное из хулиганских побуждений, –

наказывается ...

3. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, совершенное в целях дестабилизации деятельности органов власти, –

наказывается ...

4. Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, совершенные в отношении объектов социальной инфраструктуры либо повлекшее причинение крупного ущерба, –

наказываются ...

5. Деяния, предусмотренные частями первой, второй, третьей или четвертой настоящей статьи, повлекшие по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия, –

наказываются ...».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

I. Нормативные акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.) // Справочная правовая система «Консультант Плюс».
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 24 июня 2025 г.) // Справочная правовая система «Консультант Плюс».
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 24 июня 2025 г.) // Справочная правовая система «Консультант Плюс».
4. Венская декларация о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века // Официальный сайт ООН / URL: <https://undocs.org/ru/A/CONF.187/4/Rev.3> (дата обращения 10.02.2025).
5. Декларация ООН о преступности и общественной безопасности 1996 г. // Официальный сайт ООН / URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/51/60> (дата обращения 10.02.2025).
6. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О противодействии терроризму» // Справочная правовая система «Консультант Плюс».
7. Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 14 (часть I). Ст. 2030.
8. Федеральный закон от 4 марта 2022 г. № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-

портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 10.09.2024).

9. Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 (в ред. от 1 июля 2021 г.) «О средствах массовой информации» // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

II. Уголовное законодательство зарубежных стран

10. Закон об уголовном праве Израиля / Предисл., пер. с иврита: магистр права М. Дорфман; науч. ред. к.ю.н. Н.И. Мацнев. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. 412 с.

11. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. № 787-IQ (с изменениями и дополнениями по состоянию на 23.02.2024) / Информационная система «ПАРАГРАФ» / URL: <http://online.zakon.kz/> (дата обращения 05.12.2024).

12. Уголовный кодекс Дании / Научное редактирование и предисловие С.С. Беляева, к.ю.н. (МГУ им. М.В. Ломоносова). Перевод с датского и английского к.ю.н. С.С. Беляева, А.Н. Рычевой. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001.

13. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / Официальный сайт Посольства Китайской Народной Республики в Российской Федерации // URL: <http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zfhz/zgflyd/> (дата обращения 15.02.2023).

14. Уголовный кодекс Королевства Нидерландов / Официальный сайт БДИПЧ ОБСЕ // URL: <https://legislationline.org/Netherlands> (дата обращения 02.02.2023).

15. Уголовный кодекс Королевства Швеция / Официальный сайт БДИПЧ ОБСЕ // URL: <https://legislationline.org/Sweden> (дата обращения 09.03.2023).

16. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 127 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 02.12.2024) /

Информационная система «ПАРАГРАФ» / URL: <https://online.zakon.kz/> (дата обращения 09.12.2024).

17. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 12.07.2024) / Информационная система «ПАРАГРАФ» / URL: <https://online.zakon.kz/> (дата обращения 13.11.2024).

18. Уголовный кодекс Республики Болгария / Официальный сайт БДИПЧ ОБСЕ // URL: <https://legislationline.org/Bulgaria> (дата обращения 05.02.2023).

19. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 30.12.2020 г.) / Информационная система «Параграф» / URL: <http://online.zakon.kz/> (дата обращения 20.03.2021).

20. Уголовный кодекс Республики Корея / Науч. редактирование и предисловие докт. юрид. наук, проф. А.И. Коробеева. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003.

21. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 г. № 985-XV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 06.06.2024) / Информационная система «ПАРАГРАФ» / URL: <http://online.zakon.kz/> (дата обращения 07.12.2024).

22. Уголовный кодекс Республики Польша / Официальный сайт БДИПЧ ОБСЕ // URL: <https://legislationline.org/Poland> (дата обращения 22.03.2023).

23. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.06.2024) / Информационная система «ПАРАГРАФ» / URL: <http://online.zakon.kz/> (дата обращения 11.11.2024).

24. Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2012-XII (с изменениями и дополнениями по состоянию на 21.11.2024) / Информационная система «ПАРАГРАФ» / URL: <https://online.zakon.kz/> (дата обращения 09.12.2024).

25. Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июня 1997 г. № 222-I (с изменениями и дополнениями по состоянию на 25.11.2023) / Информационная система «ПАРАГРАФ» / URL: <http://online.zakon.kz/> (дата обращения 05.11.2024).

26. Уголовный кодекс Японии / Науч. ред. и предисловие д.ю.н., проф. А.И. Коробеева. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002.

III. Материалы судебной практики

27. Определение Конституционного Суда РФ от 16.07.2013 № 1162-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Филимонова Дмитрия Ивановича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 14 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

28. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.06.2018 № 17 (ред. от 12.12.2023) «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 8.

29. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2006. № 8.

30. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4. (ред. от 03.11.2016).

31. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 № 23 «О судебном решении» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 2. (ред. от 23.06.2015).

32. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8 (ред. от 29.11.2016).

33. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8. (ред. от 28.10.2021).

34. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 9.

35. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 5.

36. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 6.

37. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2023) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.07.2023) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

38. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 01.07.2021 № 77-1968/2021 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

39. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 04.06.2024 № 77-1377/2024 (УИД 77RS0018-02-2023-006859-82) // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

40. Кассационное постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 16.07.2024 № 77-2045/2024 (УИД 91RS0002-01-2023-002462-47) // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

41. Кассационное постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 14.05.2024 № 77-1383/2024 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

42. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16.04.2024 № 77-1478/2024 (УИД 50RS0028-01-2023-004502-73) // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

43. Приговор Ленинского районного суда города Барнаула от 15 февраля 2023 г. № 1-14/2023 (1-624/2022) // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

44. Приговор Ленинского районного суда города Пензы от 3 августа 2022 г. по делу № 1-184/2022 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

45. Приговор Новомосковского городского суда Тульской области от 12 июля 2023 г. № 1-188/2023 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

IV. Монографии, учебники и иная учебная литература

46. Агапов П.В., Борисов С.В., Меркурьев В.В. и др. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». М.: Проспект, 2021. 208 с.

47. Актуальные проблемы Особенной части уголовного права. Учебник / Под ред. И.А. Подройкиной, С.И. Улезько. М.: Издательство Проспект, 2023. 544 с.

48. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник. 6-е изд., изм. и доп. М.: Норма, 2007. 784 с.

49. Безверхов А.Г., Шевченко И.Г. Уничтожение и повреждение имущества: вопросы истории, теории, практики: Монография. М.: Юрлитинформ, 2010. 192 с.

50. Благов Е.В. Применение уголовного права (теория и практика). СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. 505 с.
51. Босхолов С.С. Основы уголовной политики: Конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты. Изд. 2-е, перераб. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2004. 303 с.
52. Брайнин Я.М. Уголовный закон и его применение. М., 1967. – 123 с.
53. Векленко С.В., Бавсун М.В., Фаткуллина М.Б. Вина и ответственность в уголовном праве: монография. Омск: Омская академия МВД России, 2009. 256 с.
54. Винокуров В.Н. Объект преступления: теория, законодательство, практика: монография. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2010. 224 с.
55. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М.: Территория будущего, 2005. 797 с.
56. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. 2-е изд., перераб. и дополн. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2003. 448 с.
57. Герцензон А.А. Уголовное право: Часть Общая. М., 1948. 496 с.
58. Глистин В.К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений. Л., 1979. 127 с.
59. Головки Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. 544 с.
60. Головненков П.В. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия: Strafgesetzbuch (StGB): научно-практический комментарий и перевод текста закона. 2021.
61. Греков Б.Д. Судебники XV–XVI веков. М.-Ленинград: Изд-во Акад. Наук СССР, 1952. 615 с.
62. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Рус. яз., 2002. Т. 1: А-З. 2002. 699 с.
63. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка; В 4 т. М.: Рус. яз., 2002. Т. 3: П. 2002. 555 с.

64. Егоров В.С. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. М.: Московский психолого-социальный институт, 2002. 279 с.
65. Епифанова Е.В. Общественная опасность как научная категория, законодательная дефиниция: история и современность: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 152 с.
66. Есаков Г.А., Рарог А.И., Чучаев А.И. Настольная книга судьи по уголовным делам / отв. ред. А.И. Рарог. М.: Велби, Проспект, 2007. 569 с.
67. Есаков Г.А., Рарог А.И., Чучаев А.И. Настольная книга судьи по уголовным делам / Отв. ред. А.И. Рарог. М.: Проспект, 2010. 576 с.
68. Жалинский А.Э. Учебный комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 2005. 1088 с.
69. Жариков Ю.С. Уголовно-правовое регулирование и механизм его реализации. М.: ИД «Юриспруденция», 2009. 216 с.
70. Закомолдин Р.В. Преступные нарушения специальных правил и требований безопасности: монография. Тольятти: Филиал РГСУ в г. Тольятти, 2013. 167 с.
71. Звечаровский И.Э. Ответственность в уголовном праве. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. 100 с.
72. Звечаровский И.Э. Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. 100 с.
73. Ибрагимов М.А., Ображиев К.В. Нормативные акты иных отраслей права как источники уголовного права: монография. Ставрополь: Сервисшкола, 2005. 96 с.
74. Кадников Н.Г. Категории преступлений и проблемы уголовной ответственности: Учебное пособие. М.: Книжный мир, 2005. 83 с.
75. Кадников Н.Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования: Учебное пособие. М., 2003. 101 с.

76. Квалификация преступлений: учебное пособие / Под ред. д.ю.н., доц. К.В. Ображиева, д.ю.н., проф. Н.И. Пикурова. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2016. 87 с.
77. Ковалев М.И., Васьков П.Т. Причинная связь в уголовном праве. М., 1958. 72 с.
78. Козлов А.П. Понятие преступления. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. 819 с.
79. Комментарий к Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации научно-практический, постатейный / С.В. Борисов, М.Ю. Воронин, М.М. Дайшутов [и др.]. Москва: ООО «Издательство Юнити-Дана», 2024. 352 с.
80. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2010. 1392 с.
81. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А.И. Рарог. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2013. 888 с.
82. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А.И. Рарог. 14-е изд., перераб. и доп. М., 2023. 1029 с.
83. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т., постатейный. Том 2. 2-е издание / под ред. А.В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2015. 704 с.
84. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. Особенная часть. Т. 4. Разделы X-XII / отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. 278 с.
85. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: В 3 т. Т. 1. Общая часть / Под науч. ред. К.В. Ображиева, Н.И. Пикурова. М., 2025. 528 с.
86. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: В 3 т. Т. 3. Особенная часть (разделы IX–XII) / Под науч. ред. К.В. Ображиева, Н.И. Пикурова. М., 2023. 983 с.

87. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. Т. 2: Особенная часть. Разделы VII–VIII.
88. Корнеева А.В. Теоретические основы квалификации преступлений: учеб. пособие / Под ред. А.И. Рарога. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. 176 с.
89. Кругликов Л.Л., Смирнова Л.Е. Унификация в уголовном праве. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. 312 с.
90. Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. 300 с.
91. Крылова Н.Е., Серебрянникова А.В. Уголовное право зарубежных стран. М., 1998. 208 с.
92. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Изд-во Эксмо, 2005. 939 с.
93. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2006. 304 с.
94. Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. 244 с.
95. Кузнецова Н.Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. М.: Госюриздат, 1958. 68 с.
96. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Науч. ред. и предисл. академика В.Н. Кудрявцева. М.: Издательский Дом «Городец», 2007. 336 с.
97. Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. М.: МГУ, 1976. 182 с.
98. Курс российского уголовного права. Общая часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М., 2001. 569 с.
99. Курс уголовного права: Особенная часть / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. Т. 3. 470 с.
100. Курс уголовного права: Особенная часть / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. Т. 5. 512 с.

101. Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2000. 178 с.
102. Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. 339 с.
103. Ляпунов Ю.И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права. Учебное пособие. М.: ВЮЗШ МВД СССР, 1989. 118 с.
104. Маркунцов С.А. Древнейшее русское уголовное право: возникновение первичных уголовно-правовых запретов: учебное пособие. М.: Юриспруденция, 2012. 155 с.
105. Марцев А.И., Вишнякова Н.В. Развитие учения об объекте преступления. Омск, 2002. 48 с.
106. Милитаризация и мобилизация Уголовного кодекса Российской Федерации: 2022-2024 гг. / Р.В. Закомолдин, П.В. Агапов, П.С. Данилов [и др.]. Самара: Самарама, 2024. 260 с.
107. Михлин А.С. Последствия преступления. М.: Юридическая литература, 1969. 104 с.
108. Наумов А.В. Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий судебной практики и доктринальное толкование / под ред. Г.М. Резника. М.: Волтерс Клувер, 2005. 926 с.
109. Наумов А.В. Применение уголовно-правовых норм. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1973. 176 с.
110. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М., 1996. 560 с.
111. Непомнящая Т.В. Мера уголовного наказания: проблемы теории и практики. М.: Юрлитинформ, 2012. 384 с.

112. Ображиев К.В. Формальные (юридические) источники российского уголовного права: монография. М.: Юрлитинформ, 2010. 216 с.

113. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов / Под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: ООО «Издательство Оникс»; ООО «Издательство «Мир и Образование», 2007. 640 с.

114. Основания отмены и изменения судебных решений по уголовным делам: Сборник определений и постановлений / [сост. В.А. Давыдов, В.В. Дорошков, А.С. Харламов]; под общ. ред. В.М. Лебедева. М.: Норма, 2007. 752 с.

115. Основы уголовного права / Н.Г. Кадников, С.Я. Лебедев, А.В. Федоров [и др.]. Москва: ООО «Издательство Юнити-Дана», 2025. 255 с.

116. Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование: научно-практическое пособие / Ю.И. Антонов, В.Б. Боровиков, А.В. Галахова и др.; под ред. А.В. Галаховой. М.: Норма, 2014. 736 с.

117. Павлов В.Г. Субъект преступления и уголовная ответственность: Монография. Серия «Учебники для вузов. Специальная литература». СПб.: Издательство «Лань», Санкт-Петербургский университет МВД России, 2000. 192 с.

118. Панько К.К. Методология и теория законодательной техники уголовного права России. Воронеж, 2004. 256 с.

119. Панько К.К. Теория и практика законотворчества в уголовном праве: монография. М.: Юрлитинформ, 2011. 312 с.

120. Пикуров Н.И. Комментарий к судебной практике квалификации преступлений на примере норм с бланкетными диспозициями. М.: Издательство Юрайт, 2009. 488 с.

121. Плохова В.И. Системное толкование норм Особенной части уголовного права: учеб. пособие. М.: Юрлитинформ, 2011. 320 с.

122. Пудовочкин Ю.Е. Учение о преступлении: избранные лекции. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрлитинформ, 2010. 280 с.
123. Пудовочкин Ю.Е. Вопросы квалификации соучастия в преступлении в судебной практике. М.: Российский государственный университет правосудия, 2017. 238 с.
124. Пудовочкин Ю.Е. Учение о составе преступления: учебное пособие. М.: Юрлитинформ, 2009. 248 с.
125. Рарог А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений: практ. пособие. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. 224 с.
126. Российское уголовное право. В 2 т. Т. 2. Особенная часть: учебник / под ред. заслуженного деятеля науки Российской Федерации, д.ю.н., проф. Э.Ф. Побегайло. М.: Илекса, 2008. 752 с.
127. Сабитов Р.А. Теория и практика квалификации уголовно-правовых деяний: учебное пособие. Челябинск: Челябинский юридический институт МВД России, 2005. 158 с.
128. Сабитов Р.А., Сабитова Е.Ю. Уголовно-правовая оценка обманов и действий, совершенных с документами: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 339 с.
129. Савельева В.С. Основы квалификации преступлений: учеб. пособие. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. 80 с.
130. Ситникова А.И. Законодательная текстология и ее применение в уголовном праве: монография. М.: Юрлитинформ, 2010. 232 с.
131. Складов С.В. Вина и мотивы преступного поведения. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. 326 с.
132. Современное уголовное право. Общая и Особенная части: учебник / под ред. проф. А.В. Наумова. М.: Илекса, 2007. 1040 с.
133. Соктоев З.Б. Причинность и объективная сторона преступления: монография. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2015. 256 с.

134. Соучастие в преступлении: проблемы квалификации и назначения наказания / Под ред. Ю.Е. Пудовочкина. М.: РГУП, 2019. 508 с.
135. Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева; науч. ред. С.В. Бородин. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2010. 1253 с.
136. Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / Сост. С.В. Бородин, А.И. Трусова; Под общ. ред. В.М. Лебедева. М.: Спарк, 2001. 1168 с.
137. Сулейманов Т.А., Павлухин А.Н., Эриашвили Н.Д. Механизм и формы реализации норм уголовного права: монография. М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2007. 288 с.
138. Таганцев Н.С. Лекции по русскому уголовному праву. Общая часть, вып. II, 1888. 974 с.
139. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Часть Общая: в 2 т. М., 1994. Т. 1. 380 с.
140. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Лекции. Часть Общая. Тула, 2001. Т. 1. 800 с.
141. Тельнов П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М., 1974. 208 с.
142. Тер-Акопов А.А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. М.: «ЮРКНИГА», 2003. 478 с.
143. Трайнин А.Н. Избранные труды / Составление, вступительная статья докт. юрид. наук, профессора Н.Ф. Кузнецовой. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. 898 с.
144. Уголовное уложение 1903 г. СПб.: Сенатская типография, 1903.
145. Уголовный кодекс РСФСР от 01 июня 1922 г. (ред. 1 апреля 1923 г.) // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

146. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / А.Я. Гришко, Е.А. Антонян, А.Ю. Беляков [и др.]. – Москва: ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2025. 557 с.
147. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / Под ред. д.ю.н., проф. И.Э. Звечаровского. М.: Проспект, 2025. 584 с.
148. Уголовное право. Общая часть: учебник / И.В. Дворянсков, Е.А. Антонян, С.А. Боровиков [и др.]; под ред. д-ра юрид. наук, проф. И.В. Дворянскова. М.: ИНФРА-М, 2023. 532 с.
149. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / С.Д. Бражник, С.А. Галактионов, В.К. Дуюнов [и др.]; под ред. д-ра юрид. наук, проф. В.К. Дуюнова. М.: РИО, ИНФРА-М, 2023. 700 с.
150. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. проф. Л.В. Иногамовой-Хегай. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2023. 407 с.
151. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / Под ред. А.И. Рарога. 10-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2025. 944 с.
152. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник для бакалавров / Отв. ред. А.И. Рарог. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2019. 624 с.
153. Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики: сборник очерков / Под ред. В.В. Лунеева. М.: Издательство Юрайт, 2010. 779 с.
154. Уголовное право. Особенная часть: учебник для бакалавров / Под ред. А.И. Чучаева. М.: Проспект, 2012. 512 с.
155. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб, 1845.
156. Флетчер Д., Наумов А.В. Основные концепции современного уголовного права. М.: Юристъ, 1998. 512 с.
157. Чистяков О.И. Российское законодательство X–XX веков: в 9-ти томах. Т. 3: Акты Земских соборов. М.: Юридическая литература, 1985. 511 с.

158. Чистякова О.И. Российское законодательство X–XX веков: в 9-ти томах. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М.: Юридическая литература, 1985. 519 с.
159. Шаргородский М.Д. Вопросы Общей части уголовного права. Л., 1955. 256 с.
160. Шаргородский М.Д. Избранные работы по уголовному праву. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. 434 с.
161. Шестак В.А. Уголовное право России. Особенная часть: Учебное пособие в 3-х томах. Том 1. М.: Прометей, 2025. 1102 с.
162. Щепельков В.Ф. Уголовный закон: преодоление противоречий и неполноты. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2003. 416 с.
163. Яцененко Б.В. Противоречия уголовно-правового регулирования: монография. М.: Моск. юрид. ин-т, 1996. 226 с.

V. Статьи

164. Агапов П.В., Грудачев И.В. Уголовно-правовое противодействие финансированию экстремистской деятельности и терроризма // Уголовное право. 2020. № 6. С. 4-9.
165. Агапов П.В., Ульянов М.В., Сальников Н.В. Противодействие новым деструктивным проявлениям в информационно-коммуникационном пространстве // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2021. № 3. С. 86-92.
166. Агапов П.В., Хлебушкин А.Г. Террористическая организация и формы соучастия в преступлении: вопросы квалификации // Уголовное право. 2022. № 6. С. 3-8.
167. Агапов П.В., Закомолдин Р.В., Дулькина Л.В. Фейкинг как инструмент дискредитации армии и деструктивного воздействия на общество: уголовно-правовой аспект // Сибирский юридический вестник. 2024. № 2. С. 75-82.

168. Агапов П.В., Смыслова В.Н., Закомолдин Р.В. Противодействие призывам к осуществлению насильственных действий экстремистского характера и дискредитации Вооруженных Сил РФ (уголовно-правовой аспект) // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9. С. 598-600.

169. Агапов П.В., Закомолдин Р.В. Фейкинг как инструмент дискредитации армии и угроза национальной безопасности // Российское общество и социально-правовые аспекты его безопасности: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 25-26 апреля 2024 года. Москва: Университет прокуратуры РФ, 2024. С. 149-154.

170. Азаренкова Е.А., Мордовец А.А., Старых С.М. Угрозы общественной безопасности, связанные с публичным распространением заведомо ложной информации // Современное общество и право. 2023. № 5(66). С. 98-105.

171. Азаренкова Е.А., Ивашков М.Р. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма: проблемы квалификации по признакам объективной стороны // Современное общество и право. 2021. № 6. С. 67-73.

172. Алиева М.Н. Кибертерроризм как внутригосударственная и международная проблема // Юридический вестник ДГУ. 2017. Т. 22. № 2. С. 61-65.

173. Безручко Е.В., Осадчая Н.Г. Проблемы регламентации ответственности за распространение заведомо ложной информации в условиях эпидемии и других чрезвычайных обстоятельств // Юристъ-Правоведъ. 2021. № 1.

174. Бешукова З.М., Трахов А.И. Распространение заведомо ложной информации (ст. 207.1 и 207.2 УК РФ): новые составы с признаком публичности // Теория и практика общественного развития. 2020. № 6. С. 78- 82.

175. Бешукова З.М., Прохоров Л.А. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ): совершенствование законодательной конструкции нормы // Российский следователь. 2021. № 10. С. 39-43.

176. Бешукова З.М., Трахов А.И. На пути к стабильности уголовного закона: размышления о некоторых отправных точках // Право и политика. 2021. № 9. С. 154-165.

177. Бешукова З.М., Джинджолия Р.С. Противодействие экстремизму в Интернете: роль и значение федерального списка экстремистских материалов // Право и государство: теория и практика. 2023. № 4. С. 288-290.

178. Бешукова З.М., Шадже Л.А. Категория "безопасность" в контексте концепции устойчивого развития: к постановке вопроса // Устойчивое развитие России: правовое измерение: Сборник докладов X Московского юридического форума. В 3-х частях, Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 6-8 апреля 2023 года. Москва: Московский государственный юридический университет им.О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023. С. 516-518.

179. Бешукова З.М., Трахов А.И. Распространение заведомо ложной информации как угроза устойчивому развитию // Приоритеты и перспективы устойчивого развития российских регионов: правовое измерение: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 30-летию юридического факультета АГУ, Майкоп, 27-28 октября 2023 года. Майкоп: Адыгейский государственный университет, 2023. С. 28-32.

180. Бешукова З.М. Возраст наступления уголовной ответственности за распространение заведомо ложной информации в законодательстве России и зарубежных стран // Эпомен. 2024. № 90. С. 84-90.

181. Бешукова З.М. Особенности пенализации преступлений, связанных с террористической и экстремистской деятельностью // Право и государство: теория и практика. 2025. № 1. С. 491-493.

182. Блинкова Н.Т., Амелин Р.В. Конституционно-правовое обеспечение достоверности социально значимой информации // Молодой ученый. 2022. № 34 (429). С. 42-46.

183. Борисов С.В. Особенности и тенденции современного терроризма // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2024. № 2. С. 10-14.

184. Боровиков В.Б., Боровикова В.В. О некоторых особенностях ответственности за террористический акт и заведомо ложное сообщение об акте терроризма // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 5. С. 82-84.

185. Бугера Н.Н., Лихолетов А.А., Лихолетов Е.А. Публичное распространение заведомо ложной информации о деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации: некоторые вопросы толкования уголовного закона // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 2 (61). С. 25-30.

186. Вешняков Д.Ю. Квалификация публичного распространения заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (ст. 207.1 УК) // Законность. 2021. № 7. С. 36-40.

187. Вишневецкий К.В., Кашкаров А.А., Кашкаров А.А. К вопросу о содержании субъективных признаков преступлений, предусмотренных ст. 207³ УК РФ и ст. 280³ УК РФ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2025. № 1.

188. ВОЗ объявила о «пандемии фейков» // Российская газета. 2020. 17 апреля.

189. Воронкин А.С. Социальные сети: эволюция, структура, анализ // ОТО. 2014. № 1. С. 655.

190. Габдрахманов Р.Л., Кужигов В.Н. Заведомо ложная информация как предмет преступления // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 4. С. 53-57.

191. Габдрахманов Р.Л., Кужигов В.Н. К вопросу о предмете преступления, предусмотренного статьей 207.3 УК РФ // Актуальные проблемы противодействия преступности в России и пути их решения: Всероссийская научно-практическая конференция, Москва, 22 июня 2023 года. Москва: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя, 2023. С. 39-43.

192. Габдрахманов Р.Л. Использование электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, при совершении

преступления, предусмотренного ст. 207.1 УК РФ // Противодействие преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий: Сборник научных трудов, Москва, 30 марта 2023 года / Сост. А.В. Константинов. Москва: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2023. С. 40-44.

193. Гаухман Л.Д., Журавлев М.П. Законотворческие проблемы Уголовного кодекса Российской Федерации // Уголовное право. 2015. № 1. С. 40-43.

194. Гладких В.И. Парадоксы современного законотворчества: критические заметки на полях Уголовного кодекса // Российский следователь. 2012. № 11. С. 17.

195. Гордейчик С.А. Уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации // Российская юстиция. 2020. № 6. С. 72.

196. Гулый А.А. Нужно ли России возобновление института общей конфискации имущества? // Юрист. 2006. № 4. С. 24.

197. Гуляева И.А. Социальная обусловленность и вопросы применения нормы об ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма // Закон и право. 2021. № 7. С. 117-121.

198. Густова Э.В. Новеллы уголовного законодательства: проблемы конструирования и применения // Журнал российского права. 2018. № 11. С. 129-137.

199. Давыдова М.Л. Проблема изменений в праве в контексте умного регулирования // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 69.

200. Дорохов Н.А., Безрук А.Н. Правовое явление «малозначительные деяния» // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2012. № 1 (53). С. 96.

201. Дубовиченко С.В., Карлов В.П. Уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации (ст.ст. 207.1, 207.2 УК РФ) // Вестник ВУиТ. 2020. № 3. С. 155.

202. Дулькина Л.В. Публичное распространение «фейков» об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации и исполнении государственными органами РФ своих полномочий: сложности доктринального понимания // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9. № 3. С. 97-101.

203. Жерновой М.В. Законодательное обеспечение борьбы с "телефонным терроризмом" в России // Российская юстиция. 2018. № 6. С. 53-54.

204. Жигоцкий П.Э., Чесноков Н.А. Проблемы информационной безопасности (защита от информации, распространение которой запрещается) // Российский следователь. 2015. № 4. С. 35-42.

205. Иванов Н.Г. Общественная опасность деяния // Уголовное судопроизводство. 2024. № 2. С. 35-40.

206. Ильяшенко А.Н., Хисамова З.И. О некоторых аспектах привлечения к уголовной ответственности за распространение fake news в социальных сетях в условиях пандемии // Российский следователь. 2020. № 9. С. 12-15.

207. Ильяшенко Е.А. Объект состава заведомо ложного сообщения об акте терроризма // Философия права. 2021. № 4. С. 84-88.

208. Ильяшенко Е.А. Общественная опасность распространения заведомо ложной социально значимой информации // Государство и право: проблемы и перспективы совершенствования: сборник научных трудов IV Международной научной конференции / Отв. ред. А.А. Горохов. Курск: Юго-Зап. гос. ун-т, 2021. С. 268-272.

209. Ильяшенко Е.А. Уголовно-правовая характеристика публичного распространения заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан // Юрист-Правовед. 2022. № 4. С. 187-191.

210. Ильяшенко Е.А. Предмет состава публичного распространения заведомо ложной информации об опасности // Уголовное право в системе межотраслевых связей: проблемы теории и правоприменения: материалы

XIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 26-27 мая 2022 г. М.: Юрлитинформ, 2022. С. 208-211.

211. Ильяшенко Е.А. Уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия // Российский следователь. 2023. № 5. С. 20-23.

212. Ильяшенко Е.А. Разграничение преступлений, связанных с распространением заведомо ложной общественно значимой информации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. № 3. С. 42-48.

213. Ильяшенко Е.А. Дифференциация уголовной ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона (к 100-летию Верховного Суда Российской Федерации): Сборник материалов X Международной научно-практической конференции / Отв. ред. А.В. Бриллиантов. М.: РГУП, 2023. С. 191-195.

214. Ильяшенко Е.А. Общественно значимая информация как предмет преступлений против общественной безопасности // Российский следователь. 2024. № 6. С. 15-17.

215. Ильяшенко Е.А. Конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера, применяемая к лицам, совершившим преступления, связанные с распространением заведомо ложной информации о Вооруженных силах и войсках национальной гвардии Российской Федерации // Юристъ-Правоведъ. 2024. № 4. С. 124-128.

216. Ильяшенко Е.А. Историко-правовой анализ развития отечественного уголовного законодательства об ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации // Институциональные основы уголовного права РФ: к 70-летию юбилею профессора В.П. Коняхина: Материалы Международной научно-практической конференции; г. Краснодар,

1-2 февраля 2024 г. / отв. ред. Коняхин В.П. и Прохорова М.Л. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2024. С. 454-458.

217. Ильяшенко Е.А. Общественная опасность и иные критерии разграничения преступлений, предусмотренных статьями 207.3 и 280.3 Уголовного кодекса Российской Федерации // Общественная опасность в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии: материалы XIV Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30-31 мая 2024 г. М.: Юрлитинформ, 2024. С. 212-216.

218. Ильяшенко Е.А. Уголовная и административная ответственность за распространение заведомо ложной общественно значимой информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан: проблемы межотраслевого разграничения // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: Сборник материалов XI Международной научно-практической конференции / Отв. ред. А.В. Бриллиантов. М.: РГУП, 2024. С. 133-138.

219. Ильяшенко Е.А. Квалифицированные виды состава преступления, связанного с распространением заведомо ложной информации о Вооруженных Силах Российской Федерации // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2024. № 3. Москва: Издательство Проспект, 2024. С. 126-132.

220. Ильяшенко Е.А. Уголовно-правовой запрет заведомо ложного сообщения об акте терроризма как средство обеспечения национальной безопасности // Уголовная политика на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы: сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора Г.А. Аванесова: в 2 ч. / под общ. ред. А.В. Победкина. Москва: Академия управления МВД России, 2024. Ч. 2. С. 125-129.

221. Ильяшенко Е.А. Преступления, связанные с распространением заведомо ложной общественно значимой информации: отдельные вопросы разграничения // Российский следователь. 2025. № 2. С. 51-54.

222. Ильяшенко Е.А. Перспективные направления оптимизации отечественного уголовного законодательства об ответственности за преступления, связанные с распространением заведомо ложной общественно значимой информации // Союз криминалистов и криминологов. 2025. № 1. С. 56-60.

223. Ильяшенко Е.А. Уголовная ответственность за распространение заведомо ложной общественно значимой информации по законодательству стран ближнего зарубежья // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2025. Т. 16. № 1. С. 83-87.

224. Истомина А.С., Рахматулин З.Р. Проблемы толкования способов публичного распространения заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 2-2.

225. Кадников Н.Г. Современная опасность террористических угроз // Защити меня. 2024. № 2. С. 33-36.

226. Калининская Я.С. Особенности квалификации публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания терроризма и пропаганды терроризма, совершенных с использованием сети "Интернет" // Вестник экономической безопасности. 2021. № 5. С. 92-96.

227. Кибальник А.Г. Уголовно-правовая реакция на коронавирусную пандемию // Законность. 2020. № 5. С. 41-44.

228. Клюковская И.Н., Тер-Аванесова И.Н. Умышленное распространение заведомо ложной информации в СМИ и информационно-телекоммуникационных сетях новый вызов государственной безопасности в современном мире // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 2. С. 121-127.

229. Ковлагина Д.А. Проблемы дифференциации ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма // Уголовное право. 2019. № 6. С. 46-50.

230. Козаев Н.Ш., Табакова Н.А. Особенности уголовной ответственности за публичное распространение заведомо ложной информации об использовании

Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий (ст. 207³ УК РФ) // Общество и право. 2022. № 2 (80). С. 48-49.

231. Конин В.В., Корсаков К.А., Сидоренко Е.В. Некоторые вопросы, касающиеся преступлений, направленных на публичное распространение заведомо ложной информации (ст. 207.1, 207.2, 207.3 УК РФ) // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2023. № 2. С. 18-31.

232. Коновалова А.Б. К вопросу о научной полемике в отношении правовой природы заведомо ложного сообщения об акте терроризма // Российский следователь. 2005. № 10. С. 23-25.

233. Корниенкова М.Р., Дякина С.Н. Актуальные вопросы квалификации террористического акта // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 133-136.

234. Костылева О.В. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ) и угроза совершения террористического акта (ст. 205 УК РФ) // Уголовное право. 2018. № 2. С. 52-60.

235. Кузнецов А.П. Уголовно-правовая охрана общественной безопасности: научный обзор ст. 207.1 УК РФ // Российский следователь. 2020. № 10. С. 52-55.

236. Кузнецов А.П. Уголовно-правовая охрана общественной безопасности: научный обзор ст. 207.2 УК РФ // Российский следователь. 2020. №11. С. 28-31.

237. Кузнецов А.В. Освобождение от уголовной ответственности по ч. 2 ст. 76.1 УК РФ // Право и государство: теория и практика. 2016. № 7 (139). С. 113-122.

238. Кукузеева А.В., Мустафина В.А., Рахматулин З.Р. Уголовно-правовой анализ публичного распространения заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан // Modern Science. 2020. № 5. С. 327.

239. Курдиани З.В. К вопросу о целях конфискации // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2010. № 3. С. 99.

240. Левандовская М.Г. Общественно значимая информация как предмет преступлений против общественной безопасности // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Материалы XVIII Международной научно-практической конференции. М., 2021. С. 177-181.
241. Макаров В.В. Общие и частные вопросы заведомой лжи в УК РФ // Российский следователь. 2009. № 16. С. 10-12.
242. Мартыненко Н.Э., Мартыненко Э.В. Компенсационная функция и компенсационные нормы современного уголовного закона // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 1 (53). С. 78-88.
243. Маршакова Н.Н. Преступления террористической направленности в системе уголовного законодательства: теоретическое исследование // Российский следователь. 2015. № 24. С. 34-39.
244. Мотрович И.Д., Васильева Н.Л. Общественно значимая информация: проблемы терминологии в российском законодательстве // Административное право и процесс. 2022. № 10. С. 39-42.
245. Мурадян С.В. Вопросы применения статьи 280.3 УК РФ о дискредитации использования вооруженных сил Российской Федерации или исполнения государственными органами своих полномочий // Криминологический журнал. 2023. № 1. С. 89.
246. Непранов Р.Г., Петрашева Н.В. Назад в будущее или Уголовный кодекс Российской Федерации 20 лет спустя // Юрист-Правоведъ. 2017. № 1. С. 41-46.
247. Панько К.К. Понятие и общая характеристика законотворческих ошибок в уголовном праве // Уголовное право и криминология: Современное состояние и перспективы развития. Сб. науч. тр. Вып. 1 / Отв. ред. В.В. Трухачев. Воронеж, 2005. С. 176.
248. Пащенко Е.А. Конфискация имущества: реалии и ожидания // Северо-Кавказский юридический вестник. 2015. № 4. С. 85.

249. Письмо Росздравнадзора от 01.11.2021 № 01-62909/21 «О выявлении граждан, принимающих активное участие в антипрививочной кампании» // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

250. Пичугин С.А. Уголовная ответственность за деяние, предусмотренное статьей 207.3 УК РФ: вопросы регламентации и правоприменения // Legal Bulletin. 2023. № 3. С. 53-63;

251. Пономаренко Е.В., Копшева К.О. Обоснованность криминализации деяний, связанных с распространением заведомо ложной общественно значимой информации // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 2. С. 199-204.

252. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: sozd.duma.gov.ru (дата обращения 24.03.2024).

253. Пространная редакция Русской правды (по Троицкому списку второй половины XIV в.) URL: http://olegusenko1965.narod.ru/olderfiles/1/Russkaya_pravda.pdf. (дата обращения: 10.11.2023).

254. Пудовочкин Ю.Е., Толкаченко А.А. Основные направления межотраслевого совершенствования института освобождения от уголовной ответственности // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 60-76.

255. Путин подписал закон о конфискации имущества за фейки об армии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/14/02/2024/65cc60459a794761fc76e259?from=copy> (дата обращения 24.03.2024).

256. Рарог А.И. Сближение уголовно-правовых систем в эпоху глобализации // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 3. С. 584-590.

257. Родионов А.И. Уголовно-правовая характеристика публичного распространения заведомо ложной информации об использовании вооруженных сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской

Федерации своих полномочий // Вестник Югорского государственного университета. 2022. Выпуск 4 (67). С. 38.

258. Сабитов Т., Морозов М. Вывод по аналогии при квалификации преступлений // Уголовное право. 2014. № 2. С. 63-68.

259. Савин П.Т. Особенности правоприменительной практики по уголовным делам, обусловленные распространением коронавирусной инфекции // Российский следователь. 2021. № 4. С. 62.

260. Сверчков В.В. Уголовная ответственность за диффамацию: идея модернизации российского законодательства // Российская юстиция. 2020. № 12. С. 41-43.

261. Сигарев А.В. Законодательство о противодействии экстремизму: требуется не либерализация, а модернизация // Российская юстиция. 2021. № 1. С. 55-57.

262. Снежко О.А. Обеспечение права на достоверную информацию в цифровом пространстве // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 6. С. 38-43.

263. Совик Ю.И. Законодательное регулирование «фейк-ньюс» в России: в авангарде борьбы за информационную чистоту // Юрист. 2023. № 7. С. 63-67.

264. Совик Ю.И. Ограничение распространения недостоверной общественно значимой информации: опыт европейских государств // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 8. С. 72-80.

265. Терских А.И. Уголовный закон в реалиях информационного общества: новости фейковые наказание реальное // Законность. 2022. № 8. С. 32-37.

266. Тришева А. Преступление террористического характера // Законность. 2008. № 8. С. 28.

267. Тюнин В.И. Научная школа «Современные проблемы уголовного права и криминологии» в 2022-2023 году (итоги и перспективы) // «25 лет на службе отечества» / Сборник научных трудов, посвященный деятельности научных школ

Санкт-Петербургского университета МВД России и приуроченной к 25-летию со дня его образования. 2023. С. 273-278.

268. Тюнин В.И. Неоднократность и административная преюдиция в уголовном законе (соотношение понятий) // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2022. № 4 (47). С. 150-155.

269. Улезько С.И., Ибрагимов А.Р. Проблемные аспекты квалификации института соучастия // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 9 (136). С. 90-93.

270. Цепелев К.В. Уголовно-правовая характеристика заведомо ложного доноса как преступления, посягающего на формирование доказательств в уголовном процессе // Российский следователь. 2009. № 2. С. 14.

271. Что означает закон о конфискации за фейки об армии [Электронный ресурс]. URL: https://region15.ru/columnist_article/chto-oznachaet-zakon-o-konfiskatsii-za-fejki-ob-armii/ (дата обращения 24.03.2024).

272. Шамаев А.М. Вопросы правоприменительной практики при квалификации деяний, подпадающих под ст. 280.3 УК РФ «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации» // Образование и право. 2022. № 4. С. 188.

273. Шипунова М.Н. О квалификации распространения недостоверных сведений о Вооруженных силах Российской Федерации // Российский следователь. 2024. № 3. С. 41-45.

274. Яни П.С. Угроза совершения теракта // Законность. 2012. № 2. С. 15-18.

VI. Диссертации, авторефераты диссертаций

275. Багиров Ч.М. Малозначительность деяния и ее уголовно-правовое значение: Дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2005. 171 с.

276. Догузова О.Р. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма: дифференциация уголовной ответственности и особенности квалификации: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 204 с.

277. Дулькина Л.В. Уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации и исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий: Дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2023. 187 с.

278. Коновалова А.Б. Террористический акт в форме угрозы и заведомо ложное сообщение об акте терроризма как проявления информационного терроризирования: Дис. ... канд. юрид. наук. Киров, 2008. 230 с.

279. Корсун Д.Ю. Малозначительное деяние в уголовном праве: проблемы теории и практики: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 231 с.

280. Лихачев Н.А. Уголовно-правовое противодействие преступлениям в сфере обеспечения информационной безопасности: законодательный, правоприменительный и доктринальный аспекты: Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2024. 237 с.

281. Сизо З.М. Уголовно-правовое регулирование в условиях пандемии: проблемы теории и практики: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2023. 26 с.

282. Шипунова М.Н. Обман как уголовно-правовой феномен: Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2024. 212 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Результаты опроса сотрудников правоохранительных органов и судей по проблемам уголовно-правового противодействия преступлениям, связанным с распространением заведомо ложной общественно значимой информации

№	Вопрос	Варианты ответов	Распределение ответов
1.	Обладает ли распространение заведомо ложной общественно значимой информации уровнем общественной опасности, необходимым для криминализации таких деяний?	а) нет, не обладает б) да, обладает в) затрудняюсь ответить	12 % 83 % 5 %
2.	Согласны ли Вы с утверждением о том, что заведомо ложное сообщение об акте терроризма посягает на информационную безопасность неопределенного круга лиц, то есть на общественную информационную безопасность?	а) нет, не согласен б) да, согласен в) затрудняюсь ответить	8 % 73 % 19 %
3.	В ч. 2 ст. 207 УК РФ предусмотрен ...	а) самостоятельный состав преступления б) квалифицированный вид преступления, закрепленного ч. 1 ст. 207 УК РФ в) затрудняюсь ответить	6 % 82 % 12 %
4.	Под ложной информацией в ст. 207 ¹ -207 ³ УК РФ необходимо понимать ...	а) информацию, противоречащую объективной действительности, независимо от источников ее происхождения б) информацию, не соответствующую официальной в) затрудняюсь ответить	90 % 10 % 0 %
5.	Согласны ли Вы с тем, что преступление, предусмотренное ст. 207 ³ УК РФ, посягает на такой дополнительный непосредственный объект как общественные отношения, возникающие по поводу поддержания авторитета, доблести и уважения Вооруженных Сил РФ?	а) да, согласен б) нет, не согласен в) затрудняюсь ответить	80 % 14 % 6 %

6.	Каким образом, на Ваш взгляд, соотносятся предметы преступлений, предусмотренных ст. 207 ¹ и 207 ² УК РФ?	а) как часть и целое б) они имеют самостоятельное содержание в) они тождественны г) затрудняюсь ответить	5 % 7 % 88 % 0 %
7.	При одновременном наличии в содеянном признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 207 и 207 ¹ УК РФ, применению подлежит ...	а) только ст. 207 УК РФ б) только ст. 207 ¹ УК РФ в) совокупность ст. 207 и ст. 207 ¹ УК РФ г) затрудняюсь ответить	78 % 8 % 0 % 14 %
8.	При конкуренции норм о преступлениях, предусмотренных ст. 207 ¹ и 207 ² УК РФ, содеянное подлежит квалификации ...	а) только по ст. 207 ¹ УК РФ б) только по ст. 207 ² УК РФ в) по совокупности ст. 207 ¹ и 207 ² УК РФ г) затрудняюсь ответить	2 % 81 % 2 % 15 %
9.	Если содеянное лицом одновременно обладает признаками преступлений, предусмотренных ст. 207 ³ УК РФ и ст. 280 ³ УК РФ, то следует квалификация ...	а) только по ст. 207 ³ УК РФ б) только по ст. 280 ³ УК РФ в) по совокупности ст. 207 ³ УК РФ и ст. 280 ³ УК РФ г) затрудняюсь ответить	18 % 4 % 73 % 5 %
10.	Как Вами оценивается предложение об объединении уголовно-правовых предписаний, предусмотренных ст. 207 ¹ – 207 ³ УК РФ, в рамках одной статьи УК РФ?	а) положительно б) отрицательно в) затрудняюсь ответить	86 % 10 % 4 %